

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕНИ В. В. ВИНОГРАДОВА РАН**

Ладыженский Игорь Михайлович

**ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ
И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУКОПИСНЫХ КНИГ
ТИПОГРАФСКОГО СОБРАНИЯ РГАДА № 165, 166, 167**

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. В.Б. Крысько

МОСКВА
2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
Глава I. Исходные теоретические положения	13
1.1. Об аспектах изучения древних рукописей (древние рукописи как лингвистический источник)	13
1.2. Принципы датировки и локализации древнерусских рукописей ...	18
1.3. История и текстология древнерусского Пролога	23
ГЛАВА II. Палеографическое описание Прологов	30
2.1. Прологи Тип. 165, Тип. 167	30
2.1.1. Внешний вид. Переплет. Пергамен.....	30
2.1.2. Тетради. Разлиновка. Утраты	32
2.1.2.1. Тетради в Тип. 165	32
2.1.2.2. Тетради в Тип. 167	35
2.1.3. Инициалы и заголовки	41
2.1.4. Писцы. Почерки.....	45
2.1.5. Работа реставратора.....	59
2.2. Пролог Тип. 166	69
2.2.1. Внешний вид. Переплет. Пергамен.....	69
2.2.2. Тетради. Разлиновка. Утраты	70
2.2.3. Инициалы и заголовки	73
2.2.4. Писцы. Почерки.....	75
2.2.5. Некоторые обобщения	83
ГЛАВА III. Проблема антиграфов Прологов Тип. 165 и Тип. 167.....	86
ГЛАВА IV. Некоторые особенности употребления еров писцами Прологов Тип. 165, Тип. 166, Тип. 167.....	98
4.1. Смещение еров с графемами о и є: бытовые графические системы в книжном письме	99

4.1.1. Проблема происхождения неполноразличительных графических систем со смешением <i>ъ</i> и <i>о</i> , <i>ь</i> и <i>е</i>	99
4.1.2. Эффекты <i>ъ=о</i> , <i>ь=е</i> в Прологах Тип. 165, Тип. 167	119
4.1.2.1. Ошибки писцов <i>Н</i> и <i>С</i> . Техника письма.....	120
4.1.2.2. Использование еров писцом <i>С</i>	124
4.1.2.3. Использование еров писцом <i>Н</i>	128
4.1.3. Некоторые обобщения	131
4.2. Орфографическая техника употребления еров писцом <i>В</i>	132
4.2.1. Общие замечания по орфографии писца <i>В</i>	132
4.2.2. Закономерности употребления еров	132
4.3. Использование еров основными писцами Пролога Тип. 166	139
4.3.1. Общие замечания по орфографии писцов Пролога Тип. 166	139
4.3.2. Использование <i>ъ</i> и <i>ь</i>	140
4.4. <i>о</i> и <i>е</i> на месте этимологически слабых редуцированных в тексте писцов <i>В</i> и <i>К</i>	143
4.4.1. <i>е</i> на конце причастных форм <i>i</i> -глаголов.....	144
4.4.2. Предлоги/префиксы с вокализовавшимся редуцированным перед неприкрытым гласным	145
4.4.3. Другие случаи вокализации этимологически слабых редуци- рованных	151
4.5. Правило конца строки и проблема ассимилятивного смягчения согласных в говоре писца <i>В</i>	156
ГЛАВА V. Некоторые фонетические особенности Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166	164
5.1. Орфографические особенности текста, переписанного писцом <i>В</i>. Некоторые особенности фонетической системы говора	166
5.1.1. Статус фонемы <i>ъ</i> в говоре писца	166
5.1.2. Другие диалектные особенности и фонетические явления....	168

5.2. Фонетические особенности текста, переписанного	
другими писцами.....	170
5.2.1. Использование графемы ъ	170
5.2.2. Другие явления из сферы вокализма, представленные в тексте	
Прологов	173
5.2.3. Использование писцами Прологов графем ц и ч	175
5.2.4. Другие явления из сферы консонантизма, представленные в	
тексте Прологов	178
5.3. Фонетические особенности Пролога Тип. 166	180
5.3.1. Использование графемы ъ	181
5.3.2. Другие фонетические явления, представленные в тексте Про-	
лога Тип. 166	183
ГЛАВА VI. Морфологические особенности Прологов Тип. 165,	
Тип. 167 и Тип. 166	187
6.1. Имена существительные	189
6.1.1. Двойственное число в Прологах	190
6.1.2. Субпарадигмы единственного и множественного числа	192
6.1.2.1. Мужской род	192
6.1.2.1.1. Взаимодействие *o- и *и-склонений	192
6.1.2.1.2. Обобщение форм твердой разновидности	
*o-склонения	197
6.1.2.1.3. Система склонения имен существительных	
мужского рода с исконными консонантными основами	198
6.1.2.1.4. Другие явления морфологии имен	
существительных мужского рода	199
6.1.2.2. Женский род	201
6.1.2.2.1. Обобщение форм твердой разновидности	
*a-склонения	201
6.1.2.2.2. Система склонения имен существительных	

женского рода с исконными консонантными основами	204
6.1.2.3. Средний род	206
6.1.2.3.1. Обобщение форм твердой разновидности	
* <i>o</i> -склонения	206
6.1.2.3.2. Формы Р. мн. на <i>-ьи (-ji)</i>	206
6.1.2.3.3. Система склонения имен существительных среднего	
рода с исконными консонантными основами.....	207
6.1.3. Выводы.....	210
6.2. Прилагательные и местоимения.....	211
6.2.1. Прилагательные	211
6.2.2. Местоимения	213
6.2.2.1. Судьба И. и В. ед. местоимений <i>тъ</i> и <i>сь</i>	213
6.2.2.2. Склонение личного местоимения <i>ты</i> и возвратного	214
6.2.2.3. Формы Д. и М. ед. <i>тебе</i> и <i>себе</i>	218
6.2.2.4. Другие явления морфологии местоимений	219
6.3. Глаголы.....	219
6.3.1. Отсутствие <i>-тъ</i> в форме 3 ед. наст.....	219
6.3.2. Отклонения от исходной системы форм императива	220
Заключение	223
Литература	228
Рукописные источники	246
Приложение 1. Состав чтений Прологов Тип. 165, Тип. 167, Тип. 166 ..	247
Приложение 2. Иллюстрации	279

ВВЕДЕНИЕ

Комплексное лингвистическое описание отдельных книжных памятников (и при этом выявление конкретных, нередко единичных, фактов и языковых явлений) должно являться непременным условием дальнейшего расширения и углубления наших знаний об истории русского языка. Уточнение датировки и локализации рукописных книг чрезвычайно важно в связи с вопросами истории и бытования отдельных литературных текстов, распространения книжной культуры на территории Древней Руси, существования книжных центров. Именно это определяет актуальность настоящей темы исследования.

Объектом диссертационного исследования являются три рукописных пергаменных кодекса: Прологи Рукописного отделения собрания Библиотеки Московской Синодальной типографии РГАДА № 165, 166, 167 (далее — Тип. 165, Тип. 166, Тип. 167).

Как было установлено В. В. Калугиным, рукописи Тип. 165, Тип. 167 отражают деятельность одной книгописной мастерской [Калугин 1992]. Пролог Тип. 166 имеет один общий с Тип. 167 почерк (явно ученический), что позволяет нам объединить в исследовании данные памятники, сблизить их датировку и локализацию. В связи с вопросами истории древнерусского Пролога рукописи упоминались в работах архиеп. Сергия (Спасского), Е. А. Фет, Л. П. Жуковской, С. А. Давыдовой, Л. В. Прокопенко [Сергий 1997, 1: 321; Фет 1977: 92; Давыдова 1999: 67; Жуковская 1983: таблица 1; Прокопенко 2009 (дис.)]. Тип. 167 привлекался в качестве дополнительного (псковского) источника в диссертации Е. В. Горской [2002 (дис.)]. Однако комплексному монографическому описанию кодексы не подвергались.

Рукописи Тип. 165, Тип. 167 в каталоге ЦГАДА датируются второй половиной XIV в. [Каталог ЦГАДА: 236—240], однако А. А. Турилов предполагает, что кодексы были созданы только во второй четверти XV в.¹ А. А. Покровский из-за отсутствия записей счетчика и ярлыков хранения в Прологах Тип. 165 и Тип. 167 не решился сделать какие-либо выводы о происхождении данных памятников [Покровский 1916: 258—259]. Т. В. Ильина рассматривает эти памятники в ряду псковско-новгородских, но никак это положение не обосновывает [Ильина 1978: 83, 145]. В. В. Калугин на основании некоторых особенностей орфографии предположил псковское происхождение кодексов [Калугин 1992: 273—287].

В ходе исследовательской работы с рукописями Типографского собрания РГАДА нам удалось установить связь рукописных книг Тип. 165 и Тип. 167 с Прологом Тип. 166 (их объединяет один из почерков — писец I, см. 2.1.4). Тип. 166 в каталоге ЦГАДА датируется серединой XIV в. [Каталог ЦГАДА: 231—233]. А. А. Покровский на основании имени счетчика (Степан Ананьин) пришел к выводу о том, что книга поступила на Московский печатный двор в 1679 г. из Пскова [Покровский 1916: 258—259]. Составители каталога ЦГАДА полагают, что на ярлыке, фрагмент которого сохранился на внутренней стороне верхней доски переплета, был упомянут Псковский Никитский монастырь [Каталог ЦГАДА: 231—233].

Во всех трех рукописных книгах легко вычлняются почерки основных (старших) книгописцев-мастеров и писцов, чья работа носит явно ученический характер. Это обстоятельство делает тем более интересным и актуальным исследование этих памятников, так как позволяет затронуть малоизученные аспекты древнерусской книжной культуры: формирование профессиональных книгописных навыков древнерусских писцов, формирование орфографической традиции. Вероятно, в 20—30-е гг. XV в. с Прологами Тип. 165, Тип. 167 работал реставратор. Нам удалось установить личность реставратора — им является дьякон церкви Архангела Михаила во Пскове

¹ Запись в листе использования.

Даниил, переписавший в 1425 г. Пролог на сентябрьскую половину года (Синодальное собрание ГИМ № 839, далее — Син. 839). Пролог Син. 839 давно введен в научный оборот, однако сама личность профессионального писца-каллиграфа Даниила не привлекала внимания исследователей. В нашей работе Син. 839 будет использоваться как дополнительный источник.

Предметом исследования является взаимосвязанная деятельность коллективов писцов, работавших над кодексами Тип. 165 и Тип. 167, Тип. 166, их каллиграфические и лингвистические навыки, а также работа реставратора, особенности диалектов писцов, церковнославянский книжный узус, отраженный в тексте.

Новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые данные книжные памятники комплексно анализируются с лингвистической точки зрения, при этом специально рассматривается деятельность скриптория, всех переписчиков Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166 с выявлением и учетом уровня их квалификации и индивидуального опыта.

Целью работы является комплексное палеографическое и лингвистическое описание данных рукописных книг, которое предполагает:

- 1) рассмотрение коллективной работы книгописцев над рукописями, анализ их профессиональных навыков, знаний, умений;
- 2) рассмотрение данных памятников в контексте средневековой книжной церковнославянской традиции, анализ особенностей книжного орфографического и грамматического узуса, на который опираются начинающие и профессиональные книжники;
- 3) рассмотрение данных памятников в контексте истории русского языка и исторической диалектологии, выявление фонетических и морфологических особенностей говора (говоров) писцов, работавших над книгами;
- 4) уточнение времени и места создания памятников, поскольку Прологи Тип. 165 и Тип. 167 разными исследователями датировались

по-разному, а также потому, что любая датировка этих кодексов не совпадает с датировкой Тип.166.

Поставленная цель предполагает решение комплекса конкретных задач:

- 1) на палеографическом уровне:
 - а) выявить общие и индивидуальные особенности почерков писцов Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166;
 - б) определить место кодексов в графической и орфографической традиции Древней Руси;
 - в) описать совместную деятельность коллективов писцов в процессе работы над книгами Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166, определить роль каждого переписчика, уровень его квалификации;
 - г) описать работу реставратора над кодексами Тип. 165 и Тип.167, уточнить время и место реставрации книг;
- 2) на орфографическом уровне:
 - а) выявить общие и индивидуальные орфографические навыки писцов, степень их зависимости от орфографии антиграфов;
 - б) выявить и проанализировать региональные орфографические особенности, представленные в тексте Прологов;
 - в) выделить элементы последовательной орфографической техники, определить индивидуальные орфографические предпочтения писцов;
- 3) на языковом уровне:
 - а) определить основные фонетические особенности диалектов писцов;
 - б) рассмотреть и проанализировать некоторые элементы морфологической системы книжного языка (прежде всего вариативность отдельных форм и возможные отклонения в сторону живых говоров писцов);
 - в) по возможности рассмотреть непосредственно связанный с орфографией книжный орфоэпический узус, на который опирались писцы.

Сформулированные цели и задачи определяют некоторые ограничения при отборе материалов исследования. Так, при описании фонетических осо-

бенностей Прологов в первую очередь нас будут интересовать регионально маркированные явления, т. е. те, что позволяют судить о диалектной принадлежности писцов. При рассмотрении морфологии текста прежде всего анализируются те элементы системы, в которых представлены колебания и отклонения от церковнославянского книжного узуса. Кроме того, рассматривается морфологическая система, представленная в тексте основных переписчиков, поскольку их лингвистические навыки характеризуются наибольшей самостоятельностью. Следует также учитывать, что принадлежностью списка, переписчик которого не был одновременно автором/редактором текста, является орфография, т. е. тот уровень, на котором писец мог проявить наибольшую самостоятельность. Соответственно, наибольший интерес для нас должны представлять морфологические явления, реализуемые именно на орфографическом уровне.

Основными научными методами исследования являются: описательный, сопоставительный, интерпретационный и метод количественного анализа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в работе на основании выявленных палеографических и лингвистических особенностей решается вопрос о датировке и локализации Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166, и это позволяет определить их место в ряду источников по истории русского языка; на материале текста основного писца Тип. 165 и Тип. 167 анализируется техника употребления графем *ъ* и *ь* во второй половине XIV в., а также расширяются материалы по вопросу ассимилятивного смягчения согласных, что позволяет уточнить хронологию и особенности этого фонетического процесса в отношении некоторых групп согласных.

Результаты исследования могут найти применение при дальнейшем изучении истории русского языка, книжной церковнославянской традиции, орфографической и орфоэпической нормы, при анализе деятельности скрип-

ториев и атрибуции памятников древней письменности, а также при исследовании Пролога как литературного памятника. Это определяет практическую значимость работы.

Положения, выносимые на защиту:

— Исследуемые Прологи были созданы в одной скриптории двумя коллективами писцов, среди которых были профессиональные книжники и начинающие книгописцы. При этом Тип. 166 отражает принципиально иной (в сравнении с Тип. 165 и Тип. 167) тип взаимодействия писцов. Если в Тип. 165 и Тип. 167 участие нескольких переписчиков по крайней мере отчасти было вызвано стремлением ускорить процесс создания книг, то Тип. 166 явно отражает уроки книжного письма, когда за работой профессионального переписчика наблюдают начинающие, время от времени сменяя его для выполнения каллиграфических упражнений.

— В 20—30-е годы XV в. Прологи были отреставрированы во Пскове профессиональным книжником-каллиграфом дьяконом Даниилом. Причиной реставрации послужили исходная дефектность кодекса Тип. 165 и ущерб, нанесенный Прологу Тип. 167.

— Кодексы Тип. 165 и Тип. 167 были переписаны с трех антиграфов — двух Прологов пространной редакции на сентябрьскую половину года, отражающих различные орфографические традиции (и лишенных при этом каких-либо ярких региональных особенностей), а также Пролога краткой редакции на мартовскую половину года северо-западного происхождения.

— В отношении употребления еров — графем, во второй половине XIV в. практически лишенных фонетического значения, — в текстах разных писцов представлены различные явления: эффекты, свойственные бытовому письму (писцы *A, C, E, H, I*), а также строго упорядоченная (графически обусловленная) орфографическая техника писца *B*.

— Употребление неэтимологических еров в тексте основного писца Тип. 165 и Тип. 167 свидетельствует о том, что ассимилятивное смягчение согласных в некоторых говорах древнерусского языка (северо-востока Руси)

в XIV в. было представлено так же широко, как, вероятно, и в старомосковском произношении.

— Морфологические особенности исследуемых Прологов свидетельствуют о консервативности книжного грамматического узуса, характеризующегося преимущественно покорным следованием церковнославянской норме.

— Языковые особенности Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166 не соответствуют представлению об их псковско-новгородском происхождении. Кодексы, судя по всему, были созданы во второй половине XIV в. на территории северо-восточной Руси (возможно, в Москве).

ГЛАВА I. ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Об аспектах изучения древних рукописей (древние рукописи как лингвистический источник)

Монографическое лингвистическое описание книжных памятников — весьма традиционный аспект изучения письменного наследия Древней Руси². За два столетия истории научной палеорусистики актуальность подобных исследований сомнению не подвергалась. Однако и на сегодняшний день число не введенных в научный оборот или малоизученных рукописных книг древнерусского периода значительно превышает количество исследованных.

Рукописные церковнославянские памятники могут изучаться с разными целями. Прежде всего, поскольку богослужебные книги составляют основной корпус сохранившихся рукописных текстов, именно они являются главными источниками исторической грамматики или истории русских говоров [Крысько 2003]. Во-вторых, книжные тексты являются основным источником изучения истории русского литературного языка. В-третьих, мы должны учитывать и собственно исторический, историко-литературный и текстологический интерес к древним рукописям.

Лингвистическое описание предполагает установление нормы, представленной в памятнике, и на основании отклонений от нее — определение особенностей говора писцов. Очевидно, что в процессе работы над рукописью переписчик испытывал влияние различных факторов, определявших как орфографическую норму (в том или ином регионе в тот или иной период), так и отклонения от нее (в разной мере регулярные). К числу таковых относятся: 1) система, представленная в антиграфе, 2) книжная традиция (орфографические

² См., к примеру: [Щепкин 1889; Ляпунов 1899, Каринский 1896; 1916; Васильев 1905; 1907; Соколова 1930; Борковский 1936; Кузнецов 1948; Обнорский 1912; 1924; Жуковская 1957; Князевская 1957; 1973; 1984; 1993, Кандаурова 1957, Сумникова 1960, Шевчук 2002; 2003; Горская 2002 (дис.); 2002б и др.]

установки, правила, орфоэпическая норма), 3) родной диалект писца, а также 4) его индивидуальный опыт.

Огромное количество дошедших до нас памятников отражает особенности протографов и антиграфов (южнославянских оригиналов, восточнославянских рукописей с определенными местными диалектными особенностями). А. А. Шахматов писал: «...при переписке, даже неоднократной, могли сохраниться местные диалектные и орфографические особенности протографа...» [Шахматов 1909: 154—155]. Это означает, что при переписывании книг писцы испытывали влияние оригинала, что, в свою очередь, могло предполагать как простой механический перенос некоторых особенностей исходного текста в копию, так и усвоение чуждых родной фонетической системе орфографических норм. Последнее, разумеется, в значительной степени зависело от авторитетности исходного (исходных) текста (текстов). Так, распространение особенностей южнославянской орфографии на восточнославянских территориях в период второго южнославянского влияния [Соболевский 1903/1980: 147—158; Щепкин 1967: 129—132; Турилов 1998; 2001; Гальченко 2001а; 2001б], несомненно, связано с большим авторитетом южнославянских книг.

Проблема существования специальных орфографических правил, которыми руководствовались древнерусские книжники, впервые была поставлена Н. Н. Дурново [Дурново 1924/2000: 392—395; Дурново 1933/2000: 644—682]. При этом сами по себе орфографические правила и традиции не часто становились специальным объектом изучения³. Существенно то, что сами орфографические правила могут быть косвенным источником по исторической грамматике и диалектологии русского языка, т. е. определенным образом указывать на некоторые диалектные особенности живого произношения писцов. Так, В. М. Живов [Живов 1984/2006: 251—293/76—130; Живов 1986/2006: 291—306/131—150], рассматривая употребление графем, соответствующих аффрикатам, в памятниках новгородского происхождения, пришел к выводу,

³ В этой связи можно отметить известную диссертацию Г. Ланта [1949], а также работы В. М. Живова, переизданные в [Живов 2006], и Б. И. Осипова [Осипов 1990; 1992].

что для переписчиков позиции употребления букв *ц* и *ч* неоднозначны, т. е. некоторые позиции употребления графем, соответствующих аффрикатам, вызвали меньшие сложности, чем другие. Первые соответствуют позициям второй палатализации, вторые — третьей. Очевидно, что различие этих позиций было обусловлено отсутствием переходного смягчения задненебных в позиции второй палатализации⁴.

Интерпретация фактов орфографии невозможна без учета проблемы церковной литургической дикции. Впервые вопрос отражения на орфографическом уровне явлений, связанных с книжным произношением, был поднят А. А. Шахматовым [1885: 211—215; 1915/2002: 208—209, 254—255, 268—270]. На счет влияния книжной дикции ученый списывал некоторые малообъяснимые в то время орфографические явления (такие как смешение *еров* с *о* и *є*, смешение *ятя* с *є*). «Гипотеза А. А. Шахматова не была оснащена фактами, но признавалась многими славистами благодаря исключительно высокому научному авторитету А. А. Шахматова. Она вошла в вузовские учебники» [Малкова 1981: 101]. В настоящее время концепция особого книжного произношения (прежде всего *еров* и *ѣ*) связана с именами Б. А. Успенского и В. М. Живова [Живов, Успенский 1984; Успенский 1997: 143—208; 2002: 136—155, 163—176] (подробнее эта проблема будет рассмотрена ниже: см. 4.1.1).

Уже древнейшие дошедшие до наших дней рукописи отражают многие особенности восточнославянских диалектов, и тем самым, существенно отличаются от своих южнославянских протографов. В связи с этим реконструкция особенностей древнерусского языка и локальных диалектов древнерусского периода — наиболее традиционный аспект лингвистического описания древних рукописных памятников [Соболевский 1884/2004; Шахматов 1885; 1903; Каринский 1909; Дурново 1024—1926/2000; Борковский 1936; Кузнецов 1948; Жуковская 1957; 1960; Князевская 1957а; 1957б; Кандаурова 1957; Сумникова

⁴ См. по этому поводу: [Зализняк 1986: 111—119; 2004: 41—45].

1960]. При этом и орфографическая норма (во многом сблизившаяся с фонетической системой древнерусского языка), и отклонения от нее представляют несомненную лингвистическую ценность, поскольку в одном случае рукописи, как правило, отражают общевосточнославянские явления (отсутствие носовых гласных звуков, отличный от южнославянских рефлекс **dj*), в другом — локальные диалектные особенности (неразличение аффрикат в говорах новгородской земли, шепелявенье, или соканье, во Пскове, новый *ѣ*, нейтрализацию *в* и *у* в позиции перед согласным, редукцию безударных гласных в позднерусский период и пр.). Выявление особенностей живых говоров при анализе книжных текстов требует особой тщательности подходов. Прежде всего нельзя смешивать графико-орфографические явления и фонетические. Так, написание типа *цена* отражает графическое явление — смешение графем *ц* и *ч*, обусловленное, вероятно, такой особенностью живых говоров, как неразличение аффрикат, однако сами по себе подобные написания никоим образом не проливают свет на реальное звучание словоформ.

Кроме того, необходимо учитывать, что монографическое описание древних памятников «может быть ценным лишь тогда, когда сделано с пониманием значения данных, а это понимание может быть приобретено лишь путем изучения, хотя бы беглого, ряда однородных текстов» [Соболевский 1900б/2006: 509]. «Конкретный языковой факт, будь то целый текст или отдельная словоформа, с необходимостью должен быть рассмотрен в его отношениях с другими однородными фактами. Любая форма, встретившаяся в том или ином письменном памятнике, только тогда может занять свое место в общей картине, когда известно: 1) насколько последовательно употребляется в данном тексте эта форма, 2) как соотносится ее употребление с употреблением в том же тексте других форм и 3) как употребляется данная форма в других текстах» [Гиппиус 1989: 93]. При этом необходимо учитывать и то обстоятельство, что многие особенности восточнославянских говоров как ранне-, так и позднерусского периода могут быть нам неизвестны, так как не на-

шли непосредственного отражения в известных нам (изученных) памятниках традиционного содержания. Долгое время неверную интерпретацию получали некоторые примеры, демонстрирующие отсутствие чередования задненебных со свистящими в пределах именной словоизменительной парадигмы в новгородских памятниках. Только после открытия и исследования новгородских грамот на бересте стало понятно, что подобные примеры вызваны не ранним выравниванием основы, а отсутствием второго переходного смягчения задненебных [см. примеч. 4]. Эта же проблема возникает в том случае, когда современный исследователь интерпретирует явления, представленные в древних рукописях, с опорой на современные диалекты (долгое время в отечественной науке господствовала точка зрения А. А. Шахматова о том, что именно современные говоры следует считать основным источником по истории русского языка). Так, А. А. Шахматов во многих особенностях рукописей Псковского региона видел лишь явления графики и орфографии на том основании, что современным говорам псковской земли открытые А. И. Соболевским явления не известны [Шахматов 1909]. В настоящее время очевидно, что выводы Шахматова были сделаны без учета нивелирующих процессов, неизбежных при формировании национальных языков.

При анализе фактов древних церковнославянских текстов особую проблему составляет соотношение живых восточнославянских говоров и книжного узуса, поскольку очевидно, что в разное время это соотношение было различным. История церковнославянской орфографии на восточнославянской почве в древнерусский период свидетельствует о том, что сама орфографическая норма во многом опиралась на особенности живых говоров, однако, будучи консервативной по своей природе, в различные периоды орфографическая техника опиралась на различные принципы. Так, в раннедревнерусский период, когда редуцированные фонемы существовали в говорах восточных славян, употребление еров соответствовало фонетическому принципу, в XIII в. их постановка определялась преимущественно традиционным принципом, а в XIV в. — морфологическим [см. Осипов 1990: 40—50]. Представляет интерес

также вопрос локально привязанных диалектных норм, т. е. могли ли диалектные особенности (такие как цоканье, соканье) проникать в церковнославянский текст, становиться частью орфографической и орфоэпической нормы [см. Дурново 1967: 40—41; Живов 1984/2006: 251—293/76—130]?

Монографическое лингвистическое описание древних рукописей должно быть многоаспектным, поскольку в зависимости от времени создания, региона, числа писцов и их квалификации различной может быть и извлеченная из источника лингвистическая информация. Однако, несомненно, любой дошедший до наших дней письменный источник заслуживает самого пристального внимания.

1.2. Принципы датировки и локализации древнерусских рукописей

Недатированные рукописные книги традиционного содержания датируются, как правило, на основании палеографических и лингвистических данных. Русская палеография стала самостоятельной научной дисциплиной во второй половине XIX — начале XX в.⁵, благодаря работам таких выдающихся лингвистов, как И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, В. Н. Щепкин, Е. Ф. Карский. Первым учебным пособием по палеографии является работа А. И. Соболевского [1908]⁶. «Задача палеографии, — писал Соболевский, — заключается в том, чтобы на основании данных рукописей датированных (в которых означено время и место, когда и где они написаны), определять время и место написания рукописей недатированных» [Там же: 19]. В настоящее время задачи палеографии понимаются значительно шире: она рассматривается как «историко-филологическая дисциплина, изучающая создание и развитие знаков письменности» [Жуковская 1997: 317], или даже как «наука, изу-

⁵ Первое палеографическое исследование, правда, относится еще к 1717 г. — сочинение старообрядцев Андрея Денисова, Мануила Петрова и Леонтия Федосеева, разоблачающее поддельную рукопись XII в. [см. Дружинин 1923].

⁶ В 2005 году Палеография Соболевского была переиздана [Соболевский 1901—1902/2005]. Однако, к сожалению, переиздано было первое издание (а не последнее прижизненное) работы (причем издатели этот факт никак не прокомментировали).

чающая древнее письмо» [Жуковская 1963: 4]. Благодаря исследованиям отечественных ученых-палеографов (лингвистов и историков) установлена абсолютная хронология появления графических инноваций [Срезневский 1885, Соболевский 1908, Лавров 1916, Щепкин 1967, Карский 1928/1979, Черепнин 1956, Тихомиров, Муравьев 1982], что является главным собственно палеографическим средством датирования пергаменных рукописей (в отличие от бумажных, которые, как правило, датируются на основании данных филигранологии). Однако надо признать относительную ценность выделенных закономерностей, во-первых, потому, что палеографические методы датировки позволяют датировать рукописи с точностью лишь до полувека, во-вторых, без учета собственно лингвистической информации и такая датировка бывает не всегда возможной. Так, нередко при датировании книжных памятников раннедревнерусского периода учитывается отражение/неотражение в тексте процесса падения редуцированных [см., к примеру: Малкова 1973]. Для позднедревнерусского периода важно учитывать ряд собственно орфографических явлений: распределение графем γ и ω , α и β после шипящих и ψ , использование/неиспользование ϵ , закономерности употребления еров и пр.

К числу графических особенностей, господствовавших в XIV в., относятся следующие: сокращение верха ж (так что нередко верхняя часть буквы отсутствует вовсе), существенное увеличение и деформация петель ζ , η , θ , β , «коромысло» τ располагается вверху строки, мачта заметно выделяется из строки, перекладыны κ , β , γ , как правило, косые и располагаются в верхней части строки, чаша γ увеличивается и во второй половине XIV в. часто превышает размер ножки [Соболевский 1908: 49—52; Щепкин 1967: 117]. Как отмечал В. Н. Щепкин, в XIII—XIV вв. (преимущественно в XIV в.) распространяются новые стильные почерки, характеризующиеся сжатостью букв (в противовес древним кириллическим начертаниям, стремившимся к геометрической правильности). «Вследствие сокращения верхов, подъема перекладин и

набухания петель, — писал Щепкин, — в новом стильном почерке сигнальные части у значительного количества букв сосредоточились вверху и таким образом образовалась как бы одна общая сигнальная линия, по которой легко и быстро скользит глаз» [Щепкин 1967: 116]. Надо, впрочем, отметить, что все перечисленные графические инновации появляются в XIII в., поэтому здесь особенно важно учитывать орфографические данные при датировке. Так, для XIV в. типичным является упорядоченное употребление графем γ и σ , τ , α и λ после шипящих, κ и ϵ ; еры последовательно начинают писаться только в конце фонетического слова, в середине же слова на месте этимологически слабых редуцированных они опускаются, на месте сильных пишутся \circ и ϵ ; начинает активно употребляться широкое, или якорное, ϵ (в значении *je*). Как писал В. Н. Щепкин, «такое правописание во второй половине XIV в. господствует, в первой половине XIV в. оно проведено в немногих рукописях; в XIII в. оно только складывается» [Там же: 117—118].

При датировании пергаменных рукописей второй половины XIV — XV в. важно учитывать возможное отражение следов второго южнославянского влияния. Феномен второго южнославянского влияния был открыт и обоснован А. И. Соболевским [Соболевский 1903/1980: 1—14/147—158]. Благодаря последующим исследованиям [Гальченко 2001а; 2001б; Турилов 1998; 2001] стали известны многие подробности протекания этого процесса, а также хронология распространения связанных с ним графико-орфографических инноваций [ср.: Жуковская 1987]. Со вторым южнославянским влиянием на Руси распространяется младший полуустав, а также греческие по происхождению знаки ударения (оксия $\acute{\text{}}$, вария $\grave{\text{}}$, кендема $\`\text{}$, исо ” , камора $\hat{\text{}}$, великий апостроф ”), новые знаки пунктуации и некоторые орфографические новшества: λ в значении *ja* (моа), употребление десятиричного ı (*i*, *ï*) перед графемами гласных (брат ı), употребление σ и δ после согласных (тогда как в орфографии

XIV в. после согласных, как правило, употреблялось ψ), буква α , написания *жд* в соответствии с рефлексом **dj*, написания вроде *врѣхъ*, *прѣсть* и пр. Исследования М. Г. Гальченко показывают, что второе южнославянское влияние протекало неравномерно и перечисленные графико-орфографические инновации прежде всего (в конце XIV в.) появились в рукописях, созданных в Москве и Лисицком монастыре Новгорода (в других новгородских книжных центрах значительно позже), в начале XV в. они появляются в тверских книгах, тогда как древнейшие Псковские памятники, последовательно отражающие явления второго южнославянского влияния, датируются лишь серединой XV в. (Минея праздничная 1445, Триодъ Постная 1452).

Датировка рукописных книг позднерусского периода, таким образом, зависит от их локализации. Для пергаменных рукописей второй половины XIV — XV в. это принципиально важно.

Место создания неподписанных рукописей, как правило, устанавливается на основании лингвистических данных (в редких случаях удается атрибутировать почерк какого-либо известного книжника). Доступная информация об истории кодексов, месте их хранения, о том, откуда, к примеру, пергаменные книги Типографского собрания РГАДА поступили на Московский печатный двор, и пр., как правило, не позволяет однозначно ответить на вопрос, где рукописи были созданы. Соответственно, лингвистические данные представляют наибольший интерес при решении этого вопроса.

Современные представления о диалектах древнерусского периода основываются прежде всего на изучении древнего рукописного наследия (надежно локализованных рукописей), а также данных современной диалектологии, лингвистической географии прочих лингвистических дисциплин [см.: Горшкова 1968: 9—36; 1972: 23—41].

Основоположником русской исторической диалектологии следует считать А. И. Соболевского, который в своей докторской диссертации дал описание галицко-волынских и псковских памятников, определив тем самым основ-

ные диалектные различия говоров псковской и галицко-волынкой земель [Соболевский 1884/2004]⁷. Дальнейшие исследования письменных памятников позволили уточнить и существенно расширить представления об истории русских диалектов [Шахматов 1885; 1903; Каринский 1909; Борковский 1936; Кузнецов 1948; Князевская 1957а; 1957б; 1970; 1971а; 1971б; 1971в; Жуковская 1957; Кандаурова 1957 и др.]. Благодаря открытию в 1951 г. новгородских грамот на бересте, наиболее изученным на сегодняшний день является древненовгородский диалект. Тем не менее полноценная реконструкция системы наречий древнерусского языка невозможна. Основные причины заключаются в следующем: 1) до наших дней сохранилась лишь малая (ничтожная) часть письменных текстов, созданных в древнерусский период; 2) далеко не все диалектные зоны представлены в письменном наследии — так, практически нет рукописей, созданных на юго-востоке (велико)русской территории; 3) большинство сохранившихся памятников (за исключением грамот на бересте) представляют собой книжные или деловые тексты, язык которых весьма далек от живых говоров; 4) сохранившиеся тексты бытового содержания относятся (в абсолютном большинстве) только к новгородскому диалектному региону.

Ключом к определению региональной принадлежности рукописи являются ее графико-орфографические особенности. Соответствие системы, представленной в анализируемом тексте, известным системам надежно локализованных памятников позволяет с высокой долей вероятности определить принадлежность рукописи тому или иному диалектному региону. Отметим, что для позднедревнерусского периода практически нет надежно локализованных памятников, не маркированных при этом орфографически (маркированность северо-восточных рукописей определяется их орфографической нейтральностью, т. е. отсутствием таких особенностей, как смешение *ц* и *ч*, графем, соответствующих шипящим и свистящим, смешение *в* и *оу* (*у*), написания *жс* или *жч* на месте *жд*, *ич* на месте *ц*, новый *ять* и пр. [Князевская 1971: 152; Коле-

⁷ См. также другие работы А. И. Соболевского, посвященные псковским памятникам и особенностям псковского говора: [Соболевский 1888/2006; 1909/2006; 1911/2006; 1916/2006].

сов 2008: 346—347]). Орфографическая система должна рассматриваться комплексно, а целью анализа должны являться фонетические особенности говора писца (писцов). Только в этом случае локализация может быть надежной и можно говорить о том, что представленные орфографические эффекты привнесены в текст непосредственным переписчиком, а не являются наследием антиграфа.

1.3. История и текстология древнерусского Пролога

Пролог — один из наиболее популярных в Древней Руси литературных памятников («своеобразная православная энциклопедия» [Фет 1987: 376]) и при этом один из наиболее сложных в текстологическом плане. Е. А. Фет насчитывает около трех тысяч сохранившихся списков различных рукописных Прологов [Там же]. Количество списков, а также значительный объем Пролога всегда являлись главным препятствием для комплексного научного изучения данного памятника [см. по этому поводу: Жуковская 1983: 111].

Пролог представляет собой сборник кратких житий и поучений, расположенных в календарном порядке. Большинство дошедших до нас Прологов полугодовые, на сентябрьскую и мартовскую половины года. Проложные сказания характеризуется краткостью и простотой изложения. В настоящее время принято говорить о бытовании в Древней Руси краткой и пространной редакций Пролога (ранее использовались порядковые обозначения редакций: первая и вторая), им противопоставлен стишной Пролог, переведенный в XIV в. в Сербии, сравнительно мало распространенный на Руси. (Стишной Пролог — особый, не связанный напрямую с древнерусским Прологом литературный памятник, поэтому здесь мы не будем касаться истории его изучения.)

Значительный вклад в изучение древнерусского Пролога принадлежит архиепископу Сергию (И. А. Спасский), который в своем труде «Полный месяцеслов Востока» посвятил отдельную главу истории византийского Синаксаря и древнерусского Пролога [Сергий 1901/1997: 278—351]. Сергей полагал,

что своим составом Пролог восходит к Менологию византийского императора Василия II и представляет собой первую и вторую его редакции. Первая редакция — перевод не дошедшего до нас византийского Синаксаря (составленного Илией и Константином, митрополитом Мокисийским, как говорится в предисловии к некоторым славянским Прологам), вторая, собственно славянская редакция, была выполнена на базе первой славянином. Сергей полагал, что Синаксарь Или и Константина был переведен на славянский язык в первой половине XII в., вопрос о месте перевода исследователь не рассматривал (вторая редакция, по его мнению, появилась на Руси [Там же: 320]). С переводом Синаксаря Сергей связывает появление собственно славянского названия данного памятника — Пролог. Это название, по мнению Сергея, появилось оттого, что заглавие предисловия к Синаксарю было принято за название всей книги [Там же: 5—6]. Так как работа архиепископа Сергея посвящена истории месящесловов, определение редакций было осуществлено на материале месящесловной части Пролога. Сергей учитывал факты наличия/отсутствия тех или иных памятней и распределения их по дням года. Также дополнительно Сергей рассматривал краткость/пространность сказаний к памятям, порядок расположения памятней (так как это может быть обусловлено литургическими целями). Первая, по Сергию, редакция Менология Василия, или первая редакция славянского Пролога, отличается от самого Менология Василия тем, что: 1) содержит значительно больше памятней (по подсчетам Сергея, Пролог содержит около 270 дополнительных памятней; в том числе появились славянские); 2) многие памяти располагаются по другим дням, или в тот же день, но в ином порядке; 3) сами сказания в некоторых случаях были переработаны [Там же: 304—306]. Вторая редакция отличается от первой появлением новых дополнительных памятней (в том числе славянских) и распределением некоторых по другим дням года. Текст сказаний, по мнению Сергея, правится только в отношении слога [Там же: 306—308].

Е. А. Фет среди разновидностей древнерусского Пролога выделила, помимо двух редакций, Синаксарь — непосредственный перевод византийского

Синаксаря, или Менология Василия II с дополнениями Илии и Константина, митрополита Мокийсийского, представленный единственным списком (ГПБ, Соф. собр., № 1324) [Фет 1987: 376—378]. По мнению Е. А. Фет, появлению Пролога первой редакции предшествовал Пролог второй редакции, из которого в первую был перенесен весь четый материал, то есть поучения и назидательные сказания на каждый день, расположенные после памятей святым [Там же: 377—378]. Вторая редакция представляет переработку Синаксаря (отредактированную и восполненную в соответствии со славянскими минеями) с патериковыми чтениями и поучениями [Фет 1987: 378—379]. «Гипотеза Е.А. Фет не была подкреплена доказательствами (что было и невозможно в справочном издании) и поэтому не встретила одобрения среди ученых» [Прокопенко 2010б: 265], однако впоследствии была, как кажется, убедительно доказана Л. В. Прокопенко и О. В. Лосевой [Прокопенко 2009 (дис.); 2010б; Лосева 2009]. Появление второй редакции древнерусского Пролога относится ко второй половине XII в. и, как пишет об этом Фет, связано с Туровом. Возможно, инициатором составления второй редакции Пролога был Кирилл, епископ Туровский [Фет 1987: 379].

Е. А. Фет выделила третью редакцию древнерусского Пролога, составленную во Пскове и представляющую переработку середины XV в. краткой редакции древнерусского Пролога [Фет 1980: 53—70]. По подсчетам исследовательницы, третья редакция содержит 126 нравоучительных статей, не встречающихся в других редакциях [Там же: 56].

Л. П. Жуковская провела текстологическое сопоставление 380 списков Пролога на материале избранного числа византийских, русских и инославянских статей (всего 21 статья) [Жуковская 1983: 110—120]. Исследовательница группировала списки на основании наличия/отсутствия памяти и, соответственно, наличия/отсутствия сказания к памяти. Результатом такого сопоставления явилось выделение ряда разновидностей краткой и пространной редакций древнерусского Пролога. Исследование Л. П. Жуковской имеет очевидную практическую значимость, так как различные разновидности внутри редакций

Пролога определены впервые, и, главное, впервые на материале столь значительного числа списков.

Учительному разделу древнерусского Пролога до определенного момента посвящалось значительно меньше исследований. Следует отметить публикацию с некоторыми комментариями двенадцати проложных поучений Е. В. Петуховым [Петухов 1894: 1—31], а также исследование С. А. Давыдовой о происхождении патериковых чтений Пролога [Давыдова 1990: 263—281]. Среди их источников исследовательница называет: Лимонис, Синайский патерик, Патерик Египетский краткий, Патерик Египетский полного состава, Патерик Скитский; опосредованно, через Пандекты Никона Черногорца, некоторые чтения Пролога восходят к Азбучно-Иерусалимскому и Римскому патерикам.

Важным и, несомненно, проблемным является вопрос времени и места появления славянского перевода византийского Синаксаря. Ряд исследователей полагали, что перевод был осуществлен на Руси в Киеве [Соболевский 1980: 146; Мошин 2002: 850—851; Жуковская 1983: 111; Фет 1980: 54]. Точки зрения на время перевода различны: например, Л. П. Жуковская допускает вероятность того, что переведен Пролог был на рубеже X и XI вв. [Жуковская 1983: 111], Е. А. Фет называет рубеж XI—XII вв. [Фет 1980: 54]. Иной точки зрения придерживался М. Н. Сперанский, полагавший, что византийский Синаксарь был переведен в одном из славянских монастырей Константинополя (так как Пролог включает ряд памятней, связанных именно с Константинополем) совместными усилиями южнославянских и русских книжников. Основанием для этого служит тот факт, что типичные русизмы, которые могли появиться в Прологе только благодаря русским переводчикам и на основании которых перевод, собственно, и локализован сторонниками русского происхождения, распределены в памятнике не по всему тексту, а встречаются группами на определенных фрагментах [Сперанский 1960: 36—42].

Иначе рассматривает проблему времени и места перевода византийского Синаксаря, а также факт существования разновидностей Пролога

С. А. Давыдова. Во-первых, Давыдова оспаривает тот факт, что древнерусский Пролог восходит к Менологию Василия II, так как последний сам является переделкой других Синаксарей [Давыдова 1999: 66]. Среди древнерусских Прологов Давыдова выделяет в первую очередь три группы списков (I редакции по Сергию), восходящих к разным вариантам византийского Синаксаря: 1) Прологи с предисловием, в котором упоминаются имена Илии и Константина, епископа Мокисийского, включающие литургические выписки; 2) Прологи, включающие тропари; 3) Прологи, которые не содержат ни предисловия, ни тропарей с уставными рекомендациями, но сохраняют некоторые топографические и исторические сведения о религиозной жизни Константинополя [Там же: 68]. Наличие/отсутствие тех или иных памятней в Прологах, по мнению С. А. Давыдовой, — показательный факт для определения времени и места создания их византийских оригиналов. Таким образом, исследовательница склонна возводить все разновидности, по крайней мере, первой редакции древнерусского Пролога к различным вариантам и местным изводам византийского Синаксаря [Там же]. С. А. Давыдова полагает, что переводились различные Синаксари в одном из русских монастырей Афона, тогда как дополнены дидактическим материалом были они уже на Руси (до этого переводы Синаксаря попали к южным славянам, поэтому четий материал в сербских и болгарских списках отсутствует). Появление собственно славянского названия *Пролог* связано не с ошибкой перевода, а с ошибкой переписывания житийного сборника уже на Руси [Там же: 68—71].

В последнее десятилетие сведения об истории и текстологии древнерусского Пролога существенно расширились благодаря работам Л. В. Прокопенко и О. В. Лосевой [Лосева 2004; 2005; 2009; Прокопенко 2008а; 2008б; 2009 (дис); 2010а; 2010б]. Работы Лосевой посвящены прежде всего житиям русских святых в составе Пролога, исследования Прокопенко — проблемам перевода Синаксаря (греческим источникам и технике перевода) и соотношению редакций.

По мнению Л. В. Прокопенко, перевод Синаксаря был выполнен в начале XII в. коллективом переводчиков, среди которых были древнерусские книжники. В середине — второй половине XII в. на Руси Синаксарь был переработан в пространную редакцию древнерусского Пролога (в 2 этапа). На первом этапе была переработана синаксарная часть (многие памяти были перенесены, добавлены новые тексты, а том числе памяти славянских святых), на втором этапе синаксарный материал был расширен за счет «Слов» и поучений. В конце XII в., также на Руси, была создана краткая редакция Пролога «путем компиляции Синаксаря и части несинаксарных текстов из простр. ред.» [Прокопенко 2009 (дис.): 315]. «При переносе текстов в кр. ред. из простр. ред. было сделано некоторое количество изменений (лексических замен, вставок; добавлены несколько текстов) и допущено много ошибок и искажений, которые и позволили установить вторичность этой редакции» [Там же].

О. В. Лосева предполагает также, что изначально в качестве отдельной книги существовала учительная часть [Лосева 2009: 72—80, 122].

Особого упоминания заслуживает появившаяся в 2010 г. статья С. А. Давыдовой «Пролог или Синаксарь?» [Давыдова 2010]. Работа была подана как обзор существующих исследований Пролога, но в действительности представляет собой критический разбор положений Л. В. Прокопенко и О. В. Лосевой. Конструктивных возражений в статье Давыдовой нет, в частности, возражая против первичности пространной редакции, исследовательница не пытается разобрать многочисленные разночтения, продемонстрированные Прокопенко и Лосевой, а ограничивается голословными заявлениями вроде: «...о чем могут свидетельствовать пропуски, искажения или лексические замены в сходных словах и поучениях обеих редакций... Естественно, о результате переписки редакторами (писцами) из более ранней I редакции в более позднюю II. Как лингвист, Л. В. Прокопенко могла бы это понять по отдельным языковым особенностям, присущим определенному времени» [Давыдова 2010: 234]. Публикация Давыдовой определенно является шагом назад в изучении Пролога.

Таким образом, происхождение древнерусского Пролога на данном этапе решается на уровне научных гипотез, в разной мере обоснованных. Остается много нерешенных вопросов истории Пролога. Мало изучены разновидности внутри редакций, причины преобладания в древнейший период краткой редакции Пролога и последующее ее вытеснение пространной. Представляет интерес бытование редакций по книжным центрам Древней Руси. В связи с этим следует обратить внимание на замечание О. В. Лосевой: «Если практически все списки Прологов краткой редакции XIII—XIV веков написаны в новгородско-псковской земле, то среди ранних списков пространной редакции многие не новгородского происхождения. Например, язык Прилуцкого Пролога и Прологов ГИМ Син. № 244, 245, 246, 247, Усп. № 3 перг., РНБ Погод. № 59 не отражают каких-либо черт новгородского или псковского диалектов» [Лосева 2009: 128]⁸.

Е. А. Фет утверждала устойчивость и постоянство состава Пролога. «Монотонный календарный» порядок следования житий, а также авторитетность Пролога как некогда богослужебной книги не допускали произвольных изменений и интерполяций в составе памятника при переписывании [Фет 1980: 53—54]. Тем не менее и архиеп. Сергей, и Л. П. Жуковская называли компилятивные и даже сокращенные списки Прологов [Сергий 1997: 321; Жуковская 1983: таблица 1]. Отношение к Прологу как литературному и богослужебному памятнику — вопрос крайне важный для изучения его истории. Соотношение месяцесловной части Пролога с другими месяцесловами Древней Руси, соответственно, возможное влияние последних на Пролог, почитание собственно русских (общерусских и местных) святых в соотношении с Прологом — все это еще малоизученные и важные для истории Пролога вопросы.

⁸ См. в связи с этим также [Прокопенко 2009 (дис.): 488—511].

ГЛАВА II. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРОЛОГОВ

2.1. Прологи Тип. 165, Тип. 167

Поскольку над Прологами Тип. 165 и Тип. 167 работал один коллектив писцов и кодексы своим составом явно дополняли друг друга (т. е. создавались вместе как комплект), представляется целесообразным объединить их палеографическое описание.

Пергаменные кодексы Типографского собрания РГАДА № 165 и 167 представляют собой Прологи на октябрь—декабрь, январь—март. Чтения (исходные) на октябрь—февраль являются чтениями пространной редакции древнерусского Пролога. Об этом мы можем судить на основании наличия в них соответствующих памятей⁹. Мартовские чтения существенно отличаются от остальных, так как включают тропари и литургические замечания, и, главное, представляют чтения краткой редакции Пролога. Поздние вставки реставратора также относятся к краткой редакции.

2.1.1. Внешний вид. Переплет. Пергамен

Прологи Тип. 165, Тип. 167 представляют собой пергаменные кодексы в лист, писанные в два столбца. В настоящий момент Тип. 165 содержит 97 листов (нумерация арабскими цифрами в правом верхнем углу); начало и конец отсутствуют, в тексте множество утрат. Тип. 167 также дошел до нас без начала и конца, со значительным числом утрат, от переплета сохранилась только верхняя крышка. В настоящий момент Пролог содержит 108 листов.

Рукописи сохранили древний, вероятно, времени изготовления книг переплет. Более того, у нас есть основания предполагать, что переплет пер-

⁹ В Приложении 1 чтения, определяющие принадлежность Прологов первой (вставки и чтения на март) или второй (исходные чтения на октябрь-февраль) редакциям, выделены жирным шрифтом.

вичен (подробнее об этом ниже 2.1.5). Переплеты идентичны (это дает основания предполагать, что они были изготовлены также в одной книгописной мастерской): доски в свиной коже, выделанной под замшу. Крепление ремненное (по три ремня). От переплета Тип. 167 сохранилась только верхняя крышка; кожа вдоль корешка утрачена. Рукопись Тип. 165 сохранила обе крышки, но кожа частично утрачена. Размер переплетов одинаков: 33,5/24—24,5 см. Толщина досок совпадает приблизительно: 17—20 мм (со временем они потрескались, разбухли). Ремни крепятся к доскам переплета деревянными гвоздями; в обеих книгах средний ремень держится с помощью металлического гвоздя. Количество гвоздей не совпадает: в Тип. 165 верхний ремень к верхней крышке крепится четырьмя гвоздями, расположенными вдоль одной линии; нижний — тремя. В Тип. 167 верхний и нижний ремни крепятся шестью гвоздями: два гвоздя расположены вдоль срединной линии и по два по обе стороны от образованной прямой. Не исключено, что это следы вторичного переплетения. Оба переплета сохранили следы от жуковин: на верхней крышке они располагались по углам (Тип. 165 сохранила одну в виде трилистника). На нижней крышке Тип. 165 сохранилась одна жуковина из пяти (круглая). В торце книги Тип. 165 сохранился один из двух шпеньков; в Тип. 167 остались отверстия. Обернутая кожа переплетов была зашита по углам, приклеена к доскам и в некоторых местах крепились деревянными гвоздями.

Пергамен плохой выделки, толстый, неровный, часто шершавый, желтоватого цвета, с огромным числом разрывов, которые в редких случаях зашивались. Листы изначально были обрезаны вдоль переплета, но в настоящий момент из-за старости и утрат книжные блоки покосились. Листы идут неровно, выходят за пределы переплета.

2.1.2. Тетради. Разлиновка. Утраты

Прологи Тип. 165 и Тип. 167 переписывались по месяцам, поэтому тетради в рукописях следует делить на стандартные, по восемь листов (в большинстве случаев), и тетради, которыми заканчивался месяц. Последние могли состоять из двух двойных листов и из одинарных, скрепленных вместе. При описании тетрадей мы будем указывать номер тетради (если он есть) в соответствии с сигнатурой, сделанной самими переписчиками, писцов, состав тетради (двойные листы), некоторые сведения об особенностях разлиновки, а также утраты, так как нам важна информация о первоначальном составе рукописей и тетрадей в них.

Разлиновка рукописей однотипна: тетради разлиновывались с внешней стороны сразу по четыре листа: четыре вертикальных линии для столбцов и горизонтальные, количество которых может варьироваться (надо заметить, что писцы не всегда следовали им при письме, тогда как вертикальные служили важным ориентиром). Считая такую технику разлиновки стандартной для данных памятников, мы будем указывать только дополнительные сведения: проведение вертикальных линий изнутри тетрадей и т. п. Специальная разметка (проколы) для разлиновки использовалась лишь единожды (об этом см. ниже).

2.1.2.1. Тетради в Тип. 165

I. 1—8 (ѣ — внизу посередине листа). Писец *А*. Двойные листы: 1—8, 3—6, 4—5. Лист начинается памятью мученицы Харитины со слов: ...въ и въ вретѣще ѿболко|сѧ плачасѧ юѧ.

II. 9—16 (ѧ). Писец *А*. Двойные: 9—16, 11—14, 12—13.

III. 17—24 (ѡ). Писец *А*. Двойные: 17—24, 19—22, 20—21.

IV. 25—31 (ѣ). Писец *А*. Двойные: 25—31, 26—30, 28—29. Лист 27 без пары. Утрачен фрагмент листа 27 (отрезан) — часть столбцов б—в. Текст на столбце 27б начинается словами: ...хомъ юго пребыти ту — и заканчивается словами: и идохомъ с ни|мъ и доидохъ до... Текст столбца 27в начинается со

слов: ...шанья ради. Рукопись была разлинована с внешней стороны тетради в развернутом положении, а потом дополнительно с внутренней. Вероятно, сделано это было из-за толщины пергамена.

V. 32—35 (б/н). Писец *А*. Два двойных листа. Писец заканчивал работу над октябрьскими чтениями. Номер тетради не указан. На листе 34 почерк уборист, хотя количество строк на странице совпадает со стандартным для данного писца (34). Разлинована изначально была со стороны 32-го листа, сложенной, потом был дополнительно разлинован последний лист тетради (35) с внешней стороны — проведены были только горизонтальные линии.

VI.36—43 (ѧ — на 43г внизу киноварью). Писец *В*. Двойные листы: 36—43, 38—41, 39—40. Особенности разлиновки: дополнительно были проведены вертикальные линии со стороны внутреннего разворота тетради.

VII. 44—51 (Ѣ). Писец *В*. Два двойных листа: 44—51; 47—48 (т. е. наружный и внутренний).

VIII. 52—59 (Ѥ). Писец *В*. Двойные листы: 52—59, 54—57, 55—56. Л. 58 — 27 строк (укрупненный почерк, пергамен шершавый).

IX.60—66 (б/н). Писец *В*. После листа 65 утрата (утраченный лист был обрезан — сохранился фрагмент на сгибе тетради у корешка). Двойные листы: 60—66, 63—64 (внутренний и внешний). Столбец 65г заканчивается словами памяти мученика Дасия (20 ноября): и ре¹⁰ | хоцю оумрети. и...; лист 66а начинается словами: на главѣ дающихъ | избавленье мужю | дѣи своєю бѣатьство (Слово о милостыне и нищелюбии [20 ноября]).

X. 67—74 (б/н). Писец *С*. Все листы двойные.

XI.75—81 (б/н). Писец *С*. После 81 утрачен один лист (вторая часть наружного двойного листа, обрез был сделан прямо на сгибе тетради, так что остался след от ножа). Столбец 81г заканчивается словами: смердаща и гвозьдми | заключи другую... (Притча святого Варлаама о богатых и убогих [28 ноября]); 82а начинается словами: ...ны лукоянскиа | купа пшеницю...

¹⁰ Все выносные буквы сопровождаются покрытием, которое мы не будем обозначать специально.

(Память мученика Филумена [29 ноября]). Двойные листы: 78—79, 77—80 (л. 75 также первоначально имел пару).

XII. 82 и 83. Писец *C*. После 83 утрачен лист. Последние слова на 83г из памяти Стефана Нового (30 ноября): оумре и побеюно | бы^с на мѣстѣ идѣже... Лист 84 начинает чтения на декабрь. Три отдельных листа должны были заканчивать ноябрьские чтения. На листах 82 и 83 почерк становится очень убористым. Листы разлиновывались со стороны 82 листа (все три). Строки: 5—7 (при обычных 9 мм); количество строк на странице — 39 (при обычном ≈ 32) символов в строке: $\approx 15—16$ (при обычном числе $\approx 14—15$).

XIII. 84—89 (5). Писец *E*. Тетрадь состоит из трех двойных листов. Между 86 и 87 утрачен, вероятно, двойной лист. Столбец 86г заканчивается словами: погипе | градъ и мѣсто и по|гибоша вси и ме... (Слово о чародеянии [2 декабря]). Столбец 87а начинается Словом преподобного отца нашего Арсения о человеческих делах (3 декабря): ...внѣ вратъ си суть | творащи з гордыне|ю. Предположительно утраченный двойной лист мог включать также Слово святого пророка Аввакума на «обидящих» и насилующих (2 декабря) и Память святого пророка Софонии и Преподобного отца нашего Феодула (3 декабря).

XIV. 90—95. Писец *E*. Двойной лист только 90—95. После листа 92 утрачено, судя по всему, два листа, так как в большинстве случаев внутренний и наружный листы тетрадей двойные. Столбец 92г оканчивается Памятью святого Амвросия, епископа Медиоланского (7 декабря) словами: много же на|пати [так!] створи досто|ино испе [так!] и погребенъ бывъ ч^стно; текст на 93а начинается словами: ...свою и ни ѳедино|го ихъ не позна| ѳеп^спъ (Слово о попе, оболганном перед епископом [8 декабря]). После было утрачено несколько тетрадей. Столбец 95г заканчивается словами: без ума по винь|нъ ѳестъ суду иже | ли речеть брату... (Слово от Пандекта, «еже не оскорбляти никого» [10 декабря]).

XV. 96 и 97 (Писец *E* и реставратор *F* (97б—г)) не входили в тетрадь, а заканчивали месяц и не были дописаны писцом. Столбец 96а начинается сло-

вами: ...здоимъствуи блужению. и к иным грѣшнымъ силамъ (Слово святого отца Нифонта, «яко в последнем издыхании покаянем и слезами и милостынею угодити Богу» [29 декабря]). Для окончания месяца было взято два листа, разлинованы они были со стороны 96-го. При этом листы, как и чтения на декабрь, не были дописаны: Слово о празднословии дописано реставратором до слов: якоже рече^чно есть страш^но и запрещение г^са гл^сца | аминь гл^сю вамъ яко всь... К этим листам реставратор присоединил лист или листы с окончанием декабрьских чтений. Листы крепились не к ремням: на 96 и 97 сохранились проколы (6 — вверху и внизу по одному, а также по два на уровне верхнего и нижнего ремней). Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что реставратор не переплетал Тип. 165. Следовательно (так как переплеты кодексов идентичны), при переплетении Тип. 167 он использовал первичный переплет.

2.1.2.2. Тетради в Тип. 167

I. 1—8 (б/н). Писец *В*. Двойные листы: 1—8, 3—6, 4—5. Текст начинается со Слова «еже не осудити никомуже дондеже сам господь обавить и о долготерпении божию» словами заглавия: дондиже самъ г^сь оба|вить.

II. 9—16 (б/н). Писец *В*. Двойные листы: только 9—16 и 12—13.

III. 17—23 (б/н). Писец *В*. 17—23. После 23 листа утрата. Двойные листы: 20—21, а также утрачен лист, являвшийся парным с 17. Столбец 23г заканчивается словами из Слова о Царствии Божиим: яже не могу|ть сказана быти. ка|ко убо можем стерь... Лист был надорван, а потом обрезан ножом. На л. 21 и 22 остались порезы. На утраченном листе должны были начинаться чтения на 16 января, но так как с 16 января начинается вставка, сделанная реставратором, надо полагать, лист был утрачен до реставрации вместе с последующей тетрадью и первыми тремя листами тетради IV.

IV. 24—29. Реставратор *Ф*. Двойным является только наружный лист (описание работы реставратора дано отдельно, см. 2.1.5).

V. 30—34. Писец *E*. 30—31 — единственный двойной лист. Изначально он был внутренним двойным листом. Остальные листы без пары. Наружный лист был двойной: первый лист тетради был обрезан вдоль линии сгиба; остальные утраченные листы не были двойными, но они, возможно, также были обрезаны, а реставратор при переплетении удалил остатки листов на сгибе. Между 23 и 30 были утрачены последний лист III тетради, первые три листа тетради V, а также, судя по объему (чтения с 16 по 22 января включительно), целая тетрадь — в общей сложности 1,5 тетради.

VI. 35—42. Писец *E*, а также писец *G* (41г) и реставратор *F* (41г—42). Лист 42 вставлен реставратором. Первоначально тетрадь состояла из четырех двойных листов. Последний лист тетради был утрачен (обрезан ножом — на л. 41 остался след от ножа вдоль линии обреза). На столбце 41г писца сменяет следующий писец (*G*). На девятой снизу строке реставратор поверх выскобленного текста начал писать Страсть святых чудотворцев Кира и Иоанна, а после присоединил еще лист (на котором заканчиваются чтения на январь). Чтения на 31 января исходного состава Пролога были утрачены, и нам крайне сложно судить о том, что было в книге до утраты и реставрации. Вполне вероятно, что изначально там находились присоединенные листы, на которых январские чтения заканчивались.

VII. 43—46. Писцы *G*, *C* и реставратор *F*. Тетрадь изначально состояла из четырех листов: наружный — двойной, внутренние — одинарные. При реставрации тетрадь была несколько смещена, из-за чего сместился нижний прокол (один из трех проколов крепления к нижнему ремню не совпадает с первичными) первоначального переплета. Сама тетрадь немного покосилась, листы стали неровными и неодинаковыми. Реставратор поверх выскобленного текста переписывал «Поучение на Сретение Господне», которое должно было заканчиваться на последующем, присоединенном им к тетради и несохранившемся листе (от него сохранилась узкая полоска пергамена с наруж-

ной стороны сгиба тетради)¹¹. Размер букв у этого писца варьируется от 4 до 6 мм. Разлиновывалась эта тетрадь отличным от других способом: предварительно на листе 43 была сделана разметка (проколы: для горизонтальных линий — попарно вдоль первого столбца; для вертикальных вверху и внизу тетради), причем тетрадь была сложена, так как проколы достигают последнего листа тетради (46). После этого тетрадь разлиновывалась в развернутом виде со стороны наружных листов — по листу 43 в соответствии с разметкой, по листу 46 произвольно. Эта тетрадь первоначально отличалась от других еще и тем, что для каптала были сделаны проколы, тогда как на других тетрадях делался надрез ножом вдоль корешка всей книги. Возможно, это объясняется тем, что тетрадь, как и сейчас, уходила вглубь от корешка, и до нее просто не доходил прорез. Реставратор сместил и проколы для каптала, при этом он воспользовался первичными проколами на л. 45, а сквозь 44 и двойной наружный проделал новый прокол. Реставратор присоединил к этой тетради еще один лист, который был утрачен (был отрезан почти у самого сгиба — вдоль л. 46 остался след от ножа). 46г заканчивается словами Поучения на Сретение Господне: не домышлящисѧ | волно^г распѧтия днь^с... Л. 47а начинается чтениями на 3 февраля.

VIII. 47—54. Писец *Н*. Двойные листы: 47—54 и 50—52. Срединный лист 51 — одинарный (в обеих рукописях это единственный случай).

IX. 55—62 (ѧ — 55б, внизу). Почерк *Н*. Все листы двойные. Лист 58 — подрезан нижний угол; лист 62 — обрезана полоса вдоль всего листа (обрезано было после написания книги).

X. 63—70 (ѧ — 63б). Писец *Н*. Двойные листы: 63—70, 64—69, 66—67 (данная тетрадь короче остальных по длине: внизу неровная линия — 1—1,5 см).

XI. 71—77. Писец *Н*. Первый лист тетради утрачен (был обрезан — неровный порез, расположенный близко к сгибу). Столбец 70г заканчивается словами: и ре^ч игумен | изложи волшъбу | свою. ѿвѣща сгрѣши|хъ ѿпусти ма

¹¹ Не ясно, какой текст был в рукописи первоначально.

и ре^ч... (Слово о некоем мнихе [15 февраля]); на л. 71 текст начинается: ...выи. с ним юсть вну|трюуду плачь и болѣ|знь яко ащъ и дѣ|ло дѣлають... (Слово от патерика «о плаканьи» [16 февраля]). Двойные листы: 73—74; внешний лист также был двойным.

ХII. 78—84. Писец *Н*. Двойные листы: 78—84 и 81—82. Между лл. 82 и 83 утрачен лист (был обрезан — от него сохранилась полоска на сгибе). Текст на 82г заканчивается словами: все бо воображе|ные дѣ|шу приимь| ꙗко ба оубиень не пра... (Слово от апостольских уставов, как подобает жить христианом [24 февраля]); текст столбца 83а начинается словами этого же чтения: ...бъе имже бывають| блуди.

ХIII. 85—91 (б/н). Писец *С*. Двойные листы: 85—91, 87—88. После л. 86 утрачен один лист. Тетрадь, в отличие от остальных, скреплялась кожаными жгутиками в трех местах, все они порвались, из-за чего тетрадь разваливается, л. 86 выпал, и, вероятно, последующий лист также выпадал и был утерян. На столбце 86б обрывается Память св. Фаддея Чудотворца (27 февраля) словами: и видѣ|вши же бѣ|си крѣ|пость юго покуша...; 87а начинается Слово о Анастасии (тот же день) со слов: ...ри юеже юи повели бѣ | же та дѣ|цею чисто | живуци ·м· лѣ^т. Тетрадь дополнительно разлиновывалась со стороны внутренних листов, при этом вертикальные линии проводились дважды. Некоторые листы сохранили следы разлиновки с внутренней и внешней стороны.

ХIV. 92—93. Писец *С*. Этими листами заканчивались февральские чтения. Разлиновывались со стороны л. 92.

ХV. 94—101 (а — 101в, внизу) Писец *А*, писец *І* (97в—98г). Двойные листы: 94—101, 96—99, 97—98. Тетрадь дополнительно разлиновывалась с внутренней стороны.

ХVI. 102—108. Писец *А*. Двойные листы: 102—108, а также двойным был наружный лист тетради, вторая часть которого утрачена (возможно, на ней был номер). Тетрадь дополнительно разлиновывалась с внутренней сто-

роны. Столбец 108г заканчивается Словом святого Григория о милостыне (11 марта) на словах: да се слышаще | бра^тіе потщитеса съ|творити мѣтню...

В большинстве случаев тетради однотипны: состоят из 8-ми листов, последние и срединные листы двойные. В тех случаях, когда в тетради три двойных листа, одинарные располагаются сразу после наружных листов тетради. Для удобства разлиновки и письма (так как не все листы двойные) тетради скреплялись в двух местах (почти всегда) кожаными жгутиками — почти все они сохранились.

Так как техника изготовления тетрадей едва ли может содержать индивидуальные черты, мы не можем определить, изготавливались ли тетради одним мастером или писцы, обучаемые в скриптории, сами готовили себе тетради. Исключение составляет тетрадь VII в Тип. 167, состоящая из четырех листов и разлинованная иным, в сравнении со всеми другими тетрадями, способом. Всего вероятнее, что данную тетрадь готовил себе сам писец, в любом случае тетрадь готовилась отдельно и специально для него. Следующая тетрадь (VIII) начинается чтениями на 3 февраля (писец *H*). «Поучение на Сретение Господне», вписанное реставратором, заканчивалось на последующем, утраченном листе. Не ясно, какой текст располагался на выскобленном фрагменте столбцов 46в—г, но по каким-то причинам он не устраивал реставратора (скорее всего, не был закончен). Мы полагаем, что после л. 46 был еще один, утраченный до реставрации, лист, на котором заканчивалось начатое на 46в сказание. А раз лист присоединялся к тетради, писцу *G* важно было закончить сказание. Следовательно, писцы *G* и *H* начали работать одновременно, т. е. списывали февральские чтения с разных антиграфов, при этом роль писца *G* изначально сводилась именно к написанию только чтений на первое и второе февраля (в данном случае имеется в виду именно работа над февральскими чтениями — этот переписчик заканчивал чтения на январь).

Как говорилось ранее, переписывались Прологи по месяцам, так как каждый месяц начинается с новой тетради и нового почерка. Всякий раз для окончания чтений на месяц после последней тетради присоединялись листы или нестандартные тетради в зависимости от объема оставшихся чтений. Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что разные месяцы переписывались одновременно с разных антиграфов.

Не вызывает сомнений, что Тип. 165 содержал еще и сентябрьские чтения: об этом мы можем судить по длине ремней и по номеру первой (в настоящий момент) тетради (5̄). Обращает на себя внимание и следующий факт: чтения на декабрь начинаются с седьмой тетради (5̄), тогда как это первая тетрадь, переписанная писцом *E*. Если не считать листы 82 и 83 (и последующий утраченный), то первая тетрадь декабрьских чтений является седьмой, начиная с ноября, т. е. данная тетрадь, возможно, продолжает нумерацию, начатую писцом *B*. Как отмечал В. В. Калугин, сигнатура тетрадей индивидуальна, так как пронумерованы тетради в разных местах [Калугин 1992: 274], но не исключено при этом, что нумеровались они заранее. Во-первых, потому, что писец *B* пронумеровал свои тетради киноварью (а при письме использовал только чернила), во-вторых, в Тип. 167 в чтениях на февраль спутана нумерация. Писец *B* пронумеровал только первые три из четырех переписанных тетрадей, его сменил писец *C*, тетради которого не пронумерованы. Ситуация представляется нам следующим образом: чтения на ноябрь и декабрь переписывались одновременно, работа была спланирована, и писцы *B* и *E* разделили между собой тетради, *B* пронумеровал первые три тетради, а *E* пометил первую свою тетрадь как седьмую по отношению к первой тетради ноября. Такая модель одновременной работы над ноябрьскими и декабрьскими чтениями объясняет номер 5̄ (фактически тетрадь восьмая) на тетради и подтверждается анализом орфографии исходного текста Прологов Тип. 165 и Тип. 167 чтений на октябрь—февраль.

2.1.3. Инициалы и заголовки

Инициалы и заголовки в Прологах Тип. 165, Тип. 167 выполнялись как самими писцами в процессе (или после) написания текста, так и отдельным мастером (в большинстве случаев) уже после заполнения листов текстом.

В обеих рукописях сохранилось только четыре заголовка к месячным чтениям: к ноябрю (Тип. 165, 36а) и декабрю (Тип. 165, 84а), а также к февралю (Тип. 167, 43а) и марту (Тип. 167, 94а). Обращает на себя внимание следующий факт: в Тип. 165 писец *E* для заголовка оставил 4 строки, тогда как писец *B* — десять строк. Скорее всего, он предполагал, что на данном месте будет еще и заставка. Однако заголовок в данном месте так и не был выполнен, его восполнил чернилами реставратор. В Тип. 167 заголовки февраля и марта представляют собой чернильный контур, покрашенный киноварью. Надо полагать, что контур выполнялся самими писцами — следующие строки заголовков писались (как и последующий текст памятей) писцом *G* (43а) и писцом *A* (94а).

Большая часть крупных инициалов выполнена одним мастером, который, вероятно, не участвовал в переписывании текста. По крайней мере, мы не нашли никаких примет, позволяющих предположить, что рубрикатор — один из писцов.

Малые инициалы (*B* и *M*) в устойчивых заглавиях: Въ тѣ^ж днѣ, Мѣца того^ж — частью вписывались самими писцами (только контур) и подкрашивались художником. Художник вписывал малые инициалы устойчивой формы киноварью и подкрашивал синей, иногда зеленой краской, тогда как часть инициалов выполнена иначе: чернильный контур с киноварной подкраской (маловероятно, чтобы художник, вписывавший инициалы подряд, использовал то киноварь, то чернила для одних и тех же целей).

Писцом *C* выполнены контуры всех малых инициалов в Тип. 165 и Тип. 167 в переписанных им фрагментах текста.

Писец *Е* также сам вписал контуры малых инициалов в Тип. 167 (в своем фрагменте текста) и в Тип. 165 на столбцах: 84в (В), 87а (М), 93а (М), 93б (В), 92в (М), 96г (М).

Писец *Н* на отрезке 47а—54б в Тип. 167 выполнил контуры малых инициалов.

Кроме того, писец *А* написал малые инициалы на 1б (М), 2в (В), 3а (В), 3б (В); он же выполнил все инициалы с чернильным контуром на столбце 99а в Тип. 167.

Большие инициалы, начинавшие сказания, в Прологах делятся на два вида: 1) крупные с киноварным контуром и синей или желтой (или и той и другой) подкраской (иногда, впрочем, совсем без подкраски: Тип. 165, 11а [С]; Тип. 167, 34б [Д]) и 2) с чернильным контуром и киноварной подкраской.

Первые варьируются очень сильно: небольшие простые инициалы с киноварным контуром и синей подкраской — писались, как правило, внизу страниц из-за нехватки места (например: Тип. 165, 31а, 31б, Тип. 167, 12в, 30б) или на полях, когда писец не оставлял места в столбце (Тип. 167, 31б: *Сѣаю*); и крупные, можно сказать, «полноценные», с киноварным контуром синей и желтой подкраской, исполненные на специально отведенном для них месте и совершенно не представляющие единообразия. Это могут быть крупные, простые, с простым орнаментом по краям, инициалы, а могут быть инициалы с плетеными мачтами и узлами на сгибах без зооморфных и антропоморфных элементов (Т. В. Ильина, характеризуя такие инициалы, использовала термин «примитивная тератология» [Ильина 1978: 83]). Т. В. Ильина характеризует рубеж XIV—XV вв. как эпоху потери чистоты стиля в книжном орнаменте [Там же: 82—83], что также нашло отражение в Прологах Тип. 165, Тип. 167: ни одна буква инициалов не выдержана от начала до конца строго в одной манере. Плетение чаще всего двойное, но встречается и тройное (Тип. 165, 45в: *Ти*; Тип. 167, 4б: *Ч^снаго*; Тип. 165, 49г: *Антонинъ* [при том, что рядом на 49в инициал *А* в *Александръ* — с двойным плетени-

ем]). Не вызывает сомнения тот факт, что, несмотря на вариативность, данные инициалы выполнены одним художником, во-первых, потому, что в тексте они могут следовать друг за другом и свободно чередоваться, во-вторых, на это прямо указывают гибридно написанные инициалы. Таков в Тип. 167 на 35в инициал П в слове *Прииде*: мачты отличаются друг от друга, так как одна (правая) представляет двойное плетение, а другая тройное. То же самое на 54в (Повѣдаше); в Тип. 165 — на 88а инициал Н (Нѣкто). Инициал И (Иѡсифъ Тип. 167, 21б) имеет разные мачты: левая — плетеная, правая — простая.

Инициалы вносились в рукописи уже после заполнения листов текстом. Об этом мы можем судить по пропускам инициалов из-за невнимательности художника на оставленном переписчиком месте или из-за того, что сам писец забывал оставить место для инициалов (подробнее ниже). Нередко невысохшая киноварь или краска оставляли следы на соседних листах.

Простые инициалы с чернильным контуром вписывались самими писцами. Со столбца 30б в Тип. 167 для инициалов не оставлялось места и они писались на полях (на 30а, т. е. фрагменте текста, переписанном тем же писцом, в специально оставленном для художника месте вписан крупный инициал с киноварным контуром и синей подкраской); начиная с 34б место для инициалов снова оставляется и они снова пишутся художником. Как отмечалось ранее, малые инициалы писец С писал сам, поэтому мы полагаем, что и эти неискусные инициалы были им же выполнены. При этом на 31б инициал на полях был пропущен и после вписан художником (С [Сѣаа] — киноварный контур, синяя подкраска, см. выше), а это значит: а) на полях инициалы могли вписываться не одновременно с текстом; б) художник отслеживал эти листы, несмотря на вписанные инициалы (он подкрашивал их киноварью). Это также указывает на то, что контуры писал сам писец — в противном случае надо предполагать, что на данном фрагменте текста обязанности распределялись между троими мастерами: один писал текст, другой рисовал

контуры, а третий подкрашивал их, тогда как два последних действия точно мог выполнить (и выполнял на других листах) один человек.

В Тип. 167, начиная со столбца 97в, также появляются инициалы с чернильным контуром: инициал Т (Тии) крупный, написанный в той же манере, что и другие крупные инициалы с плетеной мачтой, подкрашенный киноварью, а далее идут простые небольшие инициалы, форма букв которых может варьироваться, многие из них украшены простым небрежным орнаментом. На листах, переписанных писцом А, такие чернильные контуры выполнял сам переписчик, об этом мы можем судить по тому, что контур инициала М в мартовском заголовке совпадает с М на л. 99б, 100а, 101г, 104в, 106в, 107б. Начертание инициала В в *Въ тѣ^{жс} дѣнь* варьируется; на л. 104а, 105б, 101б по внешнему виду совпадают с малыми В, написанными этим же писцом в Тип. 165.

Интересно обратить внимание на несогласованность действий писцов и художника. Как отмечалось ранее, инициалы в большинстве случаев вписывались после заполнения листов текстом, писцами специально оставлялось место для инициалов, однако место могло не оставаться, и это приводило к тому, что художник пропускал начало глав или вписывал уменьшенный, искаженный, простой инициал. Иногда художник не замечал оставленного места. Много случаев неправильного заполнения места для инициалов, нередко виноваты в этом были писцы. Приведем примеры пропусков и несоответствий, распределив их по рубрикам.

1) Пропуски малых инициалов в оборотах *Въ тѣ^{жс} дѣнь* и *Мѣа того^{жс}*, Тип. 165: 55г (В); на листах 2в (М), 24б (М), 30а (М), 34а (М) инициалы были вписаны реставратором; Тип. 167: 8а (В), 9г (В), 17а (В), 21а (В), 76а (В), 96в (В).

2) Пропуск больших инициалов, начинающих статью, Тип. 165: 21в (пропущен инициал Т), 34б (из-за отсутствия места пропущен инициал М: онастырь), 92 в (пропущен А: мбросии), 30б (инициал С [Сѣаа] был вписан реставратором); Тип. 167: 47б (из-за нехватки места был пропущен инициал

А: ндрѣи), 53а (пропущен инициал Т: ...ъ баше), 89а (пропущен инициал Б: ...лѣженаа).

3) Ошибочное написание инициалов, Тип. 165: 4в (Тъ^с, вм. Бы^с)¹², 25б (Трсѣи, вм. Прсѣи [греч. оригинал исключает в данном случае вариант Трсѣи: Ὁ ἐν ἁγίοις πατήρ]), 60б (Аарламъ, вм. Варламъ), 82г (писец, оставив место, написал *атъ нѣкто* (Бѣтъ нѣкто), художник исправил первую часть на Ту бѣ); Тип. 167: 15в (Долнѣа, вм. Молнѣа), 16в (В вм. Т [Во сѣи воинѣ]), 17г (В вм. Т [Во сѣи бѣста]), 22а (Т вм. С [Те бы^с въ цѣрство]), 54б (Ѡукуль вм. Вукуль), 61г (написано В вм. Х [Варлампѣ]), 81г (вм. Е написано С [Сгда]), 82б (вм. З написано Т [Таконооуставни|къ]), 63б (буква С инициала была исправлена из Т самим художником [Се бѣ во время]).

4) Нередко писец, оставляя место для инициалов, писал и первую букву слова (главы), букву, которую должен был вписывать рубрикатор. Таким образом, инициал в ряде случаев либо дублирует первую букву: Ффилипъ Тип. 165, 56б; либо вписывает лишнюю букву: И кюрѣана Тип. 165, 36в, И бѣти Тип. 165, 69в, Ѡоуаръ Тип. 165, 18а, И тѣ оубо Тип. 167, 37в.

2.1.4. Писцы. Почерки

При описании почерков нам важно учитывать как датирующие приметы, особенности начертаний, связанные с определенным периодом истории русского кириллического письма, так и приметы индивидуальные, позволяющие при внешнем сходстве почерков разделить их и атрибутировать в пределах данных рукописных книг. Число особых индивидуальных черт в нашем описании может варьироваться, так как первым основным критерием разделения и атрибуции почерков является внешнее сходство, которое нельзя свести к совокупности особенностей начертаний. Выделять индивидуальные черты мы считаем необходимым в тех случаях, когда два и более почерков внешне схожи между собою и когда это может дополнительно характеризовать манеру письма переписчика. Т. е. особенности начертаний выделены

¹² В данном случае, несомненно, виноват писец.

нами в контексте противопоставления какому-то отдельному почерку, противопоставления всем остальным почеркам. Представляют интерес также дополнительные каллиграфические росчерки, характеризующие эстетические графические вкусы писцов, возможно, их индивидуальный опыт. В описании мы уточняем состав используемых писцом графем (наличие/отсутствие особых начертаний *о*, присутствие *є*, употребление *і*). Из датирующих особенностей мы выделяем в первую очередь те, которые традиционно считаются типичными для второй половины XIV века, т. е. характерные для позднейшего русского устава, а также (редкие) отклонения от данной системы (такие, как буква *ѣ*, вписанная в строку писцом *Л*). При выделении индивидуальных черт несущественными для нас оказались общие для всех писцов черты (как, например, начертание буквы *м* с перекладинами, соединяющими среднюю часть с мачтами), поэтому мы фиксируем только исключения из общей закономерности.

Границы почерков были определены В. В. Калугиным; в его статье работа книгописцев отражена в виде таблицы, которую мы полностью воспроизводим. Наши уточнения к таблице (даны курсивом) касаются лишь границ почерка *С* в Тип. 167 и работы реставратора в Тип. 165.

Писцы	Тип. 165	Тип. 167
Писец А	1а–35г	94а–97б; 99а–108г
Писец В	36а–66г	1а–23г
Писец С	67а–83г	85а–93в; <i>44в, 46в</i>
Писец D	75г	–
Писец Е	84а–97б	30а–41г
Писец F (реставратор)	<i>Л. 97б–г; инициалы на 2в (М), 24б (М), 30а (М), 30б (Сѣи), 34а (М); заголовок к ноябр. чтением на 36а</i>	24а–29г; 41г–42г; 46в–г
Писец G	–	41г; 43а–44в (<i>верхние 6,5 строк</i>), 44г–46в
Писец H	–	47а–84г
Писец I	–	97в–98г
Писец J	–	102а

На данном этапе описания мы рассматриваем только почерки первичного состава кодексов; работа реставратора (писца *F*) и особенности его почерка будут рассмотрены отдельно (2.1.5).

В исследуемых Прологах используются следующие графемы: а, б, в, г, д, е, ж, з, н, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ѳ, ү, ф, х, w, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѿ, ѿ, ѿ. В числовом значении используется буква ѿ (при этом единожды в фонетическом: в имени *оугра*^{оа} [писец *E*: Тип. 165, 94г]); в своем числовом значении буква *s* (*sъ*ло) употребляется только в виде *a*; в числовом значении употребляется буква *ǰ*, в фонетическом она употребляется нерегулярно писцом *A* (в Тип. 167). Буква *і* употребляется, как правило, для экономии места в конце строки, а также в именах *іѡанъ* и *іѣ* (не всеми писцами). Употребление букв *ѳ* и *ү* строго упорядочено: после гласной и в начале слов употребляется *ѳ*, после согласных — *ү*. Только как исключения можно отметить два примера: *неразоумнии C* Тип. 167, 91а, *градушоу E* Тип. 165, 85а. Также упорядочено употребление графем *ѿ*, *ѿ* и *ѿ* (после мягких согласных): *ѿ* после шипящих и *ѿ* (за исключением нескольких примеров: *Мѿца* того же *B* Тип. 165, 50б, 56г, 61а, *Мѿца* того же *B* Тип. 167, 4б, *ре|мественица B* Тип. 165, 54а), *ѿ* после других палатализованных, *ѿ* — после гласных и в начале слов, т. е. в соответствии с *ja*. Буква *w* употребляется не всеми писцами, наряду с ней в той же функции могут употребляться *o*-широкое, особые по начертанию *o*: с ресничками внутри кольца, с двумя горизонтальными линиями и *o* с крестом внутри. Буква *ы* пишется только как *ъ* и *і*. В значении *от* используется только лигатура *ѿ* всеми писцами. Для всех переписчиков обычны лигатурные написания в конце строки для экономии места. Все лигатуры просты и встречаются довольно редко. Сокращений под титлом и с выносными также относительно немного, все они стандартны: *ѣ*, *ѣ*,

ѣъ, іѣъ, реѣ, памаѣ, прпѣнныи, ѣпѣпъ, блѣтъ, цѣрство, цѣръ и т. д. Отдельно при описании почерков лигатуры и сокращения нами не рассматриваются.

По своим графико-орфографическим особенностям рукописи представляют старорусскую норму периода до второго южнославянского влияния. В соответствии с праславянским **dj* все писцы пишут только ж, сочетания *жд* в тексте Прологов появляются в результате утраты редуцированных. Ъ на месте старославянского ѡ встречается не часто, почти все случаи связаны с написанием одного слова: печеры *A* Тип. 165, 25а, печеру *A* Тип. 165, 25а, 34в, в пече|рѣ *H* Тип. 167, 63б; другие случаи рѣпъчю|щимъ *A* Тип. 167, 95в, клеветчюще *H* Тип. 167, 61б.

Сочетания *-оро-*, *-ере-*, *-оло-* на месте неполногласных старославянских *-ра-*, *-ла-*, *-рѣ-*, *-лѣ-*: во|лочи *C* Тип. 167, 81а, зо|лотыхъ *C* Тип. 165, 78б, ови мо|луди ини стари *C* Тип. 165, 75б, володимиръ *C* Тип. 165, 78а, полони воєвода *A* Тип. 165, 29в, *C* Тип. 165, 78б, ѡ иоанѣ ѡгородници *B* Тип. 165, 48г, похоронаща *B* Тип. 167, 1б, мороморомъ *B* Тип. 167, 23в, во ве|рема *E* Тип. 165, 86а. Сочетание *ло-* на месте старославянского *ла-* в начале слова встретилось единожды: всѣ|дѣ в лодью *B*: Тип. 165, 61в.

На месте праславянских сочетаний **tъ(b)rt*, **tъ(b)lt* преобладают написания с ерами, о и є перед плавным, а также некоторые особые написания, которые будут рассмотрены отдельно.

О в начале слова на месте старославянского ю: одинъ *H* Тип. 167, 70б, ѡзеро *E* Тип. 165, 84а, одинѣмъ *B* Тип. 165, 37г, ѡкоже одва наступати *B* Тип. 167, 7в.

Ять на месте ѣ в корне *яд-/ѣд-* также нередко встречается в тексте: что ѣси *H* Тип. 167, 56г, ѣсть *H* Тип. 167, 71а, изъ|ѣдени *B* Тип. 167, 23б.

Перейдем к непосредственному рассмотрению почерков.

Писец *A* участвовал в переписывании обоих Прологов: Тип. 167, листы 1а—35г; Тип. 167, листы 94а—97б и 99а—108г. Почерк этот содержит

в себе все черты позднейшего русского устава: набухшие петли у еров, ѣ и в; буквы ю, њ и ѓ — с высокой косою переключиной; ҃ — в виде расщеп (ножка равна или меньше чашки, иногда расщеп без ножки); ж — с маленькой невыраженной головкой (левый усик совсем не выражен); є (как правило, в конце строки).

Индивидуальные особенности начертаний букв: хвост буквы ҃ прямой, разной длины, иногда достигает нижней строки; впадина в диагональю направлена к низу мачты; хвост з сильно выгнут, часто выброшен вправо; буква щ имеет длинный, наклоненный влево хвост (который нередко загибается кверху); буква і встречается, как правило, в конце строки и в именах *іѣ* и *іѡань*; писцом используются ѡ, о-широкое (редко) с горизонтальными утолщениями и о особое с ресничками внутри круга (в Тип. 165 такое о редко, в Тип. 167 абсолютно доминирует, потеснив ѡ и совсем вытеснив о-широкое).

Важно отметить некоторые каллиграфические изыски и варьирование начертаний букв: левая ножка х иногда завершается косым росчерком и иногда перечеркнута; ножки буквы д удлиняются и даже могут пересекать нижнюю строку, часто при этом изгибаясь вверх (такое написание появляется к концу текста, переписанного писцом А в Тип. 165, и становится доминирующим; в Тип. 167 не встречается); в Тип. 167 появляется особое увеличенное (нерегулярное) с в словах *сѣи* и *стра*^с.

В конце строк буквы могут искажаться, деформироваться и появляются лигатурные написания. Внимания заслуживает при этом следующая особенность: в конце строки буква а часто сокращается до петли. Последовательно данная особенность встречается только у этого писца (в обеих рукописях).

Надстрочные знаки, используемые писцом: титло длинное, перечеркнутое посередине (иногда просто черта); покрытие, нередко изломанное

(^); часто — свободный росчерк без излома; точка и две параллельные черты (параллельные друг другу и параллельные строке). Последние надстрочные знаки употребляются над начальными гласными, гласными, следующими после гласных, и йотированными буквами. Последовательно проставлены они только над *w*, *o*-широким, *o* с ресничками и *i* (всегда две черты); над *n*, *na*, *ne*, *no* ставятся точки (как говорилось ранее, непоследовательно).

Знаки препинания, используемые данным писцом: точка (внизу строки) и четыре точки (нестрого расположенные).

На листах 34 и 35 почерк меняется (писец заканчивал месяц), становится убористым, но характер начертаний букв остается таким же.

Писец *B* также участвовал в переписывании обоих Прологов. В Тип. 165 он переписал листы 36а—66г, в Тип. 167 — 1а—23г. Из всех исходных почерков, встречающихся в рукописи, этот наиболее устойчив и профессионален.

Датирующие приметы почерка: набухшие петли (особенно у *z*); буквы *na*, *ne*, *no* имеют косую перекладину, расположенную вверху строки. Буква *z*, в отличие от других почерков, всегда имеет выраженную головку, иногда достигающую 1/3 от размера всей буквы; буква *u* изображается в виде расщепла, который не опускается ниже середины ножки. Часто встречающаяся буква *e* от обычной *e* практически не отличается.

Писцом используются в равной мере *w* и *o*-широкое (без горизонтальных или вертикальных утолщений), кроме того, *i* (чаще всего в конце строки, но не в именах). Присутствуют некоторые каллиграфические элементы: *phi* и *psi* с перечеркнутыми хвостами, *chi* с перечеркнутой левой ножкой, *na* с перечеркнутой перекладиной. Последовательно при этом «перечеркивается» только *chi*.

Одна из особенностей данного почерка состоит в том, что писец иногда выделяет буквы *л* (за счет удлинения петли, например, в слове *а|врааму* Тип. 167, 6а) и *с* (за счет увеличения: *сами доволни* Тип. 167, 14а) после точки.

Писец *В* использует следующие надстрочные знаки: титло — короткое, перечеркнутое и неперечеркнутое, которое может располагаться над буквой и между двумя буквами; покрытие — росчерк, невыраженная дуга (правда, иногда намечен излом). Из других надстрочных знаков писец очень редко (над *о*-широким и над *н*) использует знак спиритуса (˘).

Знаки препинания: точка и четыре точки (:·).

Следующий писец (писец *С*) переписал листы 67—83 в Тип. 165 (за исключением небольшого фрагмента текста на столбце 75г (писец *D*, см. ниже), листы 85а—93в в Тип. 167, и там же фрагменты текста на листах 44в и 46в: на седьмой строке листа 44в слово *сѣѣа* начинает писать основной писец данного фрагмента (*G* — до *мачты ѣа* включительно), но *а* уже дописано писцом *С* — почерк продолжается до конца строки; на 46в почерк начинается с самого начала столбца, а на четвертой снизу строке его сменяет почерк реставратора (реставратор писал по выскобленному тексту).

Внешне данный почерк похож на почерк писца *A*, отличается расстоянием между буквами и соотношением широких и узких линий (что очень важно для описания, так как эта особенность обусловлена поворотами и нажимами пера и, несомненно, определяет индивидуальную манеру писца). Из-за этого буквы *у*, *ц*, *з* с тонкими хвостами отличаются от тех же букв, написанных писцом *A*.

Датирующие приметы: набухшие петли *ъ*, *ь*; буквы *ѣ*, *ѥ*, *ю* с косой перекалиной вверху строки; *ж* с очень маленькой головкой (по технике начертания очень схоже с почерком *A*); *ч* в виде расщепя, чаша равна ножке или больше ее.

Этим писцом используются как **ω**, так и **о**-широкое и **о** с ресничками внутри; также писец использует **і** (в конце строки и в именах **іѡанъ**, **іѣъ**), но **є** не встречается совсем.

Можно отметить некоторые каллиграфические элементы: **х** — левая ножка перечеркнута и заканчивается косым росчерком, как и хвост **щ** — данные элементы не обязательны, но часты. Как единичные случаи отметим употребление **ф** с ресничками внутри овала и перечеркнутым хвостом (филипу Тип. 165, 82а) и **о** с крестом внутри (**о** первѣмь Тип. 165, 83в).

На листах 82—83 (окончание чтений на ноябрь) в Тип. 165 почерк этого писца становится очень убористым: 40 строк на странице, по 16—18 символов в строке столбца при обычных 14—15; в Тип. 167, наоборот, к концу февральских чтений (листы 92 и 93) увеличивается размер букв и расстояние между ними.

В Тип. 167 изменяется техника начертания буквы **ж**: на столбце 89в эта буква пишется с выраженной головкой — к концу почерка размер головки может достигать $\frac{1}{2}$ от размера буквы.

Надстрочные знаки: титло писец **С** пишет длинное — тонкий росчерк, перечеркнутый посередине; для выносных букв используется дугообразное тонкое покрытие; из других надстрочных знаков писец использует точку (над **н** и йотированными буквами), а также две точки, три точки и две параллельные горизонтальные черты (над **ω**, **о**-широким и **о** с ресничками); иногда над **н** и йотированными пишется знак спиритуса (**~**). Последовательно данные надстрочные знаки употребляются только над вариантами **о**-широкого.

Из знаков препинания писец **С** использует точку, которая пишется на середине высоты буквы, и четыре точки (не обязательно строго расположенные в строке).

Следующий почерк фрагментарен. Писец *D* переписывал текст на столбце 75г со словоформы *x^cvi* на 18-ой строке до *списа|въ* (до *списа*, т. е. до конца строки — *въ* уже дописал писец *C*) на 22-й строке.

От почерка *C* данный почерк отличен в первую очередь благодаря иной толщине линий и более сжатому письму. Описать этот почерк невозможно, так как переписанный фрагмент слишком незначителен, чтобы можно было говорить о регулярности тех или иных особенностей. Отметим только высокие косые перекладины у букв *ѣ*, *ѥ*, *ю*.

Писец *E* переписывал чтения на декабрь в Тип. 165 (84а—97б) и лл. 30—41 в Тип. 167. Внешне почерк очень небрежен. Важное для искусного письма соотношение тонких и толстых линий, утолщений не выражено, т. е. перекладины часто той же толщины, что и мачты.

Особенности почерка, имеющие датирующее значение: *ъ* и *ь* с набухшими петлями (иногда во всю высоту буквы); *ж* с маленькой головкой; буквы *ю* и *ѥ* имеют косую перекладину вверху строки (перекладина *ѣ* прямая, расположена на уровне $2/3$ по отношению к высоте буквы); *ч* расщеплено посередине строки.

Индивидуальные особенности начертаний букв: «кормысло» *ѣ* расположено ниже верхнего уровня строки; хвост буквы *р* наклонен вправо; впадина между петлями буквы *в* идет вниз, не соприкасаясь с мачтой.

Из особых графем с фонетическим значением *о* писец использует только *ѡ*. Буква *і* встречается в именах (*іѡанъ* и *ісѣ*), а также очень редко в конце строки.

Надстрочные знаки: титло длинное неперечеркнутое, концы изгибаются вверх и вниз (выглядит, как свободный росчерк, который всегда захватывает более одной буквы); покрытие — дуга (слабо выраженная); кроме того — точка (над *н*, *ѥ*, *ѣ*, *ю*), над *ѡ* писец пишет две точки или две горизон-

тальные черточки, расположенные в одной плоскости, изредка встречается знак спиритуса над буквой ю (молитвой Тип. 165, 89а, манатью Тип. 165, 88г).

Знаки препинания, используемые писцом *E*: точка (в середине строки); четыре точки (:·).

Почерк писца *G* — наиболее интересный из всех встречающихся в Прологах. Этот писец участвовал в переписывании только Тип. 167. Начинает он писать со столбца 41г, со слов *рече въ|чера* на пятой строке. Возможно, далее он дописывал январские чтения, но последующий лист (листы) был утрачен. На 9-й снизу строке начинает писать поверх выскобленного текста реставратор. После этот почерк встречается на листах 43а—46в. На этих четырех листах дважды писца *G* сменяет писец *C* (см. выше).

Почерк писца *G* очень небрежен, толщина линий практически не меняется в зависимости от направления пера.

Датирующие особенности почерка: крупные петли еров (форма варьируется: иногда округлая, иногда квадратная), ж с маленькой головкой; ч в виде расщепа, чаша которого всегда больше ножки (часто несимметричное, в виде сплошного расщепа); перекладыны љ, ѓ, ю расположены вверху строки.

Другие особенности начертаний: «коромысло» ь часто расположено ниже верхнего уровня строки; написание Ѧ вариативно, но в большинстве случаев язычок раздвоен; мачта буквы ф раздвоена внутри овала; впадина между петлями в не достигает мачты, а опускается к нижней горизонтальной линии.

Писцом в фонетическом значении *o* используются w, *o* с двумя горизонтальными линиями внутри и *o* с незатемненным крестом (редко: 41г, 43а).

Буква *і* используется редко в конце строки, а также в имени *іс^сь*. *Є* не используется.

Из надстрочных знаков писец использует две точки (над *н*, *ѣ*, *ѣ*, *ю*) и две параллельные горизонтальные черты (над *і*, *w* и дублетами). Для характеристики писца важна следующая деталь: он не использует простое титло, а только титло с выносными буквами (или покрытие). В устойчивых сокращениях типа *бѣ*, *оцѣ* писец «выносит» точку и рисует покрытие (*оцѣ* Тип. 167, 45г, *ѣѣ* Тип. 167, 46а, *гѣѣн* Тип. 167, 46б, *сѣѣѣ* Тип. 167, 45в) [см. по этому поводу: Голышенко 1997: 25—26].

Знаки препинания: точка (внизу строки) и четыре точки, как правило, расположенные в форме квадрата.

Писец *Н* переписывал лл. 47—84 в Тип. 167. Почерк аккуратен и устойчив. Начертания букв меняются незначительно, но на протяжении почти сорока листов меняется перо и чернила (возможно, писец разбавлял их, так как они бледнеют), из-за чего внешний вид почерка меняется. По внешнему виду почерк близок почеркам писцов *А* и *С*.

К числу особенностей, позволяющих отличить данный почерк от других, следует отнести: особенности начертания буквы *х* — с очень высоким пересечением; «коромысло» *ѣ* чуть ниже верхнего уровня строки; буква *ѣ* имеет короткий дугообразный хвост; буква *м* пишется таким образом, что перекиладина есть только с левой стороны; кроме того, надо отметить, что писец использует букву *є* с длинным язычком.

Среди датирующих примет можно отметить букву *ж* с маленькой головкой, набухшие петли еров (впрочем, высота петли, как правило, не превышает половины высоты мачты; у *ѣ* петля маленькая); косые перекиладины вверху строки у йотированных *ѣ*, *ѣ*, *ю*.

Писец *H* использует букву *і* в конце строки и в именах *іѡанъ* и *ісѣ*. Наряду с *ѡ* он использует **о**-широкое и *о* с ресничками, но при этом они не чередуются свободно, а сменяют друг друга: до 62-го листа употребляется только *ѡ*; со столбца 62в вместо *ѡ* начинает употребляться **о**-широкое, с л. 72 употребляется *о* с ресничками. Заслуживает внимания и следующая особенность, связанная с написанием буквы *ѡ*: начиная с листа 71а, эта буква пишется с раздвоенным язычком. Левая ножка буквы *ѡ* регулярно перечеркивается также к концу текста (тогда как в начале эта особенность встречалась очень редко). И, наконец, отметим, что изредка встречается написание буквы *ѡ* с раздвоенной мачтой внутри овала (например, в словах *ѡедосѣ* Тип. 167, 65г, *ѡилѡмона* Тип. 167, 69в).

Надстрочные знаки, используемые писцом *H*: титло, длинное тонкое, перечеркнутое посередине; покрытие — тонкая дуга; точка и две точки (первое ставится над *н*, *ѡ*, *ѡ*, *ѡ*, изредка над *ѡ*: *ѡзь* (65б), *ѡрхиѡепѡ* Тип. 167, 65б).

Знаки препинания: точка (ставится в самом верху строки) и четыре точки (::).

Почерк писца *I* внешне отличен от всех других и в первую очередь от писца *A*, которого сменяет на листах 97в (с начала столбца)—98г (до конца столбца): петли *ѡ*, *ѡ*, *ѡ*, *ѡ* однотипны и невелики; язычок *ѡ* раздвоен; хвосты *ѡ*, *ѡ*, *ѡ* одинаково наклонены вправо; буква *ѡ* имеет очень короткие ножки, не выходящие за пределы строки.

Датирующие приметы почерка: косая перекладина букв *ѡ*, *ѡ*, *ѡ* расположена вверху строки; *ѡ* с маленькой головкой; *ѡ* пишется в виде расщеп с очень маленькой ножкой.

Буква *і* используется в конце строки. Используются *ѡ*, **о**-широкое и *о* с ресничками, с заметным преобладанием последней; графемы *ѡ* нет. Отметим,

кроме того, следующий факт: писцу, вероятно, незнакома буква *ǣ* — об этом мы можем судить по написанию: мазимьяна 97в.

Надстрочные знаки: используется точка и знак спиритуса (в равной мере) над буквами *н, ѡ, ю, ѳ*; над *о*-широким и *о* с ресничками ставится только знак спиритуса (значительно больший в размерах, чем над другими буквами); титло — небрежный росчерк, справа изогнутый вверх; покрытие-дуга (при выносе буквы *х* покрытие не ставится).

Знаки препинания: точка, которая пишется на уровне середины буквы, и четыре точки (:·).

Для нашего исследования этот почерк представляет особый интерес, так как он является общим для Прологов Тип. 167 и Тип. 166 (см. 2.2.4., а также иллюстрации 1 и 2 в Приложении 2). Начертания всех графем в обеих рукописях полностью совпадают. Для надежности атрибуции имеет смысл отметить здесь и некоторые индивидуальные особенности орфографии. Наиболее яркими чертами текста, переписанного этим книжником, являются примеры смешения еров с буквами *о* и *ѳ*, а также случаи написания *ы* после *ж*:

1. Смешение *ъ* и *о*, *ь* и *ѳ*, точнее написание графем *ъ* и *ь* вместо *о* и *ѳ* (ѣ): тезъиме|нитьствова Тип. 167, 98б, съфъи Тип. 166, 8а, Повѣдашь Тип. 167, 97г, кль|оника Тип. 167, 97г, отира|шь нъги х^су Тип. 166, 32г, видь Тип. 166, 33б, къю Тип. 167, 97г, тья Тип. 166, 28г. В большинстве случаев с ером пишется энклитика *же*: онъ жь Тип. 167, 97в, тѣмь жь Тип. 167, 97в, извода жь Тип. 167, 98в, бѣ | жь Тип. 166, 8а, тѣми жь Тип. 166, 32г, ны|нѣ жь Тип. 166, 33б. Кроме того, отметим, писец последовательно писал «этимологический» *ъ* в союзе *нъ*: нъ ѣ | единого Тип. 167, 98б, нъ многихъ Тип. 166, 32г.

2. Написание *ы* после *ж*: жы|тель Тип. 167, 98в—г, держымъ Тип. 167, 98в, поло|жыти Тип. 167, 98б, жывоту Тип. 166, 33б, послужыла | ти быхъ Тип. 166, 33б, идольслужытель Тип. 166, 28г, в жы|знъ Тип. 166, 34а.

Следующий, последний почерк (писец *Л*) фрагментарен. Он появляется на 13-й строке листа 102а (со слова *ѿгнанъ*) и заканчивается на слове *кнажа* 15-й строки. Особенности почерка: головка буквы *ж* равна нижней части; петля *ь* очень крупна (почти во всю высоту строки; *ь* — не встречается); *ѣ* целиком вписан в строку, «коромысло» низко расположено. Кроме того, отметим следующую деталь: в слове *сѣна* использовано не простое титло, а покрытие и выносная (похожая на *с*) [см. Голышенко 1997: 25—26].

Обобщая приведенные факты, отметим: в скриптории работали одновременно писцы разного уровня профессионализма. Внешняя небрежность, неаккуратность почерка не обязательно является свидетельством непрофессионализма писцов, однако, на наш взгляд, в данных рукописных книгах именно наиболее «непривлекательные» почерки принадлежат наименее квалифицированным книгописцам (писцы *G, I, Л*). Наиболее профессиональным является почерк писца *B*, он является и наиболее архаичным из всех (мы имеем в виду начертание буквы *ж* и *є*). Можно предположить, что писец *B* — представитель старшего по отношению к другим писцам поколения, что подтверждается и данными орфографии (см. 4.2). Вариативность написаний некоторых букв, появление иной техники начертания уже в процессе переписывания у писцов также может быть свидетельством недостаточной их квалификации (меняется техника написания буквы *д* у писца *A*, *ж* у писца *C*, *ж* у писца *H*). Работа скриптория, несомненно, — процесс управляемый, то, как писцы сменяют друг друга в процессе работы (интересна в данном случае роль писцов *J, I, G, D* — возможно, их испытывали или они пробовали себя), подтверждает это. Прологи Тип. 165, Тип. 167, таким образом, отражают деятельность «ученического скриптория».

У нас есть все основания предполагать, что создание данных рукописных книг не разделено большим промежутком времени, так как Прологи до-

полняют друг друга, Тип. 167 следует за Тип. 165 (перед нами «комплект» проложных чтений), и состав переписчиков относительно однороден.

2.1.5. Работа реставратора

Не позднее первой половины XV века Прологи попадают в руки реставратора. Почерк и орфография реставратора *F* также не отражают следов второго южнославянского влияния, а значит, реставрировались книги в ближайшее время после их изготовления. Причиной реставрации послужили исходная «дефектность» рукописи Тип. 165 (чтения на декабрь не были дописаны), а также ущерб, нанесенный Прологу Тип. 167: были утрачены последний лист тетради III, последующая тетрадь и первые три листа тетради V; кроме того, были утрачены последний лист тетради VI, листы, заканчивающие чтения на январь, и, вероятно, лист, следовавший за тетрадью VII. Утраченные листы были отрезаны — во всех случаях сохранились следы от ножа; надо полагать, утраченная тетрадь также была «удалена»¹³.

Переплеты рукописей идентичны, что позволяет говорить о том, что изготавливались они также в одном скриптории. При этом Тип. 167 переплетался дважды, и второе переплетение, несомненно, связано с деятельностью реставратора. Для обоснования этого прокомментируем сделанную им работу:

1) после л. 23 была вставлена тетрадь из шести листов (лл. 24—29), восполняющая утрату чтений на 16—22 января;

2) на столбце 41г был выскоблен текст после Слова «еже не осудити никогоже о всяком деле» (продолжение чтений на 30-е января) и начаты чтения на 31-е; чтения на январь дописаны были на последующем, прикрепленном к тетради, листе;

¹³ Листы рукописей обрезались и после реставрации, в том числе был обрезан один из вставленных реставратором листов (утрата после 46-го листа).

3) на столбце 46в—г реставратор также по выскобленному тексту написал «Поучение на Сретение Господне» — заканчивалось оно на последующем, вставленном им и впоследствии утраченном листе¹⁴.

Вставленные реставратором тетрадь и листы крепятся непосредственно к ремням и составляют единое целое с книжным блоком. Обращает на себя внимание следующий факт: при первоначальном переплетении отверстия для крепления к капталу — глубокий прорез ножом — были сделаны с внешней стороны тетрадей (возможно, по всему книжному блоку сразу); на вставленных листах и тетради сделаны аккуратные проколы.

При реставрации рукописи тетради крепились к ремням в соответствии с первичными проколами, но тетрадь VII была несколько смещена, точнее смещенным оказался только нижний прокол нижнего крепления. Когда листы были уже прикреплены к верхнему и среднему ремням и сквозь верхние два прокола последнего нижнего крепления были продеты нити, реставратор оттянул за нижний свободный угол листы 42, 43 и сделал новый прокол, с помощью которого и закрепил тетрадь окончательно. Таким образом, тетрадь несколько покосилась, сместилось крайнее, ближайшее к корешку, поле листа 45, а на листе 42 в правом нижнем углу образовались складки.

У нас есть все основания предполагать, что реставратор не переплетал Пролог Тип. 165: во-первых, потому что рукописная книга не сохранила никаких следов вторичного переплетения; во-вторых (и это главное) на листах 96 и 97 у корешка сохранилось шесть проколов (по проколу вверху и внизу листа и по два на уровне верхнего и нижнего ремня). К этим проколам крепились листы, на которых заканчивались декабрьские чтения; т. е. реставратор не переплетал книгу заново, а присоединил листы, восполняющие книгу, с помощью «внешнего крепления».

Первоначально Пролог Тип. 165 заканчивался памятью преподобной Феодоры (30 декабря) на 97б, реставратор там же начинает писать «Слово о

¹⁴ От утраченного листа сохранилась полоска пергамента вдоль сгиба тетради.

праздноречию», но дописывал он его, как и чтения на 31 декабря, вероятно, на прикрепленных листах. Остальная проделанная им над Тип. 165 работа сводится к следующему: им были дописаны некоторые пропущенные инициалы (на листах 2в [М], 24б [М], 30а [М], 30б [Сѣи], 34а [М]), а также пропущенный заголовок к ноябрьским чтениям на столбце 36а.

Каллиграфичность почерка и качество чернил свидетельствуют о высоком уровне квалификации реставратора.

Нами была установлена идентичность почерка реставратора и переписчика рукописи Синодальной библиотеки ГИМ № 839 (см. в связи с этим иллюстрации 3 и 4 в Приложении 2).

Рукописная книга Син. 839 представляет собой краткую редакцию Пролога на сентябрьскую половину года. В настоящий момент содержит 171 л., но, согласно сигнатуре самого писца, утрачено две тетради (ѣ и ѥ); от начала до конца писан одной рукой. Благодаря исследованию А. А. Покровского известно, что Пролог был привезен из Пскова в 1679 г., так как сохранилось имя счетчика, через руки которого проходили именно псковские рукописи (Семен Никифоров). В 1788 г. рукопись была передана Патриаршей (Синодальной) библиотеке [Покровский 1916: 364—365]. Из записи писца (запись опубликована в [Каринский 1909: 140]) на 171б—в следует, что книга была заказана игуменом церкви св. Петра (Середкина [Сироткина] монастыря) Григорием и старостой (этой же церкви) Харитоном Пукшиничем. Упоминание Середкина монастыря позволяет точно установить место создания Пролога (Псков). Писец Даниил (Данило) называет себя дьяконом церкви Святого Михаила (Архангела), следовательно, это священнослужитель, который одновременно являлся писцом-ремесленником (профессиональным книжником), изготавливавшим книги на заказ.

Для атрибуции почерков разных, не связанных друг с другом рукописей, при том что локализация и датировка одной из них приблизительна, простого внешнего сходства недостаточно. Мы соотнесли комплекс примет, учитывая технику начертания каждой отдельной буквы, употребление знаков

препинания и знаков диакритики, варьирование начертаний букв (и надстрочных), устойчивые сокращения с выносными буквами, лигатурные написания букв в конце строки. Кроме того, мы сравнили технику разлиновки тетрадей, хотя она в меньшей степени может быть индивидуальна. Почерк и разлиновка совпадают в деталях, различия незначительны и все будут оговорены.

Почерк дьякона Даниила устойчив и каллиграфичен. В Син. 839 несколько раз писец меняет перо и чернила, размер букв также варьируется. Однако почерк легко узнаваем благодаря устойчивости начертаний букв и самой технике каллиграфического письма. Буквы несимметричны и едва заметно наклонены влево, важна при этом изменчивость толщины линий букв, создаваемая нажимами и поворотами пера: мачты широки, перекладины и хвосты букв тонки (очень тонки усики буквы ж), концы «коромысла» ъ, плеча ъ, перекладины т и т. д. — с утолщениями. Устойчивость подобных приемов свидетельствует об опыте и профессионализме книгописца.

Укажем особенности начертаний букв, в разной мере типичные для позднейшей эпохи истории русского устава: буквы њ, ѓ, ю, н имеют косые перекладины вверху строки; ж с маленькой головкой; петли еров не очень велики, как правило, они достигают середины высоты мачты, петли букв ъ и в небольшие; ы пишется в виде расщепя с чашей, расположенной всегда выше середины высоты буквы; наряду с ѓ используется є в том же фонетическом значении, слегка наклоненная влево, с язычком, направленным вверх.

Можно также прокомментировать написание буквы м: мачты несколько наклонены друг к другу и связаны со срединной частью непосредственно без перекладин; наряду с ѡ используется ѡ-широкое с горизонтальными утолщениями; хвосты букв ц, ф, ц заканчиваются косым росчерком.

Все перечисленные особенности являются общими для Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Син. 839 (в том числе варьирование написаний ѣ и є)¹⁵. В Син. 839 присутствуют некоторые необязательные, но и не редкие каллиграфические элементы, которые в тексте вставок в Тип. 167 и Тип. 165 не встречаются: буква і (в том числе в диграфе ѣі) нередко перечеркнута посередине; перечеркнута перекладина буквы ѡ ; ножка буквы ѳ и левая ножка ѣ . Общей чертой при этом являются написания буквы ѳ с ресничками внутри овалов (Тип. 167: __имоѳѣи (29б)¹⁶, тимоѳѣа (29б); Син. 839: ѳесѣдота (13а), ѳуѳаила (6б), аѳанасии (8б), тимоѳѣа (48б)). Другой пример варьирования написаний в Син. 839: единичные случаи написания ѣ как ѣ и і (н вы оцн н бѣаѣ 171в).

В Син. 839 Даниил использует два вида простых титл, которые являются вариантами одного знака, потому что в употреблении тождественны друг другу: используется короткое титло с загнутыми вниз концами, которое ставится как над одной буквой (сѣѣи 93б, ѡѣа и сѣа 59в, дѣу 21а), так и между буквами, захватывая частично две (бѣимѣ заповедемѣ 21а, дѣѣ 103г). Оно же, короткое титло, пишется над буквами с числовым значением. Кроме этого используется длинное титло, перечеркнутое посередине. Оно пишется над двумя буквами или над одной, захватывая соседние: сѣѣа 93б, бѣи 95б, дѣѣ 121б, ѡѣѣ 93а, сѣа 94б¹⁷. Над выносными буквами используется покрытие-дуга (⌒).

Во вставках в Тип. 165 и Тип. 167 используется только короткое титло с загнутыми вниз концами.

Употребление других надстрочных знаков в Син. 839 и Прологах Типографского собрания также совпадает. Употребляются обычные до второго

¹⁵ Отметим, что в Тип. 165 и Тип. 167 реставратор значительно чаще использует є , что объясняется, вероятно, необходимостью экономить место.

¹⁶ Пропущен инициал Г .

¹⁷ Мы намеренно приводим примеры употребления длинного титла в тех же сокращениях, для того чтобы продемонстрировать их тождественность.

южнославянского влияния символы точка и две точки, которые ставятся над неприкрытыми гласными. Точка, варьируясь, начертанием своим может внешне совпадать с вариет, а вместо двух точек часто появляется знак, внешне совпадающий с кендемой. Приведем некоторые примеры употребления знаков диакритики в Син. 839 и Тип. 167:

Син. 839	Тип. 167
во ѿма 111г, ѿ пусти ѿ глѧ 112а, ѿ понеже 114б, старѿѿшине ѿхъ 126б, вниѿтѿ 125в, црѿѿѿѿе 125в	ѿ нѣкогда ше дѣ 28в, двѣѿма 24а, ѿродѣ 24а, ѿ чѿюсѣ сподобисѧ 26в, оуѿнѿцѿ его 25а, пожившѿ 26а
ѿбрѿѿтениѿ 92б, нбѿноѿ 125в, прилежанѿемь 115б, ѿсмы 125а, ѿѧ 124г, ѿ ѿди нѣ 126б	поклонениѿ 24а, ѿпѿпмь 26г, ѿпѿпа 28г, ѿѧ 26б
кормити ѧ 95а, своѧ 94г, црѿкѿѧ 95а, ѧполони ѧ 92б,	ѧсти 26б, приѧть 26а, житиѧ 26б, ѧ сѿѿи 28а
сиѧѿють 95а, црѿѿвѿѿѿѿю 94б, стрѿѧѿ 90г, дожгѿѿ 91а	ѿбоѿѿ 26в, бѿ ѿѿѿѿ 26г,
ѿбраз 116в, ѿбре тениѿ 125а, ѿ семь 91б, ѿлтарѿ 114г,	ѿбрѿѿте 25б, ѿбличи 25а, ѿбычаи 25б, ѿн же рѿѿе 24г, ѿклеветаше 24б,

Различия в употреблении незначительны: знак, внешне схожий с вариет, в Тип. 167 редок, в Син. 839 его употребление обычно; однако в Тип. 167 появляются примеры употребления знака, по начертанию близкого спиритусу: ѿвана 24а, ѿдеже 26в, въ ѿдин же ѿ дѿни 29б¹⁸.

Из знаков препинания Даниил употребляет точку, запятую, по функциям тождественную точке (и здесь можно говорить о варьировании одного графического знака), и четыре точки (::).

¹⁸ Надо отметить, что в Син. 839 в редких случаях встречается знак, близкий по начертанию: ѿ при петре (126б), имѿ ѿ (93в). Однако значок этот по форме не настолько выражен, чтобы видеть в нем именно спиритус, а не точку.

Даниил использует значительное (для уставного письма) число сокращений с выносными буквами, все они совпадают в Тип. 165, Тип. 167 и Син. 839, приведем лишь некоторые:

Син. 839	Тип. 167
М̂ка 39в, М̂кѣ 34в; но: М̂нка 40б, М̂нкѹ 35б	М̂кѣ 25а, свѣцннѡм̂кѣ 26г, М̂кѣ 28в, с̂тѡ М̂ка 24б; но: с̂т̂хѣ м̂чнкѣ 29в.
Н̂зы 41а, 145а,	Н̂зы 46г,
Ф̂ю 12а, Ф̂юса створн 52б, Ф̂ю са 52б,	Ф̂юсѣ 26г, Ф̂сѣ 26а, Ф̂ю 26б, Ф̂ютвораше 28в
ѿ̂ 4а, 40в, 33а, ѿ̂ 118б, въпраша хѹ ѿ̂ 4б,	ѿ̂ 24в, 26б, 42б
п̂ам̂а пр̂п̂н̂а ѡца наш̂е н̂ Ф̂ютво рца 40в,	п̂ам̂а пр̂п̂н̂а 25г,
Н̂елю 40в	Н̂елѣ 24в,
пр̂р̂кѣ мѣ 131в	пр̂р̂твѡва 25а
наш̂е 125а, пр̂п̂н̂а 40в, наш̂е 40в, ѡдн̂ѡ 118б, славн̂ѡ 117а	св̂ѡе 42г, наш̂е 28в, земн̂а 46г

Для характеристики индивидуальной манеры письма Даниила представляют также интерес лигатурные написания. Наиболее частыми и интересными являются лигатуры с Т, в которых ножка одновременно является мачтой последующей буквы:

Син. 839	Тип. 167
не с̂ѡ рь 5а, с̂ѡ рн 9а, пр̂евзѣн̂ 12а, вс̂ѡ стыемь 15а, створн̂ѣ 20б	нав̂н̂ 42г, б̂атѣс̂ѡ 24а, с̂ѡ ннолюбне 28б, не мьс̂н̂ 29а, с̂ѡ далннка 28в, патрнарш̂с̂н̂ н̂ 29а

Кроме того, частым для Даниила является лигатурное написание букв *н* и *к* в слове *яко* (и эта черта также встречается и в Син. 839, и в отреставрированных им рукописях Тип. 165 и Тип. 167). Нередко буквы в конце строки для экономии места «деформируются», при этом опять же следует обратить внимание на написание буквы *т*, перекладина которой полностью выносится из строки.

Стандартная схема разлиновки тетрадей в Син. 839 выглядит следующим образом: писцом предварительно делались проколы со стороны первого листа тетради (по четыре вверху и внизу, разметка для горизонтальных линий делалась по правому краю) — таким образом делалась разметка по всей тетради; далее тетрадь разлиновывалась по два листа от первого и от последнего (линии тонкие, аккуратные, неглубокие). Возможны отклонения от данной схемы: вертикальные линии в тетради *дї* (лл. 90—97) проводились по лл. 90, 92 и 97, 95, а горизонтальные — с внешнего и с внутреннего разворота (со стороны лл. 90 и 97, 93 и 94). Некоторые тетради, вероятно, размечались по первому и по последнему листам, из-за чего некоторые внутренние листы сохранили двойные проколы. Следует отметить одну особенность: при разлиновке тетрадей пробел между столбцами оставался не разлинованным, но при этом едиными линиями (одной или двумя), когда пробел оказывался пересеченным, определялись верхняя и нижняя границы листа.

Техника и особенности разлиновки вставленной тетради (лл. 24—29) в Тип. 167 полностью совпадают с Син. 839. Проколы были сделаны со стороны 24 листа по всей тетради (по четыре вверху и внизу и для горизонтальных линий по правому краю). Разлиновывались листы по два листа (по 24-му, 26-му и 29-му). Поля между столбцами не разлиновывались, при этом цельной является нижняя линия и две верхние.

Совпадение в технике разлиновки тетрадей лишний раз указывает нам на то, что дьякон Даниил — профессиональный книжник, от начала и до конца выполнявший самостоятельно работу над книгой. Также самостоя-

тельно Даниил выполнял инициалы: в Син. 839 и во вставках в Тип. 165 и Тип. 167 это простые малые инициалы с чернильным контуром (в Син. 839 закрашенные киноварью и в прологах Типографского собрания незакрашенные).

Орфография текстов, переписанных дьяконом Даниилом, соответствует старорусской норме с некоторыми территориальными диалектными чертами¹⁹. Отметим лишь некоторые особенности, актуальные для конца XIV — начала XV в: глаголы 3-го лица настоящего времени на *-ть* только; различие на письме Тв. ед. и Дат. мн. имен (но: *со оустѣхомъ* (Тип. 167, 27г; *перстомъ своимъ* Син. 839, 3б), а также *-мь* в Мест. ед. прил., прич., мест.; исключительно редко *ки, ги, хи* (в единичных случаях: хитра Син. 839, 74а, вервми тонки|ми Син. 839, 13а; в Тип. 167 только: великии Им. ед. 27в) на месте *кы, гы, хы*; в соответствии с *у* после шипящих и аффрикат пишется только *ю*.

В Тип. 167 и Тип. 165 значительно шире представлено смешение *ц* и *ч*, *ѣ* и *е*, *ѣ* и *н*, что, вероятней всего, не случайно, а обусловлено вполне определенной установкой в соответствии со «стандартной» орфографией в одном случае и более свободной в другом.

Смешение *ц* и *ч* в Син. 839 и Тип. 165, Тип. 167:

	Син. 839	Тип. 167
Ц на месте ч	да оуврацююса 11в, рас- тоци 8б, въско ци 12г, не въдуще ср ^д цныхъ 4б	члѣвце 42г, Зв., сирѣць 46г, на зыщнии 25б, оѣе 26в Зв., оуници ^ж тса 27в, отроца 27в
Ч на месте ц	сиче 43г, наричаемую Зв — норма для Даниила в Син. 839, наричається 9а, къ ·д̣· колчемъ 131б	проричает же 46г, чернориз- че мь 25в, чѣны 27в; строкой выше: цѣну, къ четыремъ кълче мь 28а

¹⁹ Орфография Пролога Син. 839 с точки зрения отражения в ней особенностей говора писца рассматривалась Н. М. Каринским, который относил рукопись к памятникам с малым числом диалектных черт [см. Каринский 1909: 140—142]. Отметим, что широко в Прологе представлены черты, общие для Пскова и Новгорода: мена *ц* и *ч* и написание *жс* в соответствии с *жд*.

Позиции смешения *ѣ* и *є*:

1) в неполногласных сочетаниях *рѣ* (*ре*): дрѣво 29в, 25б, на дрѣвѣ 26г, чрева 25а, чресъ 24в, ѿврести 28б, прѣже 29в, преже 29г; также и в приставках *прѣ-* (*пре-*): прѣславно же 26г, прѣбы|ваше 26а, прѣданѣ 42а, предасть 42б, 27а,г, преславная 26в, презри да не прѣзрима бу|де^т 42в;

2) в сочетаниях, восходящих к **tbrt*: пѣрвѣнць 29а, вѣвѣржень 28г, до вѣрха 28б, тѣрпѣнѣе 42б, терпѣнѣе 42г, вѣрстою 25б, провѣртѣша ю 26б, ѿверсты быша 42в, ѿвергохса 24в, верху 24г, первѣе 27г, вѣ вѣртѣпѣ 24в, вѣ вертепѣ 27в;

3) дважды *ѣ* встречается в суффиксе *-ьц-*: конѣць 26а, ѿсловѣць 29б;

4) примеры смешения *ѣ* и *є* в корнях редки: двѣрѣи 28б, но: двери темнищныа 24а, из дверии 28б.

Отметим также случай написания *ѣ* во флексии Р. мн. : двѣрѣи Р. мн. 28б [см. Зализняк 2004: 67].

В редких случаях наблюдается смешение *ѣ* и *н*: вѣ хлевини 26а, и|цили 25в (впрочем, эти примеры могут быть обусловлены графически).

Отметим здесь же примеры употребления новгородской флексии И. мн. *-ръ*: оуѣци | его мнозъ 25а, хлѣбъ Им. мн. 28б, триє близнецъ 25а.

В Син. 839 мы не встретили мены *ѣ* и *є* в словах с приставками *прѣ-* (*пре-*) и в сочетаниях, восходящих к **tbrt*. Смешение графем *ѣ* и *є* представлено в корнях и словах с неполногласными сочетаниями *рѣ*, *лѣ*; в наречиях *кде* (*кдѣ*), *сде* (*сдѣ*) (*иде* только с *є*; *нынѣ* с *ѣ*). Случаев смешения *ѣ* с *н* мы не обнаружили.

Таким образом, установленный нами факт тождества почерка реставратора и дьякона Даниила позволил определить место и приблизительное время реставрации Прологов Типографского собрания, а также личность реставратора. Прологи Тип. 165, Тип. 167 реставрировались не из-за ветхости, поэто-

му мы не можем предполагать, что изготовлены они были задолго до реставрации (этому противоречат и палеографические данные). При этом, учитывая стоимость пергаменных книг в XIV—XV вв., сложно предположить, что ущерб Прологу Тип. 167 был причинен в ближайшее после изготовления время. Книги реставрировались не позднее второй четверти XV в., следовательно, нет достаточных оснований для поздней датировки исходного состава кодексов. Первоначальная датировка рукописей в каталоге ЦГАДА кажется нам наиболее вероятной. Однако, при том что книги реставрировались во Пскове и поступили на Московский Печатный двор из Пскова, нет оснований говорить о том, что изготавливались они также во Пскове (см. 5.1—2). Так как датировка памятников тесным образом связана с проблемой их локализации (см. 1.2), к этому вопросу мы вернемся после анализа языковых особенностей текста.

2.2. Пролог Тип. 166

Пергаменный кодекс Типографского собрания РГАДА № 166 (старые шифры: 361, 1161) представляет собой Пролог пространной редакции на декабрь—февраль.

2.2.1. Внешний вид. Переплет. Пергамен

Пролог Тип. 166 представляет собой пергаменный кодекс в малый лист. В настоящий момент рукопись содержит 182 листа (а также обрывок 183-го). Книга реставрировалась и не сохранила первичного переплета. Нынешний переплет совпадает, вероятно, со временем добавления бумажных листов (перв. четв. XVI в.), восполнявших текст утраченного до реставрации листа. Первый пергаменный лист (3-й в настоящий момент, с учетом первых двух бумажных) изначально был вторым. Первые два листа — бумага (филигрань — литера P: Piccard, IV: II, № 214 [1510—1511], 216 [1508]); почерк — полуустав XV—XVI вв. Изначально (на момент реставрации) бумажных листов было три (третий утрачен), об этом свидетельствует тот факт, что текст

памяти пророка Наума (1 дек.) обрывается: бѣ же възлысь и главу имѣя по^{до}лговату... Окончание книги также не сохранилось; утрачена тетрадь, на которой завершались февральские чтения.

А. А. Покровский на основании имени счетчика (Степан Ананьин) пришел к выводу, что книга поступила на Московский печатный двор в 1679 году из Пскова [Покровский 1916: 258—259]. Составители каталога РГАДА полагают, что на ярлыке, фрагмент которого сохранился на внутренней стороне верхней доски переплета, был упомянут Псковский Никитский монастырь [Каталог ЦГАДА 1988: 231—233].

Переплет — доски в коже с тиснением. Размер: 29,3/20,5 см. На верхней доске сохранилось 4 жуковины (утрачена верхняя правая): по углам — лепестки; посредине — в форме звездочки. На нижней доске утрачена левая нижняя жуковина, сохранившиеся жуковины (3 по углам и одна по центру) — круглые. В торце верхней доски сохранился один (из двух) шпенек (вверху). Ремни утрачены, сохранился крепеж верхнего ремня (на нижней доске). В торцах досок имеются желобки.

Крепление шнуровое (5 шнуров), при этом на некоторых тетрадах (начальных, так как они в меньшей мере прижаты переплетом) сохранились следы первичного ременного крепления. В отличие от Тип. 165, Тип. 167, для крепления к ремням были сделаны проколы.

Пергамен (как и в Тип. 165, Тип. 167) плохой выделки, разной толщины, с разрывами. Размер листов: 29,5/21 см.

2.2.2. Тетради. Разлиновка. Утраты

Большинство тетрадей в Тип. 166 состоит из 8 листов, за исключением первой (листы утрачены, но изначально она содержала, судя по всему, 9 листов) и XVII, которая состояла из семи листов. Все тетради разлиновывались с внешней стороны в развернутом виде (четыре вертикальные линии для столбцов и вертикальные), специальной разметки для проведения линий не делалось. Дополнительно изнутри тетради не разлиновывались, даже если из-

за толщины пергамена на внутренних листах линии были не видны. В Тип. 166 присутствует та же, что в Тип. 165, Тип. 167, техническая особенность: изначально тетрадные листы сдерживались кожаными жгутиками, которые сохранились на тетрадах: IV, VI, XVI (на некоторых других тетрадах просматриваются проколы).

I: лл. 3—7. писец *K*. Первая тетрадь, вероятно, состояла из девяти листов, или девятый был прикреплен к ней, чтобы закончить чтения на 4 декабря. Все листы одинарные, однако, скорее всего, нынешний седьмой был двойным вместе с первым (утраченным). Утраты: За начинается словами: ...шаа са стонаниемъ и плачемъ сердечнымъ (Слово о покаянии — 1 дек.); после л. 3 утрачен лист, столбец 3г заканчивается словами; Во ть^ж днѣ прп^дбнаго... (св. Феодула Патрикия); 4а начинается — ...и приносиши ми се-муже должень юсмь (то же); после л. 4 утрачен лист, 4г завершается словами: и бѣяхуть и по главѣ и смѣа... (память свмч. Феодора, еп. Александрийского — 3 дек.); 5а начинается — ...аху же книги сия рѣчи свиток (Слово о Ефреме); после 7 л. утрачен лист, 7г заканчивается словами: како юси при-шелъ отаи и послушалъ съ... (Слово о черноризце, которого блаж. Андрей «изать» от дьявола, — 4 дек.); 8а начинается чтениями на 5 февраля.

II: лл. 8—15. Тетрадь пронумерована внизу на 8 листе: Ъ (сигнатура выполнена чернилами, как и на следующих тетрадах по VI вкл.). Писцы *I* и *L*. Двойные листы: 8—15, 10—13, 11—12. Видны следы первичного переплета.

III: лл. 16—23 (Ѣ). Писец *L*. Все листы двойные. Хорошо просматриваются первичные проколы для ремennого крепления к переплету.

IV: лл. 24—31 (Д). Писцы *I* и *L*. Все листы двойные. Сохранились жгуты, и видны следы первичного ремennого крепления к переплету.

V: лл. 32—39 (Е). Писцы *I*, *L*, *M*. Все листы двойные. Видны следы первичного переплета.

VI: лл. 40—47 (Ѧ). Писцы *L* и *M*. Двойные листы: 40—47, 41—46, 43—44. Сохранился жгут (при вторичном переплетении вверху немного сместился корешок тетради, и жгут оказался снаружи на 40 л.).

VII: лл. 48—55. 48а—б — чистые. Тетрадь пронумерована киноварью на 55 об., внизу посредине ($\cdot\ddot{a}\cdot$), однако не между столбцами, а скорее под столбцом 55г. Далее всегда нумерация идет на первом листе тетради киноварью с левого краю правого столбца. Писец *K*. Двойные листы: 48—55, 51—52.

VIII: лл. 56—63 ($\cdot\ddot{b}\cdot$). Писец *K*. Просматриваются проколы — следы первичного переплета. Двойные листы: 56—63, 57—62, 59—60.

IX: лл. 64—71. Номер $\cdot\ddot{c}\cdot$. Писец *K*. Все листы двойные.

X: лл. 72—79 ($\cdot\ddot{d}\cdot$). Писец *K*. Все листы двойные.

XI: лл. 80—87. Номер $\cdot\ddot{e}\cdot$. Писец *K*. Все листы парные.

XII: лл. 88—95. Номер $\cdot\ddot{z}\cdot$. Писец *K*. Двойные листы: 88—95, 89—94, 91—92.

XIII: лл. 96—103 (\ddot{z}). Писцы *K, N*. Все листы двойные.

XIV: лл. 104—111 ($\cdot\ddot{y}\cdot$). Писцы *K, O, P*. Все листы двойные. Пергамен очень плотный, поэтому разлиновка не видна уже на третьем от края листе.

XV: лл. 112—119 ($\cdot\ddot{b}\cdot$). Писцы *K, O*. Все листы двойные.

XVI: лл. 120—127 ($\cdot\ddot{r}\cdot$) Писцы *K, O, Q, R*. Вверху сохранился жгутик. Двойные листы: 120—127, 123—124.

XVII: лл. 128—134 (7 листов, при этом утрат нет) ($\cdot\ddot{a}\ddot{i}\cdot$). Писцы *K, O, P*. Двойные листы: 128—134, 131—132.

XVIII: лл. 135—142 ($\cdot\ddot{b}\ddot{i}\cdot$). Писцы *K, S*. Все листы двойные.

XIX: лл. 143—150 ($\cdot\ddot{r}\ddot{i}\cdot$). Писец *K*. Все листы двойные.

XX: лл. 151—158 ($\cdot\ddot{d}\ddot{i}\cdot$). Писец *K*. Все листы двойные.

XXI: лл. 159—166. ($\cdot\ddot{e}\ddot{i}\cdot$). Писец *K*. Двойные листы: 159—166, 162—163.

XXII: лл. 167—174. ($\cdot\ddot{z}\ddot{r}\cdot$). Писцы *K, T*. Двойные листы: 167—174, 170—171.

XXIII: лл. 175—182 ($\ddot{z}\ddot{i}$). Сигнатура выполнена чернилами, почерк полууставный, но по характеру написания *z* и титла не соответствует почерку на листе 2 об. Писец *K*. Все листы двойные.

Тетрадью XXIII февральские чтения не заканчиваются. Утрачена следующая тетрадь, завершающая чтения на февраль. Слово Евагрия мниха (25 февраля) обрывается словами: ...оуне юсть алкати съ чистымъ срѣмь...

В кодексе без труда выделяется два блока: чтения на декабрь и чтения на январь—февраль. Работа над ними производилась отдельно, об этом свидетельствует сигнатура тетрадей, а также тот факт, что писец *K* начинает писать текст январских чтений на столбце *в*, оставив первую страницу чистой (как делается обычно в начале книги). При этом писец *K*, переписавший большую часть текста второго блока, начинал работу над декабрьскими чтениями. Возможно, работа велась параллельно писцом *K* и *I* и *L*. На это указывает тот факт, что на первом листе второй тетради (л. 8) начинаются чтения на 5 декабря, а первая тетрадь, судя по всему, была нестандартной (9 листов).

2.2.3. Инициалы и заголовки

Техника исполнения инициалов в Тип. 166 соответствует Тип. 165, Тип. 167. Это простые и плетеные инициалы с орнаментом по краям, лишённые зоо- и антропоморфных элементов. Исключение представляет один выполненный позднее тератологический инициал на 19в (Кладу) с зооморфными элементами. Для удобств описания также следует разделять инициалы, непосредственно начинающие текст чтений, и малые инициалы в оборотах *Мѣца тогоже, Въ тѣже днѣ*.

Малые инициалы часто выполнялись самими писцами: писцы *K*, *I*, *L*, *O*, *P*, *Q*, *R* (впрочем, на отрезках текста, переписанных и писцами *N*, *S*, *T*, инициалы не встречаются). Большие инициалы (чернильный контур) выполняли только писцы *K*, *I*, *R*.

Писец *K* довольно часто сам чернилами выполнял инициалы в процессе написания текста, но при этом делал это не вполне последовательно. Работая над первой тетрадью, писец *K* сам выполнял малые инициалы *Мѣца*, но не

выполнял при этом *Въ тѣ^{жс}*. Дальше он мог как выполнять малые инициалы, так и пропускать их, оставляя работу рубрикатору. Большие инициалы, выполненные этим писцом (всего он выполнил около 60 инициалов), довольно изящны, отличаются довольно сложным (в сравнении с другими инициалами в Тип. 166) орнаментом, усложненным, замысловатым плетением.

Писец *I* выполнял все инициалы, как малые, так и большие.

Писец *L* самостоятельно выполнил большую часть малых инициалов, однако не все: на 9г *Мѣца* и на 10в *Въ тѣ^{жс}* — рубрикатор. Большие инициалы он не выполнял.

Писец *M* не выполнял ни больших, ни малых инициалов, оставляя эту работу рубрикатору.

Писец *O* сам выполнял малые инициалы В, ни разу ему не пришлось начинать день месяца, поэтому *Мѣца* он не писал, большие инициалы в его тексте выполнял рубрикатор.

Писец *P* выполнил малый инициал (*Мѣца*) на 105б, и *Въ тѣ^{жс}* на 105в.

Писец *Q* выполнил малый инициал (*Въ тѣ^{жс}*) на 121в.

Писец *R* выполнил большой инициал (*Бѣста*) на 123а и малый (*Въ тѣ^{жс}*) на 123 в. Инициал *T* (*То бѣше*) на 123в выполнил рубрикатор.

Заголовки (к январским и февральским чтениям) писались самими писцами (подкрашивались киноварью мастером). В начале чтений на январь выполнена плетеная заставка.

Большая часть инициалов выполнялась мастером (киноварный контур зеленая подкраска, или без подкраски) после написания текста (для этого писцы оставляли место в соответствии с контуром буквы). Малые инициалы, вписанные рубрикатором, — простые, лишённые орнамента. Манера исполнения больших инициалов варьируется, однако при этом (в отличие от Тип. 165, Тип. 167) наблюдается устойчивость в написании некоторых букв. В единой манере (без варьирования) выполнены буквы П, Н, И, М, Ц, Ю, т. е. буквы с двумя мачтами: это инициалы плетения, простые мачты с орнаментом по краям. Написание остальных букв, как правило, варьируется. Так, по

меньшей мере двумя разновидностями представлены инициалы Д, Б, В, С, Т, А, Ч. Это могут быть простые, лишённые орнамента инициалы: Да есте 36б; Блѣжныи 108г, Въ црѣтво 23в, 35б, Сѣѣи 22б (такие инициалы могут писаться как из-за нехватки места, так и без каких-либо оснований); инициалы без плетения, но с орнаментом: Въ црѣтво 27в, Блѣжнаа 24а, Тѣ сѣѣи 11г, Амбакумъ 3в, Чѣнаго 68в; плетеные инициалы (плетение двойное) с орнаментом по краям: Въ александрии 4г, Бѣ жена 10в, Тѣ сѣѣи 25а, Друзии 16а, Амбросии 11в, Ччнѣкъ [так] 49г; инициалы с тройным плетением: Бѣ нѣкто 18в, Тѣ сѣѣи 9г.

Исключительно редко мастер пропускал или неправильно вписывал инициал: на 19в был пропущен инициал К (Кладу), вписанный впоследствии, на 145б — Т: (Т)о бѣ црѣтво иоу|лирьана 145б; на 49г ошибочно написан инициал Ч (вм. Оу) — Ччнѣкъ. При этом рубрикатор пропустил целую тетрадь (XIX) — некоторые инициалы здесь выполнил писец К (чернилами); в двух тетрадях (XI—XII) киноварный контур инициалов не подкрашивался (вероятно, мастер работал в два этапа — сначала писались контуры, потом подкрашивались).

2.2.4. Писцы. Почерки

Набор графем, используемых писцами Тип. 166, стандартен для второй половины XIV века; их употребление вполне соответствует Прологам Тип. 165, Тип. 167. Единственное отличие связано с употреблением графемы е: в Тип. 166 эта буква исключительно редка (пять примеров на всю книгу — писцы К, М, R, T: бѣсю блг^дть|ю 134а, жи^тие 33г, юа^ге 87б, притажание 122б, конечнее 167г [конечное ПрЮр 281г]). Палеографический анализ позволяет выделить 11 почерков. Их распределение принципиально отличается от распределения почерков в Тип. 165, Тип. 167: над рукописью работали два основных писца, участие остальных ограничивается фрагментами от полутора строк до полутора листов. Распределение работы писцов сложно представить

в виде таблицы, поэтому границы фрагментов, ими переписанных, будут указываться перед описанием почерка.

Писец *К* переписал бóльшую часть текста: лл. 3—7 полностью; лл. 48—182 (начиная с 103а работа этого переписчика неоднократно прерывалась другими писцам — см. ниже). Почерк прост, стандартен и практически лишен каллиграфических элементов.

Датирующие приметы почерка: ж — типичное для второй половины XIV в. Головка маленькая, усики выражены слабо. Петли ь, ь, в, ь набухшие, но в редких случаях выше середины строки (впрочем, эта черта зависит от качества заточки пера — там, где перо [линия] толще, петля больше). Перекладыны њ, њ, ю — косые, расположены вверху строки. ҃ представляет собой расщеп с чашей, по размеру достигающей ½ буквы. Перекладина ь расположена немного ниже верхнего уровня строки.

Индивидуальные особенности начертания букв: на фоне остальных почерк легко выделяется прежде всего благодаря особым (в сравнении с остальными писцами) w, o (o-широкому) и x. Серединная часть w не выражена, представляет собой плавный изгиб; o приплюснуто, «дно» буквы в большинстве случаев деформировано; x — небольшая, ножки не очень длинные, характерная черта — наклон верхней части вправо. «Коромысло» ь едва заметно ниже верхней границы строки. Мачта не очень высокая.

На первых страницах w употребляется только в составе диграфа w̄, но далее употребляется и самостоятельно (редко): ѿче 48в, 55б, 55в, ѿгнь 59а, ѿн же 53в, 55б. Иногда в начале рукописи используется особое o с ресничками: оставле 4а, обращаю|щимьса 3в.

Писец использует стандартные для этого времени надстрочные знаки: точка и две точки. Над o (w) всегда две точки, над н точка или две, над њ, њ, ю — точка. Знак точка часто смещен вправо и написан уже не над

гласной буквой, а за ней. Две точки иногда небрежны и похожи на кендему (й принесе 3г).

Титло длинное, небрежное, перечеркнутое посередине. При двусложных сокращениях середина расположена между буквами, при сокращениях, содержащих более двух букв, как правило, середина расположена над одной из букв. Покрытие — изломано и пишется в два приема (ˆ).

Знаки препинания: точка пишется внизу строки, чуть выше нижнего ее уровня. Четыре точки (:·) пишутся в конце заголовков и глав.

Писец *I*: 8а (16 строк); 28в—29а (до *зѣи* на 9-й строке); 32в (со слова *върою* на 18-й строке)—33г (до слова *въдою*, заканчивающегося на 6-й строке); 34а—г (описание см. в 2.1.4).

Писец *L*: 8а (с 17-й строки)—28б; 29а (с 9-й строки)—31г; 35а—42г; 43а (с 7-й строки)—47г.

Внешне почерк сильно отличается от всех других почерков. Буквы небольшие по размеру, аккуратные, слегка наклонены влево. Технически почерк прост, лишен каллиграфических элементов, нет последовательной смены толщины линий.

Датирующие приметы почерка: головка ж составляет 1/3 буквы; перекладины њ, њ, ю косые, расположены вверху строки; петли њ, њ, њ, њ набухшие, но не очень велики (сильнее всего «набухает» петля њ).

Из индивидуальных особенностей начертания букв можно отметить w — концы сближены, середина выражена утончением линии. Дно с внутренней стороны почти плоско.

Надстрочные знаки: точка и две точки. Над w — две точки (ö), над остальными неприкрытыми гласными, как правило, ставится одна точка (впрочем, иногда две: *іөі* 26б, *приіша* 27в, *іөго* 28в, *бе|сѣдують* 28б). Титло небрежное, покрытие совпадает с титлом. Выносная *с* под титлом выглядит как точка.

Знаки препинания: точка (пишется вверху строки, немного выше середины). Четыре точки (:·) в конце заголовков и глав.

Писец *М*: 32а—32в (до: ...ною [ражже|ною] на 18-й строке); 33г (с слов: овы-мечемь [так!] — на 6-й строке); 43а (6 строк).

Внешне почерк очень небрежен.

Датирующие приметы: ж — головка очень маленькая, почти плоская. Но при этом петли ъ, ь, ѓ, в маленькие; њ — перекладина косая, расположена вверху строки, њ, ю — также перекладина косая, однако расположена она значительно ниже.

Индивидуальные особенности: Хвосты щ, ы, р, ц наклонены вправо; м — средняя линия сильно прогибается ниже нижней границы строки, соединяется с мачтами без перекладин; њ — язычок раздвоен; в — впадина между петлями не соприкасается с мачтой, а опускается вниз. Писец использует (помимо ѡ) о с ресничками внутри. На 43а встретился особый њ: язычок изображен в виде треугольника с вершиной, направленной вниз.

Можно отметить также следующий каллиграфический элемент: х — левая ножка перечеркнута.

Диакритические знаки: над о с ресничками — неопределенный знак, то ли несколько точек (от 1 до 3), то ли спиритус (´) и точка (`): ѡно|му 32а. Титло бесформенно. Покрытие тоже нечетко, как, впрочем, и выносная буква. К примеру, нет отличий в написании выносных в примерах: ѡбы 32б и члѡколюбие 32б. *Pe^ч* пишется без покрытия.

Знаки препинания: точка — расположена в верхней части строки, выше середины строки; в конце главы и после заголовков к чтениям писец пишет не 4 точки, а 6 (:·:·).

Писец *N*: 103а (строки 24—25 — до *поно* (в слове *поношенью*) на 25-й строке). Писец переписал полторы строки, соответственно, дать подробное описание его почерку мы можем.

Внешне его почерк аккуратен и похож на почерк писца *K* (отличается наклон букв, начертания *н* и *ю*). Обращает внимание на себя архаичное написание *ю* с перекладиной посредине, переходящей в язычок *е*.

Писец *O*: 104а (18 строк); 111б; 112б (с 3-й строки)—112г; 113а (с *антинь* [слова *костантинь*] на 5-й строке); 113б (с 23-й строки)—113в; 124а (с 8-й строки)—124в (по 11-ю строку); 124в (с 16-й строки)—124г (по 21-ю строку); 126а—126г; 127а (с 18-й строки)—127б; 127г; 129б (с 7-й строки)—129в (по 24-ю строку); 130а (с 14-й строки); 130б (с 6-й строки)—130г (по 20-ю строку); 131а (со 2-й строки по 24-ю); 131г (с 16-й строки по 23-ю).

Выделение этого почерка вызывает некоторые сложности, поскольку на протяжении значительной части книги работа этого писца чередуется с работой *K*. Причем писцы сменяют друг друга не в начале листов, оборотов, столбцов, а, как правило, внутри столбца и даже посреди слова. Не всегда граница почерков очевидна, так как внешне почерки близки, точнее, совпадает начертание некоторых букв.

Основные отличия от почерка писца *K*: *w* — «барьер», разделяющий половинки, выражен; *х* — верхняя часть не так сильно наклонена вправо, левая ножка заканчивается росчерком; правая часть *к* нередко отделяется от мачты; **o**-широкого нет.

Датирующие приметы: головка *ж* маленькая (на фоне почерка писца *K* можно отметить следующее: буква аккуратнее, левый усик может не выделяться, правый заметен, больше левого); *ч* — расщеп с середины высоты мачты; *я*, *ю*, *ю* — перекладина косая, вверху строки; петли *ъ*, *ь*, *ѣ*, *б* отлича-

ются. *Z* имеет большую квадратную петлю, петля *ь* меньше, *ѣ* — значительно меньше. Петля *в* как будто варьируется, совпадая то с *ъ*, то с *ѣ*.

Надстрочные знаки: две точки над *w* и точка в остальных случаях над неприкрытыми гласными. Покрытие: дуга или излом (редко). Титло длинное, небрежное, перечеркнуто посередине (не всегда). Сокращений и выносных больше, чем у первого писца.

Знаки препинания: точка — расположена внизу строки, четыре точки (*∴*), как правило, пишутся небрежно.

Писец *P*: 105а (с 16-й строки)—105г (до *се* на 21-й строке); 129а (с 6-й по 9-ю строку). Почерк довольно изящен. Едва заметно наклонен влево.

Датирующие приметы почерка: *ж* — головка едва выражена, усики не вполне симметричны; *ч* пишется в виде расщепления с ножкой ниже или равной середине строки; петли *ъ*, *ь* — разбухшие, *ѣ* и *в* — поменьше; *ѣ*, *ю*, *ю* — перекладина косая вверху строки.

Индивидуальные особенности: *z* — хвост довольно резко уходит вправо. Писцом используется только графема *w*, *o*-широкого нет.

Надстрочные знаки: точка используется над неприкрытыми гласными. Титло широкое, слева изгибается вверх, перечеркнуто посередине. Покрытие — дуга.

Знаки препинания: точка (пишется внизу строки) и четыре точки (*∴*).

Писец *Q*: 121в (с 25-й строки); 121г (с 6-й по 15-ю строку).

Почерк выделяется без труда, мелкий, убористый.

Датирующие приметы: *ж* — маленькая головка, усики расположены несимметрично; при этом *ч* — чаша с высокой ножкой; *ю* — практически прямая перекладина в самом верху строки; *ѣ* — перекладина косая вверху

строки; ꙗ — нет; петля ь набухшая, у графем ъ, в петли поменьше, ѣ имеет совсем маленькую петлю.

Индивидуальные особенности и каллиграфические элементы: впадина между петлями в опускается к самому низу; w встретилась только в ѿ (других случаев употребления w и o-широкого нет); хвост буквы z короткий, закруглен; х — левая нога перечеркнута, заканчивается росчерком.

Надстрочные знаки: Точка пишется над неприкрытыми гласными: сѣтъя 121в, ѡ въ глу|бину морьскую 121в. Титло — короткое, перечеркнутое посередине (иногда неперечеркнуто: днѣ 121в, бу 121г), покрытие — дуга.

Знаки препинания: точка (внизу строки) и четыре точки (::).

Писец R: 122б (с 8-й строки) — 122в; 123а (с 30-й строки); 123в. Почерк этого переписчика внешне заметно отличается от почерка писца K (которого R сменяет). Нельзя сказать, что писец — мастер-каллиграф, однако в манере его письма присутствуют каллиграфические элементы: прежде всего имеется в виду варьирование толщины линий в зависимости от направления письма.

Датирующие приметы: ж имеет маленькую, однако довольно широкую головку (в ширину самой буквы); ч пишется в виде расщепла с ножкой в половину высоты строки; петли еров набухшие (иногда сильно); петли б и ѣ небольшие, последняя графема характеризуется высокой, утолщающейся кверху мачтой; перекладины ѡ, ꙗ, ю косые, расположены вверху строки (изредка перекладина ꙗ идет параллельно строке и расположена чуть выше середины строки).

Индивидуальные особенности почерка и каллиграфические элементы письма: графема w встречается только в лигатуре ѿ, при этом используется o-широкое; буква небрежна, по начертанию напоминает полууставную: правая наклонная линия больше и толще левой, сама буква как будто

наклонена влево; хвост *z* очень велик, перечеркивает нижнюю строку; левая ножка *x* перечеркнута.

Надстрочные знаки: точка и две точки — последний знак преобладает над неприкрытыми гласными; титло небольшое, перечеркнутое; покрытие — дуга.

Знаки препинания: точка (пишется внизу строки), четыре точки (не строго расположены).

Писец *S*: 135а (с 5-й по 15-ю строку).

Почерк внешне похож на почерк писца *Q*.

Датирующие приметы: головка *ж* маленькая, практически не выраженная; *ч* пишется в виде расщеп с небольшой чашей, как правило, не превышающей 1/3 от размера буквы; петли *ъ*, *ь* — набухшие; петля *б* поменьше, *ѣ* имеет совсем маленькую петлю; перекладина у *ѡ*, *ѣ* косая, расположена вверху строки (буква *ю* не встретилась).

Индивидуальные особенности: впадина между петлями в опускается вниз, не соприкасаясь с мачтой; *ω*, *ѡ* не встретились, писец использует *о*-широкое: *обругань* 135а.

Надстрочные знаки: используется точка (ставится над неприкрытыми гласными) и знак, напоминающий двойную оксию (над *о*-широким). Титло — длинное с изгибами (справа вниз, слева — вверх), перечеркнуто по середине; покрытие — дуга.

Знаки препинания: точка (внизу строки), четыре точки (*∴*).

Писец *T*: 167а (с 9-й строки)—167г. Почерк мелкий, убористый.

Датирующие приметы: *ж* — с выраженной головкой; *ѡ*, *ѣ*, *ю* — перекладины косые, расположены вверху строки; *ч* пишется в виде расщеп с ножкой в полстроки; при этом петли *ъ*, *ь*, *б*, *ѣ* однотипны и невелики.

Индивидуальные особенности и каллиграфические элементы: χ — левая ножка перечеркнута, заканчивается росчерком, используется ω , θ — широкого нет.

Надстрочные знаки: точка (над неприкрытыми гласными). Титло короткое, перечеркнутое посередине; покрытие — дуга,

Знаки препинания: точка (пишется внизу строки), четыре точки не встретились.

2.2.5. Некоторые обобщения

Пролог Тип. 166 отражает совершенно иной тип взаимодействия писцов. Смена писцов в процессе работы над книгой отражает различные этапы овладения каллиграфическими навыками. Перед нами явно уроки книжного письма, когда за работой профессионального переписчика наблюдают начинающие, время от времени сменяя его для выполнения каллиграфических уроков. Такая модель профессионального обучения писцов описана Л. В. Миловым на материале Мерила Праведного XIV в. [Милов 1963].

Только писцы *K* и *L* являются квалифицированными книжниками. Остальные не были профессионалами, им доверялись незначительные фрагменты текста, которые они, вероятно, переписывали под наблюдением основного писца (учителя).

Показательным в данном случае является сложное взаимодействие почерков *K* и *O* на лл. 104—131. На отрезке в 28 листов писец *O* переписал 16 различных по объему фрагментов (от восьми строк до листа). Можно выделить три этапа в практике писца *O*: 1) л. 104; 2) лл. 111—113; 3) лл. 124—131. С этапами изменяется объем работ писца-ученика и размер фрагментов текста, от начала до конца им переписанных. В некоторых случаях писец *K* прерывает *O* всего на несколько строк. Возможно, в этих случаях он что-либо демонстрировал ученику.

В рукописи отражены различные стадии каллиграфической подготовки писцов. Почерк писца *P* очень аккуратен (и в этом плане выгодно отличается даже от почерка писца *K*). Ему сразу доверили переписать почти целый лист. В наименьшей степени подготовленным оказался писец *N*. Он переписал менее двух строк. Внешне его почерк аккуратен и похож на почерк писца *K* (отличается наклон букв, начертания *n* и *ю*). Обращает внимание на себя архаичное написание *ю* с перекладиной посередине, переходящей в язычок *ю*. Интересно, что таким же архаичным является написание буквы *ж* писцом *J* в Тип. 167 (см. 2.14). Очевидно, техника начертаний букв у этих писцов еще не выработана, и потому при написании графемы они используют иные (в сравнении с остальными писцами) приемы.

Примечателен следующий факт: каллиграфическая техника всех писцов чтений на январь—февраль однородна (при различиях в написаниях нескольких отдельных графем). Из-за этого в некоторых случаях крайне сложно определить границы работы писцов. Все писцы второй части используют одни надстрочные знаки, точку пишут внизу строки (такой однородности нет среди писцов Прологов Тип. 165 и Тип. 167). При этом и писцы *I*, *L*, *M*, участвовавшие в переписывании первой части книги, пишут точку в верхнем уровне строки. Почти не используется писцами графема *ю*. Такая однородность, вероятно, обусловлена тем, что важным ориентиром для неопытных книгописцев являлась каллиграфическая и орфографическая техника профессионального писца, руководившего их работой.

Тот факт, что в Прологах Тип. 166 и Тип. 167 имеется общий почерк, разумеется, вынуждает нас пересмотреть вопрос датировки этих рукописей. Важно в данном случае учитывать тот факт, что писец *I* не был квалифицированным книжником: об этом говорят и палеографические и орфографические данные. Манера письма, особенности начертаний букв, орфографические навыки, представленные в Тип. 167 и Тип. 166, полностью совпадают.

Следовательно, нет оснований полагать, что создание данных рукописных книг может разделять значительный промежуток времени. Кодексы Тип. 165, Тип. 167 последовательно отражают все особенности позднейшего русского устава (следов второго южнославянского влияния нет), их орфография также типична для второй половины XIV в., поэтому и рукопись Тип. 166, мы полагаем, должна датироваться именно этим периодом. Окончательно мы вернемся к вопросу датировки после анализа лингвистических особенностей текста.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМА АНТИГРАФОВ ПРОЛОГОВ ТИП. 165 И ТИП. 167

Большинство дошедших до нас Прологов полугодовые, при этом встречаются кварталные и месячные [см. Жуковская 1983: 110]. Прологи на четыре месяца — нестандартны.

Сложно судить, чем руководствовались создатели данных нестандартных Прологов, один из которых изначально содержал чтения на четыре месяца (три осенних и один зимний), другой включал не менее трех месяцев (два зимних и один-два весенних)²⁰. Не вызывает сомнений, что переписываемые оригиналы при этом были вполне стандартны, так как очевидна «инородность» мартовских чтений в Тип. 167. Чтения на март переписывались с архаичного списка краткой редакции Пролога. Об архаичности антиграфа чтений на март говорит не только тот факт, что разновидность Пролога с тропарями и замечаниями по литургии представлена именно в древнейших списках, но также и следы архаичной орфографии, которые мы находим в тексте.

Укажем некоторые отличия орфографии текста, переписанного писцом А в Тип. 165 (чтения на октябрь), и текста мартовских чтений в Тип. 167. Прежде всего следует отметить употребление графемы *γ* после шипящих в Тип. 165: лютѣишюу 1б, подвигшу 1а, и глѣцу 16г, по|велевшу 16б, ходѣщу 14а, вижу 10в, исте|кшую 9в, и попущешу юму ъу 7б, положу та ба, оумн^о|жу ба, не могущу 32б, подвигшу 1а, содра кожу с хрепта 18б, съгрѣшшу дїю 15г, азъ покажу ба, бывшу 5а, меншѣ|ишюу 24в, равну на|дежу 25в, не вѣсхотѣ|вшу 27б, слышу 29в. Фактически данная фонетическая позиция яв-

²⁰ Не исключено, что сами книги были сформированы не по изначальному замыслу, а в процессе работы над ними, с учетом формировавшегося объема книжного блока.

ляется орфографически факультативной, т. е. в тексте немало примеров написаний шипящих с ю: дързнувшю 16а, хощю 3а, пла|шю 19в, надежю 12б — дважды, съшедшю 7г, въ кипашю 5б, не доставшю 5б, сѣдашю 4в, молашю 1а, дѣшю 16б, 15г, 15г, 8б, 1б, 30в — устойчивая норма, молашю 1а, въсхотѣ|вшю 27б. В Тип. 167 такой вариативности нет, после шипящих в соответствии со звуком у пишется только ю: просившю 107г, мимохо|дашю 106г, подвигшюса 106в, бы|вшю 101б, оуношю 106г, пишю 103а, кожю 99в, настоящюю 103а, дышюще 105а и т.д.

Другое отличие орфографии писца А в Тип. 165 и Тип. 167 связано с написанием существительных на -ма в косвенных падежах и слов производных от них. В тексте октябрьских чтений Тип. 165 встречается значительное число примеров с Ѧ вместо е: плема|нныѧ 15а, племаѧи 6а, 27г, ѿ племаѧе семеѧ|на 15а, иноплема|нныѧ 15а, знамаѧиѧемь 2в, знамаѧнь|ѧе 9б, знамаѧ|ниѧе 14г, зн^а|маѧнати 14в, знамаѧньѧе 15б, 28б, знамаѧнь|ѧа 33а, столпѣ | пламаѧнь 14б, пламаѧнну 28а, пламаѧнь сущ., 32а, по временаѧи 8г, временаѧныѧа жизни 22а, временаѧи 30г, им^а|немаѧемь 2б, иммаѧнемаѧемь 4а, 28в, 30б, 34г, лѣжеи|маѧнную ѧересь 30в (см. 6.1.2.3.3). В тексте мартовских чтений Тип. 167 мы не встретили ни одного подобного примера: имени 107г, времени 106г, до времеѧе 106в, по мнозѣ же времеѧе 106б, вре|мени 105в, во времена 102б, имена 100а, имена 99г, именемаѧемь 95г, знамаѧни|ѧе 99в и т. д.

Другой особенностью орфографии антиграфов может быть написание слова *монастырь*, в тексте октябрьских чтений мы встречаем только написание с ѧ в первом слоге (монастырь 13в, в монастырь 2в, в различныхъ монастырехъ 21в, монастырѧ 25б), в мартовских Тип. 167 только с а (въ манастыри 107г, въ ма|настыри 107г, мана|стырь 103г, манастырѧ 103б, въ|манастырь 103а, манастырь 102г, въ мана|стыри 95б). Обращает на себя внимание факт различения (в Тип. 167)/неразличения (в Тип. 165) на письме Д. мн. и Т. ед. существительных муж. и ср. рода, последовательное написание -мь во флексиях М. ед. полных прилагательных, причастий и местоимений (в Тип. 167),

нетематических глаголов наст. 1 ед.²¹ Также следует отметить, что писец *A* в тексте мартовских чтений последовательно пишет *-ть* во флексиях глаголов наст. 3 л. (в Тип. 165 преобладают написания с ером).

Существенными в данном случае являются различия в употреблении еров, в первую очередь, в позициях этимологически слабых редуцированных на стыке морфем, в конце слова при наличии энклитик, в префиксах и предлогах. В приставках и предлогах *ъ* употребляется последовательно (и в соответствии с этимологией), независимо от того, прояснился или был утрачен редуцированный в данной позиции: пре|дъ всѣми 104б, въ съсудѣ 97б, въ амории 101а, сънемъ съ древа 94г, предъ лицѣмъ 96г, къ затворнику 103б, съ слезами 101г, въпрошешю 100г, съ ѿсомъ 97а, къ иѡану 95в, съмушаа 96а, съгрѣшающа 96в, въ иер^ссмъ 97б; но: из дому 101а, бескверньо 99а, незаконство|вати 97б, без грѣха 97б, беспрестани 95в, ис темница 95а, раздаа 94б, и|сполнивса 96а. Опускается *ъ* исключительно редко, еще реже на месте его появляется *о*: к нему 100в, 96а — дважды, к ѿу 94г, во времена 102б, со оучен|кы 97а. Также последовательно еры пишутся в конце слова при наличии энклитик; менее последовательно на стыке морфем. Там, где еры вокализовались в *о* и *е*, употребление *ъ* и *ь* факультативно (в некоторых случаях вполне последовательно: нѣ сѣа ѿго оуме|рша 94в, нѣ | подавь ѿму 106а, нѣ яко 104г, нѣ дѣлы до|брыми 104б, стрѣгана 95а, стрѣга 94г; а также: тѣгда 95а, некъгда 95б, 99в).

Чтения на октябрь—февраль отражают другую традицию употребления еров. Упорядоченно употребляет *ъ* и *ь* только один из исходных переписчиков (*B* — см. 4.2). У большинства других переписчиков употребление этих графем менее последовательно, но некоторые закономерности можно проследить. Так, факультативным является употребление *ъ* и *ь* на месте слабых

²¹ В данном случае мы не станем приводить примеры, отметим только, что в орфографии чтений на октябрь последовательно отражается отвердение *м* во флексиях имен; в Тип. 167 в чтениях на март смешение флексий на *-мь/-мь* — исключение.

утраченных редуцированных: в приставках, предлогах, на стыке морфем, в конце слов при наличии энклитик (в двух последних позициях еры, как правило, опускаются).

В рукописи Тип. 165 на 35 листах текста, переписанного писцом А, встречается только один пример смешения ц и ч, точнее, написания ц на месте ч: ѿ лѣцца 27г (рядом: к лѣчьцю 27г), — допускающий графическую интерпретацию; в Тип. 167 примеров смешения значительно больше: старчь сущ. И. ед. 107а — дважды, р^че же старчь к нему 107а, неlichemѣренъ 106а, старче (=старець) же глѣше не хоцю 103б, оусраливъ | же старчь ч^тна му|жа 103а, видѣ безлобие старча 107а, нареча|ю 101в, ѿрича|шеса 103б, ѿричающюса 103б, и да челооу|мудримъса (=оуцеломудримса) 96б²², о левемь оче 96б, на ли|чи паде 96б, на|личе 96а, придь [так!] лице 95в.

Столь принципиальные различия орфографических систем в тексте октябрьских и мартовских чтений свидетельствуют о сильной зависимости писца от орфографии антиграфов.

Переписчик может быть в разной мере зависим от орфографии антиграфа, и немаловажным в данном случае является его индивидуальный опыт. Усвоение орфографических правил в средневековье происходило в процессе обучения в скриптории. Кроме того, норма определялась во многом тем корпусом текстов, которые переписал писец, так как усвоение правил невозможно без практики. Естественно в таком случае ожидать, что менее квалифицированный писец (переписавший незначительное число текстов) в большей мере может оказываться зависимым от орфографии антиграфа, чем писец профессиональный, доверяющий собственному опыту. Большинство писцов, работавших над Прологами Тип. 165 и Тип. 167, — непрофессионалы. На это указывают некоторые палеографические данные, анализ орфографии подтверждает это предположение.

²² Данный пример, как и некоторые другие, представляет переосмысление словоформы. Подробнее смешение ц и ч в тексте Прологов будет рассмотрено отдельно (см. 5.2.3).

Исходный текст Прологов Типографского собрания переписывали семь писцов (если не считать двух фрагментарных почерков). При этом новый почерк может начинаться с новой тетради (если это не начало нового месяца, то: писец *C* в Тип. 165 л. 67, Тип. 167 л. 85; писец *H* в Тип. 167 л. 47), листа (писец *A* в Тип. 167 л. 99), страницы (писец *C* в Тип. 167 л. 46в; писец *I* в Тип. 167 л. 97в), а также внутри столбца и строки (писец *C* в Тип. 167 л. 44в; писец *G* в Тип. 167 л. 41г). Вероятней всего, что во всех указанных случаях, кроме одного (Писец *H*, Тип. 167, л. 47), писцы продолжали переписывать тот же антиграф, что и их предшественник. Из-за утраты не совсем ясна ситуация со сменой почерков писцов *B* и *E* в Тип. 167.

Каждый новый месяц начинается с новой тетради, и начинает его новый писец. Это значит, что чтения на разные месяцы Прологов могли переписываться одновременно с разных антиграфов, а смена почерков, не совпадающая с границей месяцев, скорее всего, не совпадает со сменой оригиналов. В особом комментарии нуждается смена почерков *G* и *H* в Тип. 167, так как почерк *H* начинает новую тетрадь (и чтения на 3-е февраля), после нестандартной (состоящей из четырех листов — возможно, изначально было больше) тетради писца *G* (см. 2.1.2.2).

Анализ орфографии чтений на октябрь-февраль дает нам основания предполагать два антиграфа (или две группы Прологов), отражающих разные орфографические традиции. Выделить антиграфы мы можем на основании сопоставления орфографии разных фрагментов текста Прологов, переписанных одним писцом. Условно назовем их антиграф I (А-I) и антиграф II (А-II). Для атрибуции антиграфов мы выделили несколько орфографических примет: 1) употребление/отсутствие *ч* и *ъ* после шипящих (в том числе *щ*), при отсутствии таких написаний после аффрикат; 2) различие/неразличие на письме Д. мн. и Т. ед. существительных, написание *-мь* в окончании М. ед. полных прилагательных, причастий и местоимений, нетематических глаголов наст. 1 ед., а также употребление только флексий на *-ть* в 3 л. наст. и смешение *ъ* и

ь в данных позициях; 3) наличие/отсутствие написаний типа *иманем*, т. е. смешения *е* и *а* в корне в косвенных падежах существительных на *-ма* и словах, производных от них; 4) написание слова *монастырь* как *манастырь* или *монастырь*. А-I характеризуется написанием после шипящих только ю; последовательным различием Т. ед. и Д. мн. сущ. муж. и ср. рода; написанием *-мь* в М. ед. прилагательных, причастий, местоимений; написанием только *е* в корне существительных на *-ма* в косвенных падежах и словах производных; написанием *манастырь*²³. А-II характеризуется противоположным набором признаков²⁴.

Писцом *Е* был переписан текст чтений на декабрь в Тип. 165 (по крайней мере, он переписывал начало и конец месяца — между 95 [10 декабря] и 96 [29 декабря] листами большая утрата). В Тип. 167 он переписал часть чтений на январь; на 41г его сменяет писец *Г* (посередине Слова «еже не осудити никогоже о всяком деле»). В Тип. 165 орфография переписчика *Е* отражает особенности А-II: 1) частое *ү* после шипящих: *пищу* 86б, *явь|лающу* 85в, *ѡбь|ращу* 90б, *дѣшу* 84в, *ѡшешу* 87б, 90в — дважды, *восхо|жу* 90а, *кожу* 95б, *мужу* 92в, а и т. д. при нередких ю в тех же позициях; *ь* после шипящих: *ѡружьни|ци* 85а, *ѡцѣ нашѣ* 87в, 90в, *нѣкии мужѣ* 89а, в *пещѣ горащю* 88г, *ѡцѣ вашѣ* 94а, *нощѣ* 93в, *ѣѣ нашѣ* 93а, *мужѣ* 92в, 91в, *вижѣ ю|ко* 92в (все встретившиеся примеры); 2) неразличение Т. ед. и Д. мн. имен муж. и ср. рода (в большинстве случаев написания с *-мь*), Мест. ед. полных прил., прич., глаголы наст. 3-го лица на *-тъ* (также примеры типа: *азѣ имамѣ* 85б); 3) *ѡ* в косвенных падежах сущ. на *-ма* и в производных от них словах: *ѡ плема|ни*

²³ Данный признак — быть может, один из наиболее показательных, но при этом наименее надежен в Тип. 165, так как в тех фрагментах текста, которые, по нашему предположению, восходят к А-I, написаний *манастырь* нет (подробнее об этом будет сказано ниже).

²⁴ Неправильно было бы в данном случае говорить, что А-I характеризуется по большей части отрицательным набором признаков (первые три пункта), так как в А-II показательные примеры, соответствующие первым трем пунктам, являются преобладающими, то есть *ү* после шипящих пишется чаще, чем ю, после *м* преобладает *ь*, примеров типа *иманем* больше, чем стандартных написаний существительных на *-ма* и слов, производных от них. Однако, несомненно, показательными признаки А-I могут быть только на значительном фрагменте текста.

86а, и|манемъ 89а, и|манемъ 89а, въ пламани 94г, безъ вре|мани 94в; 4) *монастырь* (с о в первом слоге): въ | монастырь 84г, мно|ги монастыра 88г, монастырь 88в. В Тип. 167 в тексте писца *E* нет примеров написания *ч* и *ъ* после шипящих и нет написаний типа *иманемъ*; *ъ* и *ь* после м во флексиях употребляются стандартно (с редкими исключениями типа: се|мь живущимъ Д. мн., 39г), глаголы наст. 3 л. на *-ть*; *монастырь* (с а в первом слоге): мана|стыри 41в, въ | монастырь 40в, монастырь|скыѣ 39г, в монастыри 39г, манась|тыра 39г, в монастыри 39г, бра^ти монастырь|скыѣ 39г, монастыри 35а, врата ма|настырьская 41в.

Мы предполагаем, что на утраченном фрагменте декабрьских чтений писец поменял антиграф, так как орфография листов 96 и 97 в Тип. 165 отличается от орфографии начала декабря (хотя однозначных выводов делать на основании столь незначительного по объему фрагмента текста нельзя). Слово *монастырь* на данном фрагменте не встречается; существительных на *-ма* нет; написаний *ч* и *ъ* после шипящих нет совсем; формы на *-мь/-мь* последовательно различаются, глаголы наст. 3 л. только на *-ть*. То, что писец меняет антиграф в процессе работы, не удивительно, у нас есть основания предполагать аналогичный случай в Прологе Тип. 167 (писец *H*).

Писец *G*, вероятно, дописывал январские чтения Пролога Тип. 167. Он сменяет писца *E* на столбце 41г и дописывает Слово «еже не осудити никоже о всяком деле». Последующие исходные чтения не сохранились, так как на том же листе (41г) внизу поверх стертого текста начал писать реставратор (всего на этой странице сохранилось 17,5 строк, переписанных писцом *G*). Писец *G* продолжал переписывать тот же, что и *E*, антиграф (А-І). На 17,5 строках показательным может быть только пример *монастыра*, и, несмотря на ограниченность примеров, нет ни малейшего сомнения в том, что *G* не менял антиграф после писца *E*, так как почерки сменяются на полуслове. Орфография февральских чтений, переписанных этим писцом (1 и 2 февра-

ля)²⁵, последовательно отражает особенности, которые мы определили как относящиеся к А-II: 1) *ѣ* и *ѣ* после шипящих: отолъстѣвъшу 46б, Хошу 45в, ѿше|дшу юму 44б, дѣшу 43в, вельблужью| кожу 46б, немо|щъ 46а, ношъ 46а, замушъ 46а, нашъ ісѣъ хѣъ 45а, нашъ 43б, 44г, мушъ 43г; 2) смешение флексий на *-мь/-мь*, глаголы наст. 3 л. на *-тъ*; 3) бе|зѣиманникъ 43г, и|манемъ 43в; 4) монастырѣ 45г, въ монастыри 44а, в монасты|рехъ 43г, многи|мь монастыремъ 43г. Таким образом, мы полагаем, что, закончив чтения на январь, писец поменял антиграф.

С 3 февраля (с новой тетради) начинает писать переписчик *Н*. Большая часть текста, переписанного данным писцом, отражает особенности А-II: 1) одежду 67г, дѣшу 62г, 66б, 76б, ѿпущу 65а, с зижу|щими 55а, по|бѣжу 72а, мужу 78а, повѣжъ ми 63г, или мать|жъ 58в, повѣ|жъ 56г, иажъ и пии 57г, стражъ 81а, двою поприщъ 78г, мни|шѣский 78б, волшѣбами 75в, повѣжъ 74в, мушъ 74а, волшѣбу | свою 70г; 2) все особенности А-II в употреблении форм на *-мь/-мь* и форм глаголов наст. 3 л., в том числе *имамъ* 56г, 62в, *юсмъ* 55г, 56в, 64б 69а, 69б, 74г, 75а, 84а, б, г; 3) посреди пла|мани 67а, иманемъ 66б, во времена 63б, знама|нья 65г, и т. д. (не менее 17 подобных примеров); 4) *монастырь* и однокоренные слова с *о* (17 примеров). Однако первые листы текста писца *Н* отражают некоторые особенности орфографии А-I, в первую очередь, *монастырь* (с *а* в первом слоге): во|манастырь 48в, в доро|фѣевъ манастырь 48в, въ инъ манастырь 48г, игуме|на манастырѣ 49в, манастырь 50б, из ма|настирѣ 50в, в мана|стырь 51а; глаголы наст. 3 л. на *-тъ*, неправильные употребления форм на *-мь/-мь* встречаются чаще, чем у других писцов с особенностями орфографии А-I, но все же относительно редки: с миромъ 47б, имамъ 48г, 51в, свѣмь | страхомъ бѣимъ 48г, всакимъ | писаниемъ 49б, павлиномъ кна|зъмь памфилииск^{bl}|мь 49в, и многом же време|немъ 50г, надъ мертвѣымъ 51а, свои|мь неч^стьемъ 53а на 71 употребление форм на

²⁵ Писца *Г* дважды сменял *С*, возможно, им же были закончены чтения на 2 февраля, так как именно его сменяет почерк реставратора.

-мь/-мь; сущ. на -ма и их производные на л. 47—52 только два (ѣ племени 47а, време|немь 50г), на л. 53б — врема|на; первое у после шипящих встречается только на 56а (оуча|шу). Первый глагол наст. 3 л. с -ть появляется на 55б (ѣ кормить), монастырь с о — на 54в²⁶. Таким образом, мы полагаем, что где-то на промежутке 5—6 февраля писец сменил антиграф. Относительно большое число «ошибок» в употреблении слов с флексиями на -мь/-мь обусловлено, вероятно, большей свободой и самостоятельностью орфографической техники писца.

Писец С переписывал (и дописывал) ноябрьские чтения вслед за писцом В, в Тип. 167 почерк этого писца дважды сменял почерк писца G (44в, 46в), после этого он вслед за H продолжает и заканчивает работу над февральскими чтениями (с листа 85; сменяет предыдущего писца на полуслове). У нас нет оснований предполагать, что, сменяя писца G на 44в и 46в, писец С менял оригинал (в том числе на основании примеров: оумершу 44в, ищущи 44в, безбожье 44в). На л. 85—93 встречаются все особенности А-II: 1) дѣшу 85а, 88в, 89б, чашу 89в, тысящу 91а, ви|жу 90г, стражутъ 91б (рядом — стражють 91б), не хоташу 88г, ставшу 89г, вижь 90б, не|мощьнымь 91б, ноць 89а, по|вѣжь 87г, му|жь 87а, ѡру|жьемь 90-91; 2) преобладание ъ после м во всех флексиях на -мь/-мь (в том числе: ѡсмь 87г, имамь 87г, 92б); 3) и|манемь 92б, врема|нномь 90а, о имани своемь 87а; 4) слово монастырь встречается единожды: мно|зи монастыри 92в.

В Тип. 165 по всем признакам писец С использовал оригинал с особенностями орфографии А-I: 1) после шипящих у и ъ не встречается; 2) Тв. ед. и Д. мн. имен не смешиваются, и формы на -мь пишутся, в большинстве случаев, правильно, глаголы наст. 3 л. только на -ть; 3) времено|иу [так!] 71а, времени 70г, племе|ни 74б, имене|мь 74б, именьмь 76в, времяньна 82б, времени 83б (все примеры слов на -ма). При этом слово монастырь не встречается ни разу. Как отмечалось ранее, данный признак для Тип. 165 яв-

²⁶ Написание этого слова с а появляется и на 66в, при этом рядом: в монастырь 66в, внѣ монастыра 66в, из монастыра 66в.

ляется проблемным, мы не встретили данного слова с *а* в первом слоге (ни на л. 96 и 97, которые своей орфографией соответствуют А-I, ни в тексте писца С на листах 66—83).

У нас нет оснований предполагать, что, сменяя писца *В*, писец *С* поменял оригинал, так как текст на 65г и 66а непрерывен. Однако в тексте писца *В* мы встречаем только *монастырь*: мо|настырьъ М. 53г, в садукеевъ мона|стырь 52б, в монась|тырь 51б, в монастырь 38в. Таким образом, можно предполагать, что один оригинал использовался при переписывании чтений на октябрь, часть декабря в Тип. 165 и 1—2, 6—29 февраля в Тип. 167, но недостаточно обоснованным может быть предположение, что чтения на ноябрь в Тип. 165 и январь в Тип. 167 (по крайней мере, текст писца *Е*) восходят к одному антиграфу. Орфография *В* по своим признакам не соответствует ни А-I, ни А-II²⁷, однако это еще не дает повода предполагать существование третьего антиграфа, так как орфографические навыки писца *В* вполне самостоятельны. Как говорилось ранее, мы считаем, что в большей степени зависимым от орфографии антиграфа оказывается непрофессиональный писец, тогда как квалифицированный книжник полагается на собственные орфографические навыки. Писец *В* вполне профессионален, его орфография характеризуется упорядоченным употреблением еров (см. об этом 4.2), а также последовательным употреблением *ки*, *ги*, *хи* на месте *кы*, *гы*, *хы* (тогда как написание этих сочетаний у других писцов крайне беспорядочно, т. е. в одних и тех же позициях, корнях может встречаться как *н*, так и *ы*). Орфографию переписчика *В*, таким образом, следует рассматривать за пределами вопроса об антиграфах Прологов Тип. 165 и Тип. 167.

Как говорилось ранее, обозначения А-I и А-II условны, т. е. им могут соответствовать две книги или две группы источников (вплоть до шести Прологов). Вполне определенно мы можем говорить о том, что писцы *С* и *Е*, переписывая разные фрагменты текста в Тип. 165 и Тип. 167, использовали

²⁷ Ситуация осложнена еще тем, что значительный фрагмент исходных чтений (промежуток, на котором сменялись почерки *В* и *Е*) в Тип. 167 утрачен.

разные антиграфы, причем орфография писца *C* в Тип. 167 соответствует орфографии *E* в Тип. 165, а орфография *E* в Тип. 167 близка орфографии *C* в Тип. 165. Орфографическая техника писца *A* оказывается зависимой от орфографии антиграфа, и в Тип. 165 она соответствует орфографии писцов *C* в Тип. 167 и *E* в Тип. 165. Продолжать рассуждения мы намеренно не станем, однако существование по меньшей мере двух антиграфов, лежащих в основе чтений на октябрь—февраль, нам представляется очевидным.

Представим в виде таблицы полученные нами результаты (знаком * помечены те фрагменты текста, в которых встречаются не все признаки А-I):

Месяц	Тип. 165 Антиграф	Месяц	Тип. 167 Антиграф
Октябрь	А-II (<i>A</i>)	Январь	А-I (<i>B, E, G</i>)
Ноябрь	А-I (<i>B, C, D</i>) *	Февраль	А-II (<i>G</i>) А-I (<i>H</i>): 3—5 фев. А-II (<i>H</i>): 5—29 фев.
Декабрь	А-II (<i>E</i>) А-I (<i>E</i>) * : 29, 30 дек.	Март	Пролог I редакции (<i>A, I, J</i>)

Данные орфографии подтверждают предположения, сделанные в главе II (2.1.2), о том, что ноябрь и декабрь в Прологе Тип. 165 списывались одновременно с разных антиграфов. Учитывая тот факт, что писец *B* — самый квалифицированный из всех и потому, возможно, именно он руководил работой скриптория над Прологами, также можно предположить, что, ознакомившись с объемом чтений в оригиналах, он разделил тетради на ноябрь и декабрь. При этом, вероятно, работа над ноябрем была закончена до окончания декабрьских чтений (они, кстати, и не были закончены), и для завершения работы писец *E* воспользовался А-I. Также у нас есть основания говорить о том, что писцы *G* и *H* начинали списывать февральские чтения одновременно, когда *G* закончил работу над 1—2 февраля, он передал свой оригинал писцу *H*.

Важным для интерпретации данных орфографии является установленный нами факт зависимости большинства переписчиков Прологов от орфографии антиграфа. Таким образом, при рассмотрении данных орфографии текста отдельного писца мы должны учитывать ряд дополнительных факторов: встречается ли данная особенность в текстах, переписанных одним писцом, но восходящих, по нашему предположению, к разным оригиналам; встречается ли данная особенность у других переписчиков предполагаемого оригинала. К примеру, только у писца *H* встречаются примеры, демонстрирующие переход *e* в *o* после мягких согласных перед твердым: в ударном положении — причтонъ 49а, ·̣жонъ 63б, потръ 78г; а также, возможно: должонъ 76б; в безударном положении: жону 58б, пе|родо мною 62в. У писца *I*, сменившего *A* на л. 97в—98г и, несомненно, списывавшего тот же антиграф (текст непрерывен; внизу 97б заглавие к чтениям на 3 марта и непосредственно к Страсти святых мучеников Клеонина и Василиска, на 97в — литургические замечания и само чтение), встречаются особенности, нетипичные для текста, списанного с антиграфа мартовских чтений (которые совсем не встречаются в тексте мартовских чтений, переписанных писцом *A*), — примеры написаний *ч* и *ы* после *ж*: бывшу 98б, нужу 98б, вышнаго гра^д жы|тель 98в—г, держымь 98в, поло|жыти 98б. В тексте писца *B* встречается такая диалектная особенность, как отсутствие *-ть* в формах 3 л. ед. ч. глаголов наст. вр.: нарицаеся Тип. 165, 48г, стваряе|ся нынѣ Тип. 165, 55б, яже ѣ пода|е всѣмь Тип. 165, 66г и т. д., у других писцов подобный пример встречается лишь единожды (у писца *E*). В текстах, переписанных писцами *C* и *H*, последовательно представлена такая особенность, как смешение еров с графемами *o* и *є*, — как известно, подобный эффект типичен для бытового письма. Данные особенности требуют детального, специального рассмотрения и будут описаны в отдельных главах.

ГЛАВА IV. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЕРОВ ПИСЦАМИ ПРОЛОГОВ ТИП. 165, ТИП. 166, ТИП. 167

Фонетический статус графем *ъ* и *ь* рассматриваемого периода в науке понимался (и понимается) по-разному, и по-разному, соответственно, решался вопрос времени утраты слабых редуцированных в живых восточнославянских говорах. Так, многие исследователи, вслед за А. А. Потебней [1876: 45—54] и Б. М. Ляпуновым [1899], полагают, что и после вокализации сильных редуцированных слабые в определенных позициях сохранялись, хотя, вероятно, и не имели фонематического статуса [Жуковская 1960; Колесов 1980: 114; Малкова 1981; Попов 2004: 259—265]. Согласно другой, также вполне традиционной, точке зрения, падение редуцированных завершилось не позднее начала XIII в., и еры на месте утраченных *ъ* и *ь* соответствовали нулю звука «с указанием соответственно на твердость или мягкость предшествующей согласной» [Зализняк 2002: 592]²⁸. Также следует отметить, что в рамках концепции книжного произношения Б. А. Успенского [1997а] предполагается особое чтение еров в церковных текстах как *о* и *е* или (начиная с XIV в.) как «гласных призвуков типа шва», совпадавших по звучанию с прежними редуцированными.

Забегая вперед, отметим: орфография еров, представленная в тексте писца *B*, а также основных переписчиков Пролога Тип. 166, как мы полагаем, не позволяет предполагать, что графемам *ъ* и *ь* соответствуют какие-либо звуки (подробнее об этом ниже).

²⁸ См. также [Соболевский 1900/2006; 1900б/2006; Шахматов 1903: 66; Борковский 1936: 45; Борковский, Кузнецов 1963: 99].

4.1. Смещение еров с графемами о и є: бытовые графические системы в книжном письме

Представляет интерес тот факт, что некоторые писцы, орфография которых несамостоятельна и сильно зависела от орфографии антиграфов, проявляли бóльшую самостоятельность в употреблении еров. В данном случае мы имеем в виду проявление в их тексте определенных графико-орфографических эффектов, связываемых в последние десятилетия прежде всего с бытовой письменностью. Благодаря работам А. А. Зализняка эти эффекты получили название бытовой [1986: 93—111] или неполноразличительной [2002: 594—595] графической системы²⁹. Некоторые аспекты описания и интерпретации этого явления в работах [Зализняк 1986] и [Зализняк 2002] различаются. При этом, на наш взгляд, именно первая работа точнее отражает проблему овладения бытовыми системами письма и их функционирования, хотя и здесь мы не вполне можем согласиться с точкой зрения А. А. Зализняка по поводу генезиса данного графического явления.

4.1.1. Проблема происхождения неполноразличительных графических систем со смешением ъ и о, ь и є.

Вопрос происхождения графических систем со смешением еров и букв, в стандартной орфографии соответствующих гласным полного образования, заслуживает, как кажется, специального рассмотрения. В работе 1986 г. А. А. Зализняк писал: «По-видимому, она [бытовая графико-орфографическая традиция. — *И. Л.*] исторически связана прежде всего с представленной, как показал Н. Н. Дурново, по крайней мере в части древне-

²⁹ Об эффектах смешения еров с буквами о и є в книжных и деловых текстах говорил еще А. И. Соболевский [Соболевский 1900/2006: 504; 1908: 83, 92]. В разное время исследователи пытались дать фонетическое объяснение фактам взаимной мены еров и графем о, є в берестяных грамотах [Марков 1964: 237—261; Колесов 1975; Касаткин 1999: 464—477; Nuorluoto 2007]. Однако чисто графическая природа данного эффекта в бытовой письменности признавалась большинством [Аванесов 1955: 83—86; Борковский 1958: 96—102; Жуковская 1958: 100—108]. Несмотря на то что бытовые графические системы были обоснованы на материале новгородских грамот на бересте, нет никаких оснований связывать это явление только с псковско-новгородским регионом, поскольку «подобная орфография не редкость в XII—XIV вв. в разных местах тогдашней Руси» [Соболевский 1900/2006: 504; см. также: Молдован 2000: 266—269].

русских школ церковного чтения манерой читать ъ как *o*, а ь как *e*» [Зализняк 1986: 104]. Эту же идею он повторил в статье [2002]: «Наиболее правдоподобной оказывается уже существующая гипотеза о наследовании принципа омофонии ъ и *o*, сложившегося в соответствии с тем типом церковного чтения, где вместо /ъ/ и /ь/ произносились /o/ и /e/» [Зализняк 2002: 606]. Возражения здесь вызывает не сама «существующая гипотеза» о генезисе неполнозначных графических систем, а идея особого церковного чтения еров в древнерусский период.

Гипотеза об особом церковном чтении еров принадлежит А. А. Шахматову [1915/2002: 208—209, 254—255, 268—270], который таким образом попытался объяснить факты графической мены еров и *o*, *e* в древнейших (до утраты древнерусским языком редуцированных) созданных на территории Древней Руси текстах. Гипотезу Шахматова развил Н. Н. Дурново, заявивший, что «требования церковной дикции были настолько настоятельны, что для нее (отнюдь не для передачи своего произношения!) писцы намеренно отступали даже от орфографии своих ст.-сл. оригиналов» [Дурново 2000: 392—393]. Отметим, что гипотеза об особом книжном произношении (несмотря на авторитет ее сторонников) никогда не относилась к числу бесспорных, против нее выступал не только постоянный оппонент Шахматова А. И. Соболевский [1887/2006: 471], но и В. В. Виноградов, писавший: «Мысль А. А. Шахматова о церковном произношении всех орфографических ъ и ь по “болгарской” указке как *o* и *e* следует решительно видоизменить в смысле признания в русской церковной речи особого типа морфологических ассоциаций, которые создавали своеобразные категории прояснения глухих» [Виноградов 1977: 19] (см. также: [Малкова 1987; Попов 2004: 220—227; Колесов 2008: 290—296]). В наши дни проблему книжного произношения еров связывают прежде всего с работами Б. А. Успенского [1997а; 2002]. Вопросам книжного произношения Древней

Руси Успенский посвятил докторскую диссертацию и целый ряд опубликованных работ, потому именно его идеям мы уделим особое внимание.

Некоторое недоверие вызывает применение по отношению к древнерусской эпохе термина «книжное произношение», поскольку такая формулировка слишком широка и должна охватывать любые книжные тексты, независимо от жанра и условий воспроизведения (ср. с тем, что писал Дурново: «Появление о, е вм. ъ, ь в таких случаях объясняется тем, что ъ, ь здесь должны были произноситься при церковном исполнении, особенно при чтении нараспев» [Дурново 2000: 448]). Серьезные возражения вызывает и следующий тезис Б. А. Успенского: «...книжное произношение в принципе ориентировано вообще на написание, представляя собой побуквенную систему чтения» [Успенский 1997а: 162]. Неточность (по меньшей мере) и недостаточная оправданность его очевидна: нет оснований, к примеру, предполагать «побуквенное чтение» написаний типа *пръ/ьсть*, представленных как в раннедревнерусский период, так и в период второго южнославянского влияния [ср. Успенский 2002: 139], едва ли побуквенным было чтение сочетаний *жд* (как в позиции **dj*, так и из **zg'*, **zdj*). Уже в XI—XII вв. книжная орфография адаптируется к особенностям восточнославянских говоров, и надо полагать, этому способствовала и предшествовала орфоэпия (а следовательно, уже для раннедревнерусского периода у нас нет оснований предполагать побуквенную систему чтения). Отдельные (причем базовые) тезисы Б. А. Успенского исключительно гипотетичны и недоказуемы, а именно: ученый полагает, что 1) в древнейший период книжники обучались грамоте южнославянскими учителями, в говорах которых слабые еры утратились, а сильные вокализовались в *о* и *е* и которые и научили восточных славян особой книжной дикцией³⁰; 2) древнерусские книжники, обучаясь читать по складам, произносили слоги типа *бъ* и *бь* как *бо* и *бе* [Успенский 1997а: 145].

³⁰ Возражения по поводу этого тезиса, впервые озвученного А. А. Шахматовым [Шахматов 1915: 208], высказывал еще А. И. Соболевский: «Знакомство русских с церковнославянским языком в огромном большинстве случаев (особенно в отдаленном Новгороде) могло быть только книжным, и русские, конечно, произносили церковнославянские буквы по-своему...» [Соболевский 1887/2006: 471].

Тот факт, что еры могли читаться как *о* и *е*, сомнения не вызывает (это касается прежде всего времени после падения редуцированных), это явилось естественным следствием устойчивости и традиционности церковнославянской орфографии, когда на протяжении длительного периода еры продолжали писаться там, где в действительности звучали звуки полного образования. Однако предполагать, что в книжных текстах все еры читались как *о* и *е*, причем как в поздне-, так и в раннедревнерусский (до падения редуцированных) периоды, едва ли есть достаточно оснований.

Рассмотрим подробнее аргументацию Б. А. Успенского. Свидетельством особой литургической дикции должно являться тождество фонетических эквивалентов графем *ъ* и *о*, *ь* и *е*, подтверждаемое показаниями древнейших книжных текстов (раннедревнерусского периода). Доминирующее орфографически правильное распределение этих графем объясняется тем, что в живой речи еры как раз отличались от звуков *о* и *е* и корреляция «*ъ* и *ь* (живой речи) — буквы *ъ* и *ь*» на письме легко осознавалась древнерусскими книжниками. Наибольший интерес в данном случае представляют случаи неправильного (с точки зрения книжной орфографии) употребления еров и букв *о* и *е*, причем в самых неожиданных позициях (например, на месте исконных фонем *о* и *е* или на месте слабых редуцированных). Положение о том, что за неправильным употреблением *ъ*, *ь*, *о*, *е* стоит особая дикция, принадлежит А. А. Шахматову и было развито Н. Н. Дурново. Однако впоследствии стало известно (благодаря открытию берестяных грамот), что это явление, представленное в книжных текстах лишь спорадически, является вполне системным уже в древнейших дошедших до наших дней текстах бытовой письменности (системность этого явления обоснована в работе [Зализняк 1986])³¹. Соответственно, признавая системность данного явления в бытовых текстах (и не касаясь пока проблемы генезиса неполноразличительных графических

³¹ Исключительно графическую природу подобных явлений в текстах XII—XIV вв., впрочем, отмечал еще А. И. Соболевский [Соболевский 1900/2006: 504].

систем), мы не можем утверждать, что взаимная мена еров и графем о, е, спорадически представленная в древнейших восточнославянских рукописях, обусловлена особой книжной (церковной) дикцией. Кроме того, нельзя в данном случае совершенно исключать влияние южнославянских протографов, уже отражавших падение редуцированных³².

По мнению Б. А. Успенского, существование особого книжного чтения еров подтверждается данными древних кондакарей [Успенский 1997а: 147—150]. Особенностью кондакарей является так называемое растяжное письмо, которое соответствует тянущимся в процессе пения звукам. При растяжном письме в кондакарях еры могли сменяться буквами о и е и наоборот. Отметим, что привлечение певческих рукописей предполагает одно дополнительное допущение, никак не прокомментированное Б. А. Успенским: книжное чтение еров тождественно их чтению при пении. Однако очевидно, что му-

³² Следует также коснуться другого аргумента А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново. Оба исследователя полагали, что об особом книжном произношении свидетельствует также появление звуков *o* и *e* на месте слабых редуцированных в книжных словах и сочетаниях типа *собор, множество, совет, уповати, во имя* и пр. [см. также Успенский 1997а: 162—178]. Прежде всего отметим, что здесь в одном ряду оказались примеры, демонстрирующие различные явления и процессы истории книжного языка восточных славян. Так, «вокализация» редуцированных в префиксах *со-*, *во-*, *воз-*, суффиксах *-еств-*, *-еск-* связана с нормализацией книжного языка в эпоху второго южнославянского влияния [см. Васильев 1908: 206—208; Богородицкий 1935: 317, прим. 1; Issatschenko 1978; Кипарский 1972; Виноградов 1977: 19; Lunt 1984: 311]. Примеры типа *во имя* будут рассмотрены специально ниже (см. 4.4.2). Последовательная вокализация редуцированных в некоторых (книжных) корнях (к примеру, в слове *уповати*, в котором о регулярно появляется уже в раннедревнерусских текстах), несомненно, представляет интерес. Сторонники концепции книжного произношения полагали, что появление о в раннедревнерусский период в *уповати* и производных словах обусловлено двумя факторами: 1) правилом чтения еров как *o* и *e*; 2) невозможностью применения правила распределения графем њ и ѣ, опиравшегося на живые говоры (правило предполагало написание њ и ѣ там, где в живой речи звучали редуцированные, о и е — там, где звучали гласные полного образования; в случаях с употреблением книжных словоформ писцы могли опираться только на произношение, известное по книжной орфоэпической традиции, соответственно, и писали в данных примерах о). Это определило дальнейшую судьбу редуцированных в этих словах (*упование, умовение*). Однако очевидно, что звуки њ и ѣ в книжных словоформах не обязательно должны были подчиняться правилу Гавлика, так как фонетический закон распределения сильных и слабых позиций редуцированных действовал прежде всего в живых диалектах (ср. примеры *възръгати* и *възбънути* — 4.2.2). Кроме того, наряду с тем, что некоторые памятники раннедревнерусского периода (например, Успенский сборник XII—XIII вв.) характеризуются регулярным написанием о в корне таких слов (впрочем, как кажется, это относится только к слову *уповати* и его производным), другие последовательно демонстрируют стандартное (соответствующее этимологии) написание њ. Так, в Ильиной книге [Крысько 2005] из четырех случаев употребления *упъвати* и производных в двух написан њ (оупъва<ние> 17v2, оупъвание 32v8), в одном случае паерок (оупъвание 34r2) и единожды представлена закономерная для слабой позиции утрата редуцированного (оупваа 63r9). Некоторые памятники позднедревнерусского периода последовательно отражают утрату њ в этом корне (Пр1313: оупва 183б, оупвающи 54б—в). Подобные факты определенно свидетельствуют о том, что эти слова могли усваиваться (и осваиваться) с редуцированным в корне (причем њ в данном случае мог также подчиняться живым фонетическим законам). В этом случае аргумент «уповати» нельзя считать убедительным.

зыкальный канон предполагает некоторые особые условия, отличные от стандартных, связанных со стандартной ситуацией богослужения, но не пения. Особенно актуально это становится в эпоху после падения редуцированных, когда утрата фонем никак не могла отразиться в певческих рукописях, в силу жесткого певческого канона (гласным, в том числе бывшим редуцированным, соответствовали знаки нотации). Положение Успенского о том, что графический переход ъ в о и наоборот не обусловлен фонетически (и потому подтверждает тождество ъ и о в книжной орфоэпической системе) обосновано, вероятно, тем, что в данном случае мы имеем дело с конкретным звуком в конкретном слове и конкретной позиции и звук ъ не может превращаться в о, а звук о не может превращаться в ъ. Однако для текста, который не читается, а поется, это вовсе не обязательно. Для того чтобы объяснить чередование еров и букв о и е в рамках растяжного письма кондакарей вовсе не обязательно предполагать их тождество. Даже наоборот, наиболее простым и очевидным, на наш взгляд, может оказаться как раз иное объяснение. Тезис Успенского о том, что растяжное письмо кондакарей в большей степени соответствует фонетическому принципу письма, чем стандартная книжная орфография того периода, нам кажется абсолютно справедливым: «Это обусловлено уже прямой необходимостью внутреннего диктанта, поскольку, записывая тексты для пения особым растяжным письмом (с повторением обозначения тянущегося гласного в соответствии с длительностью его звучания в певческом исполнении), писец, можно думать, должен был их себе напевать (что способствовало, естественно, отражению произношения), тогда как, переписывая тексты для чтения, он имел относительно больше возможностей отвлекаться от условий их произнесения» [Успенский 1997б: 209]. Поэтому, если исходить из вполне традиционного положения о том, что еры, о и е соответствовали разным по качеству гласным звукам, чередование ъ и о, ь и е в растяжном кондакарном письме должно быть обусловлено фонетическим пе-

реходом редуцированных в гласные полного образования и наоборот в процессе пропевания.

Следует также обратить внимание, что такие «графические» переходы нередко сопровождаются так называемыми хабувами и мартириями — вставными буквами, первые представляли собой «попевки глоссолалического характера», вторые — «ключевые знаки, указывающие временную переменную лада». Б. А. Успенский пишет по этому поводу: «Соответствующие вставки в принципе не нарушают общих закономерностей повторения букв при протяжении звука... вместе с тем в отдельных случаях появление вставных букв может нарушать инерцию письма и обуславливать спорадическое появление омофоничной буквы, проясняющее реальное звучание текста» [Успенский 1997а: 148]. В этих словах исследователя имеется очевидное противоречие: хабувы в принципе не нарушают закономерностей повторения букв, но в отношении еров и о, е по каким-то причинам делается исключение. Кроме того, неясно, почему появление омофоничной буквы проясняет реальное звучание текста, ведь даже признавая дублетность графем о и ъ, е и ь, мы еще не можем однозначно сказать, как они читались. И сам орфографический эффект (если видеть в нем чисто графическое явление — омофоничность букв и как следствие их спорадические взаимозамены) вызывает некоторое недоумение. Если закономерности повторения букв в протяжении звука выдерживаются вполне последовательно, то почему они все же нарушаются в отношении еров и о, е? Почему столь простое правило писцами не соблюдается? Ведь если сложности представляют сами правила распределения еров и о, е в условиях их дублетности, закономерно было бы смешение графем не только при растяжном письме (но также и в начале ряда повторяющихся графем), однако Б. А. Успенский отмечает лишь один такой пример в Успенском кондакаре. Предполагать намеренное отклонение от стандартного написания, не мотивированное фонетически, никак нельзя. Видеть здесь результат небрежности, невнимательности также сложно, так как, осознавая вставной характер хабув

и мартириев, писец должен был понимать, что после них должна следовать та же буква, что и предшествует, а если переписчик не сознавал статуса вставок, т. е. не следил (или не всегда следил) за тем, что переписывает (в отношении переписчиков кондакарей такую ситуацию представить сложно), он по крайней мере должен был сверяться с оригиналом (или — опять заметим — графический переход $\text{ъ/ь} \rightarrow \text{о/е}$ и наоборот был бы представлен значительно шире). Кроме того, нарушения последовательности графем (в том числе после вставок) не столь исключительное явление в кондакарях. Так, регулярным является графический переход ы в н ³³, ъ в е (прежде всего в словах с неполногласием, но также иногда и в позиции исконного для восточных славян я) [Успенский 1997б: 211, 224—227]. Мы полагаем, что подобные явления вполне наглядно демонстрируют тот факт, что в процессе пропевания звуки могли претерпевать некоторые изменения.

Все рассматриваемые Б. А. Успенским кондакари были созданы в эпоху, когда редуцированные уже активно утрачивались в живой речи восточных славян и их противопоставление гласным полного образования (o , e), вероятно, было неустойчивым. Соответственно, нет каких-либо оснований видеть в представленных в древнейших кондакарях графических эффектах свидетельств дублетности ъ и o , ь и е и особой книжной дикции. Переход редуцированных в гласные полного образования и звуков o , e в редуцированные в условиях церковного пения (когда звук должен был пропеваться) не должен рассматриваться как фонетическая аномалия, такие переходы (возможно, обусловленные артикуляционно — при воспроизведении хабув — или вызванные собственно музыкальными модуляциями) вполне могли происхо-

³³ Б. А. Успенский допускает в данном случае чисто графическое объяснение: так как буква ы воспринималась как диграф, последующее написание может объясняться просто повторением второго элемента диграфа [Успенский 1997б: 211]. Это предположение исследователя действительно логично, но все же не совсем убедительно, поскольку графемы ы и н сами по себе имели разное фонетическое соответствие. Следовательно, певцы, имеющие перед собой подобные написания, должны были бы понимать их буквально, несмотря на то, что для переписчиков переход ы в н являлся лишь графической условностью. Предполагать орфографию, не ориентирующуюся на прочтение, причем в певческих рукописях, которые, по мнению Успенского, ближе и точнее передают реальное звучание текста, сложно.

дять, и именно об этом, мы полагаем, свидетельствует изменение ъ/ь в о/ѳ и о/ѳ в ъ/ь при растяжном кондакарном письме (т. е. подобные эффекты соответствуют изменению качества пропеваемого звука, и не могут рассматриваться как свидетельство графической дублетности, обусловленной особым книжным произношением).

Отражением старого книжного произношения еров в позднейшей церковной традиции, по мнению Б. А. Успенского, является хомовое, или наонное, пение [Успенский 1997а: 179—184], однако традиционно это явление музыковедами относится к позднерусскому периоду (как отмечал И. А. Гарднер, случаи написания о и ѳ на месте редуцированных в певческих текстах XIII—XIV вв. представлены спорадически — «почти как исключение» [Гарднер 2004: 272], — пика своего развития это явление достигает к середине XV в. [Там же: 357]) и рассматривается как попытка сохранить древние церковные напевы после падения редуцированных [Гарднер 2004: 272—273, 357—360; см. также Успенский Н. Д. 1971: 324—325]. Соответственно, достаточных оснований связывать хомонию с раннерусской орфоэпической традицией нет.

Рассмотрим теперь проблему происхождения бытовых графических систем, существование которых, по мнению Успенского, также должно подтверждать чтение еров как о и е в древнерусский период. Интересно при этом определение, данное исследователем «некнижным текстам»: «Под “некнижными текстами” понимаются тексты, созданные людьми, которые умеют читать (с соблюдением норм книжного произношения, т. е. церковнославянской орфоэпии), но не умеют писать (с соблюдением норм книжного письма, т. е. церковнославянской орфографии)» [Успенский 1997а: 150]. Странной кажется в данном случае не только столь односторонняя трактовка текстов бытовой письменности, но также и само исключительно умозрительное заключение о том, что в древнерусский период, обучая чтению, не обучали (или редко обучали) письму. Т. е. выходит, что процесс обучения грамоте был крайне

односторонним (показания берестяных грамот этому противоречат; см., к примеру, ученические работы мальчика Онфима [Зализняк 2004: 475—478]³⁴). Феномен бытовых систем письма, по Успенскому, сводится, таким образом, к отсутствию обучения навыкам письма и элементарным правилам различения графем на письме (т. е. причина — в недостаточной, или ограниченной, грамотности населения Древней Руси). Здесь, правда, возникает ряд противоречий, едва ли разрешимых в рамках данной концепции. Б. А. Успенский полагает, что в процессе обучения грамоте слоги с ерами и буквами *o* и *e* звучали одинаково. Различению еров и графем *o* и *e* обучали в скрипториях, при этом правильное распределение графем требовало постоянного обращения к живой речи [Успенский 1997а: 158—162]. Технику обучения грамоте, в которой *z* и *y* должны были соответствовать редуцированным звукам, он не рассматривает вовсе (о существовании стандартной техники чтения и специальному обучению ей говорит А. А. Зализняк [2002: 592]; подробнее об этом см. ниже). А то, что такая техника должна была существовать, сомнения не вызывает (ведь на Руси существовали тексты не только религиозного содержания), и эта «стандартная система», следовательно, также должна была предполагать специальное обучение технике чтения (отличное от обучения чтению книжных текстов), так как нерелигиозные тексты необходимо было не только писать, но и читать. Б. А. Успенский детально рассматривает вопрос, как возникали в процессе письма графические эффекты бытовой письменности, однако в целом вопрос функционирования этих эффектов в рамках бытового письма остается неясным, в частности совсем не рассматривается вопрос, как же эти тексты (при известной технике обучения грамоте) должны были читаться адресатами?

³⁴ О том, что авторов берестяных грамот учили писать, свидетельствует также обоснованная А. А. Зализняком [2005] особая манера письма, свойственная бытовой письменности, по крайней мере отчасти восходящая к южнославянскому письму. Устойчивая традиция приемов начертаний графем, не соотносимая с книжной техникой, говорит скорее о специальном обучении (т. е. образцом для писцов берестяных грамот служили прописи — такие как азбука № 778 [Зализняк 2005: 145], — а не книжные тексты, характеризующиеся иными начертаниями букв).

Если следовать логике Успенского, читаться они тоже должны были с книжной дикцией, поскольку только книжному чтению в то время и обучались, равно с книжной дикцией, естественно, должны были читаться и другие нерелигиозные тексты. Если же предположить, что вовсе не книжной дикцией руководствовались адресаты берестяных грамот, то эта техника должна была принципиально отличаться от техники чтения религиозных текстов. И, во-первых, эта техника уже не может быть названа побуквенной (так как фонетическое значение ряда букв должно было игнорироваться и в целом определить контекстное звуковое соответствие графемам ъ, ь, ѳ, ѿ можно было только опознав словоформу целиком), во-вторых, выходит, что в Древней Руси должны были обучать по меньшей мере двум техникам чтения — книжной и некнижной, а это уже противоречит самой идее Б. А. Успенского о причинах появления и функционирования графической системы со смешением еров с ѳ и ѿ [Успенский 1997а: 150].

Следует обратить внимание и на следующее утверждение Успенского: «Не исключено, что такого рода практика могла возникать как у неграмотных писцов, не прошедших специальной школы письма, так и у писцов грамотных, которые прошли такую школу, однако не считали нужным применять специальные орфографические правила в том случае, когда они писали на некнижном, т. е. русском языке» [Успенский 1997а: 152]. Также в дополнении к своей работе исследователь обращает внимание на грамоту № 724, в которой содержится основной текст и приписка на обратной стороне, написанные (в отношении употребления еров) стандартной орфографией и бытовой соответственно. Успенский пишет: «Как видим, один и тот же человек мог пользоваться разными манерами письма, соответственно меняя орфографическую (и грамматическую) установку» [Успенский 1997а: 208]. Тем не менее очевидно, что существование орфографических установок, предполагающих бытовую и стандартную системы употребления еров, противоречит основной идее Успенского о том, что графические эффекты смешения еров с

буквами *o* и *ε* появлялись в результате обучения чтению при отсутствии обучения письму. В комментариях к тексту грамоты А. А. Зализняк пишет: «Если при написании основного текста автор был настроен на правильное письмо, т. е. на соблюдение книжной графики и наддиалектной морфологии, то в момент составления приписки он, очевидно, чувствовал себя более вольно» [Зализняк 2004: 352]. Однако из этого комментария не ясно, почему, «чувствуя себя более вольно», писец использует бытовую систему употребления еров и *o*, *ε*, поскольку сама по себе техника стандартного употребления еров (если она уже усвоена) не должна была вызывать сложностей. Более того, на наш взгляд, такая техника не только не сложнее бытовой системы, но удобней и проще (при условии существования редуцированных), так как предполагает четкие и понятные соответствия *ъ*→*ь*, *ь*→*ь*, *o*→*o*, *e*→*ε*. (Впрочем, сложности все же, возможно, могли возникать, если писцу приходилось преодолевать определенную привычку употребления графем, т. е. в том случае, когда он некоторое время владел именно бытовой техникой, и только потом усвоил [сам или в процессе обучения] «стандартную» систему письма.) Причины, по которым автор грамоты № 724 сменил орфографическую и грамматическую установку, неясны, однако важным, несомненно, является то обстоятельство, что эффекты бытовой письменности соотносятся у него с диалектной морфологией, тогда как наддиалектная грамматика связана со стандартным употреблением еров. Это говорит о том, что по крайней мере для некоторых писцов различные графико-орфографические системы были строго привязаны к разным идиомам (что, возможно, и определило устойчивость неполноразличительных графических систем). В любом случае факты, свидетельствующие о том, что древнерусские писцы и авторы берестяных грамот могли владеть как стандартной, так и бытовой орфографией и применять то одну, то другую в зависимости от установки, говорят, скорее, о системном характере графических эффектов *ъ*=*o*, *ь*=*ε* (и пр.), о том, что использование их на письме было обусловлено определенной традицией бытового

письма (и в данном случае мы склонны полагать, что рассматриваемым графико-орфографическим эффектам все же обучались), и потому наличие в текстах грамот на бересте смешения еров с о и е не обязательно связано с особой орфоэпической дикцией в этот период и особым обучением чтению по складам (как это полагает Б. А. Успенский — см. [Успенский 1997а: 163—164]).

А. А. Зализняк в работе 2002 г. специально рассмотрел проблему «функционирования сосуществующих графических систем». Разбор Зализняка опирается на «следующие три дихотомии»:

«1. В способе чтения письменного текста: письменный текст читается в естественном древнерусском произношении (с различием /ъ/ и /о/, /ь/ и /е/) или в искусственном церковном (книжном) произношении, лишенном фонем /ъ/ и /ь/, которые заменяются соответственно на /о/ и /е/.

2. В способе распределения букв ъ и о (ь и е) на письме: в письменном тексте соблюдается стандартное (соответствующее этимологии и живому древнерусскому произношению) распределение букв ъ и о (ь и е) или представлено их смешение, т. е. те или иные неединичные отклонения от стандартного распределения.

3. В способе обучения грамоте: происходит двустороннее обучение (как чтению, так и письму) или одностороннее — только чтению» [Зализняк 2002: 596—597].

Первая дихотомия отсутствует в концепции Б. А. Успенского, и разбор Зализняка существенно дополняет ее, снимая крайности и очевидные противоречия. В отношении третьей дихотомии представляет интерес другое замечание: «...чистое обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению

(как, например, запрет писать *ьпать* или *ьсть*)» [Зализняк 2002: 599]. Однако очевидным недостатком построений Зализняка является признание а priori существования «искусственного церковного (книжного)» произношения. Как отмечалось выше, обоснование системного характера эффектов бытового письма, несомненно, ослабляет аргументацию А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново, поскольку графические явления, спорадически представленные в книжных текстах, натолкнувшие ученых на мысль об особом церковном чтении еров, оказались системным явлением в бытовых текстах, написанных на бересте. Отметим: сложные построения Б. А. Успенского лишь количественно расширили концепцию Шахматова — Дурново, поэтому просто объяснять появление бытовых графических систем книжным произношением в принципе нельзя — ведь сама идея книжного чтения еров всецело построена на констатациях орфографических явлений вроде бытовых (т. е. особая книжная дикция обосновывается определенным графическим феноменом, потом генезис этого феномена объясняется особой книжной дикцией).

Представляет интерес при этом тот факт, что А. А. Зализняк исключает какую-либо связь графических эффектов смешения еров с *о* и *е* и падения редуцированных. Здесь прежде всего ученый исключает вероятность того, что за смешением на письме могут стоять фонемные колебания, так как фонемные колебания имели место только в отдельных позициях и только в момент утраты редуцированных и, соответственно, написания типа *домо*, *чьть* и пр. не могут отражать фонетических изменений. Это положение Зализняка справедливо (так же как и последующий вывод, что фонетическое изменение само по себе не могло породить «всеобщего (не зависящего от позиции) смешения... букв») только при верности предшествующего утверждения: «В раннедревнерусский период, — пишет Зализняк, — в данной [стандартной. — *И. Л.*] системе основные значения этих букв таковы: *ь* — /ь/, *о* — /о/, *ь* — /'ь/, *е* — /'е/ (после согласной буквы) и /je/ (в начале слога). В позднедревнерусский период: *ь*, *ь* — нуль звука (с указанием соответственно на твердость

или мягкость предшествующей согласной), *o* — /ɔ/ или /ô/ , *e* — то же, что в раннедревнерусском» [Зализняк 2002: 592]. И далее: «Единственный класс случаев, где между буквами *ь* и *o* (соответственно между *ь* и *e*) были возможны фонетически обусловленные колебания, — это этимологические **ь*, **ь* в сильной позиции... в эпоху, когда шел процесс падения и прояснения редуцированных. Во все другие периоды и во всех других случаях фонологическое различие между единицами, выражаемыми (в стандартной графической системе) буквами *o*, *e* и буквами *ь*, *ь*, было совершенно четко» [Там же]. Но с этими утверждениями А. А. Зализняка сложно согласиться: после падения редуцированных существовал довольно продолжительный период, когда графемам *ь* и *ь* могли соответствовать фонемы *o* и *e*. Речь идет о традиционном написании еров в позиции некогда сильных редуцированных. Нет никаких оснований считать, что такие традиционные написания не соответствовали стандартной орфографии. Более того, длительное время такое традиционное употребление еров там, где звучали *o* и *e*, было предпочтительнее для многих (если не большинства) древнерусских книжников. Этот ошибочный, на наш взгляд, тезис обусловил другое, в целом не оправданное, утверждение Зализняка: «В качестве вероятной причины формирования графической системы со смещением *ь* — *o*, *ь* — *e* часто указывают прояснение древнерусских сильных редуцированных. Однако, как уже было показано выше (§ 9), параллельное употребление *ь* и *o* в случаях типа *възьми* или *возьми*, *мьлви* или *молви* и т. п., естественное для зоны прояснения еров в период протекания этого процесса, не могло само по себе превратиться во всеобщее безразличное употребление *ь* и *o* во всех позициях» [Зализняк 2002: 606]. Действительно, если предполагать строгое фонемно-графическое соответствие, можно предположить колебания в употреблении графем только в означенных Зализняком позициях и только в период падения редуцированных. Однако на деле колебания были представлены (будучи вполне нормативными) значительно шире и на большем временном отрезке (такие колебания были обу-

словлены конфликтом между фонетическим и традиционным принципами древнерусской орфографии после падения редуцированных). Нельзя согласиться и со следующим утверждением Зализняка (§ 9): «Вполне естественно, что в период протекания процесса прояснения еров параллельно употреблялись написания *възьми* и *возьми*, *мълви* и *молви*, *гривьнъ* и *гривень*, *чьсть* и *честъ*, *първыи* и *первыи* и т. п., то есть в этой зоне действительно было возможно безразличное употребление *ъ* и *о*, *ь* и *е*. Однако все другие известные примеры аналогичных ситуаций однозначно указывают на то, что подобное безразличное употребление двух букв, ограниченное определенной позицией (или определенным классом словоформ), никоим образом не вызывает всеобщего (не зависящего от позиции) смещения этих букв [подчеркнуто автором. — *И. Л.*]: иначе говоря, отнюдь не происходит забвения того факта, что они соотносятся с разными фонемами. Так, например, в “безграмотном” (т. е. не соблюдающем правил орфографии) русском письме: в безударной позиции постоянно смешиваются *о* и *а*, *е* и *и*; на конце слова смешиваются *д* и *т*, *з* и *с* и т. д.; после шипящих смешиваются *у* и *ю*, *а* и *я*. Однако ни ныне, ни в средневековой письменности нет даже намеков на формирование всеобщего (не зависящего от позиции) безразличного употребления *о* и *а*, или *е* и *и*, или *д* и *т*, или *у* и *ю*» [Зализняк 2002: 592—593]. На наш взгляд, нет оснований ставить в один ряд такие процессы, как позиционное изменение согласных или редукция безударных гласных и падение редуцированных, поскольку последний процесс привел к тому, что две графемы, регулярно (или даже крайне часто) употребляемые на письме, стали избыточными (т. е. фактически они уже не соотносились напрямую ни с какими фонемами), и сохраниться в письменности они могли только получив новое фонетическое соответствие. В условиях, когда древнерусские книжники постоянно наблюдали а) регулярное написание *ъ* и *ь* там, где звучит *о* и *е*, б) колебания на письме между *ъ* и *о*, *ь* и *е* в одной и той же позиции (на месте вокализовавшихся редуцированных), могло и сложиться представление о тождестве этих графем. Так, мы

полагаем, считали все, кто связывал безразличное употребление еров и о, е, представленное также и в книжных текстах, с падением редуцированных (см., к примеру: «...графическое чередование ъ и ь с о и е объясняется также тем, что писец замечал, что очень часто ъ и ь подлинников соответствуют звуки о и е живого языка» [Шахматов 1885: 215]; а также: «Смещение ъ, ь с о, е было следствием перехода звуков ъ, ь при известных звуковых условиях в о, е. Употребление на письме ъ и ь там, где в живом языке существовали уже звуки о, е, повлияло на то, что буквы ъ, ь стали читаться как о, е. Это повело за собой, с одной стороны, употребление букв ъ, ь для изображения звуков о, е; с другой — употребление букв о, е на месте букв ъ, ь» [Шахматов 1903: 64]).

Однако, несомненно, связывать появление бытовых графических систем только с падением редуцированных нельзя, так как эта версия «наталкивается на непреодолимое хронологическое препятствие» [Зализняк 2002: 606]. Тем не менее именно с падением редуцированных (вопреки позиции Зализняка) мы склонны связывать значительный рост числа грамот, отражающих неполноразличительную систему употребления еров [см. Зализняк 2002: 608]³⁵.

Книжное произношение, несомненно, могло бы служить удобным объяснением появления безразличного употребления еров и о, е, их дублетности, в текстах бытовых грамот, если бы не исключительная гипотетичность дан-

³⁵ Здесь, правда, следует учесть другое «хронологическое препятствие», отмеченное А. А. Зализняком: «...почти такую же кривую, как для смещения ъ — о, ь — е, образует смещение њ с е (и ь). Между тем ни в начале XII в., ни в XIII в. никакого смещения фонем /ê/ и /e/ в Новгороде не происходило: эти фонемы прекрасно различались здесь и позже» [Зализняк 2002: 608]. Причины смещения на письме њ и е (ь) не вполне ясны, помимо концепции книжного произношения, несомненно интересной и убедительной нам кажется точка зрения М. Б. Попова. Согласно Попову, после возникновения особой фонемы ô возникла корреляция /ô/ : /o/, /ê/ : /e/, и при этом в одном случае имелись особые графемы для членов оппозиции, а в другом — была лишь одна графема о. В этой ситуации один из возможных вариантов преодоления возникшей асимметрии «заключается в том, чтобы принцип использования графемы о для передачи /ô/ и /o/ перенести по аналогии на њ, в результате чего оказывается возможным написание е =/ê/ и /e/» [Попов 2004: 336].

ной концепции³⁶. Возможность обоснования в наши дни каких-либо «орфо-эпических гипотез», связанных с древнерусским периодом, вообще вызывает сомнение.

Предполагая книжное произношение в качестве причины бытовых графических систем, А. А. Зализняк, вероятно, исходит из того, что эффекты $\text{ь}=\text{o}$, $\text{ь}=\text{e}$ и пр., не соответствуя книжной орфографии, были чужды фонетической системе древнерусского языка. При этом рассуждения Зализняка не совсем последовательны, поскольку сначала он отвергает возможное фонетическое объяснение, а потом предлагает именно фонетическое обоснование появлению смешения еров и букв о, е. Но так ли необходимо для объяснения этого графико-орфографического явления искать фонетическое объяснение? Так, для объяснения феномена одноеровой орфографии на Руси или смешения еров между собой в эпоху второго южнославянского влияния никогда никто не предлагал каких-либо фонетических объяснений (и особого книжного произношения), поскольку очевидно, что подобные графико-орфографические эффекты появились под влиянием распространившихся на Руси в это время южнославянских рукописей. В связи с этим возникает вопрос: можно ли предположить какие-либо собственно графико-орфографические предпосылки появления рассматриваемых эффектов (как это было в случае с одноеровой орфографией)? Мы полагаем, что такие предпосылки могли существовать в западноболгарских текстах, отражавших вокализацию сильных редуцированных, т. е. характеризующихся смешением еров с о, е (и написанием о, е там, где у восточных славян звучали редуцированные гласные звуки). Разумеется, такое смешение должно было ограничиваться определенными позициями, но едва ли такие позиции вполне осознавались как особые фонетические условия восточнославянскими книжниками раннедревнерусского периода. Вполне возможно, что древнерусские книж-

³⁶ По этому поводу хотелось бы процитировать также В. В. Колесова: «мнение о “церковнославянском произношении” несостоятельно хотя бы потому, что оно никогда никем не было обосновано, а просто провозглашалось...» [Колесов 2008: 293].

ники могли обратить внимание на то, что южнославянские «учителя» производят в определенных случаях *o* и *e* там, где пишется *ъ* и *ь* (как это считали А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново), что также способствовало представлению о дублетности соответствующих графем, но то, что это могло породить особое чтение еров во всех позициях, и то, что такая дикция могла просуществовать несколько столетий (вопреки живым восточнославянским говорам, причем в то время, когда другие не соответствующие древнерусской фонетической системе особенности древнеболгарских диалектов стремительно устранялись из церковнославянского языка русского извода раннего письменного периода), представляется крайне сомнительным.

Таким образом, мы полагаем, что эффекты, свойственные бытовому письму в раннедревнерусский период сложились под влиянием южнославянской орфографии, допускающей факультативное употребление в определенных позициях *ъ* и *o*, *ь* и *e* (либо просто отражающей вокализацию сильных редуцированных, что не соответствовало состоянию восточнославянских диалектов этого периода). Именно подобные графические эффекты должны были сформировать представление о возможной дублетности графем *o* и *ъ*, *e* и *ь*. Однако после падения редуцированных на восточнославянской почве сложились новые предпосылки для существования неполноразличительных графических систем со смешением *ъ* и *o*, *ь* и *e*, связанные с традиционным написание еров в позициях прояснившихся редуцированных. (Наши наблюдения над употреблением еров некоторыми писцами Прологов Тип. 165, Тип. 167, как кажется, косвенным образом подтверждают такое предположение.) Мы полагаем, что причины появления эффектов смешения еров с *o* и *e* в древнейший письменный период аналогичны тем условиям, которые сложились после падения редуцированных, с той разницей, что представления о возможной дублетности *ъ* и *o*, *ь* и *e* изначально сложились оттого, что буквы, соответствующие гласным полного образования, могли писаться там, где в ре-

чи восточных славян звучали редуцированные звуки, тогда как после утраты ъ и ь этим представлениям способствовало то, что буквы ъ и ь писались там, где звучали гласные *o* и *e*.

Нашему предположению не противоречит то обстоятельство, что в условиях, когда живые говоры восточных славян способствовали противопоставлению графем ъ и џ, ь и ѣ, бытовая письменность не стремилась к стандартной системе с графическим различием этих букв и строгим (и несложным для носителей древнерусского языка) фонетическим (фонологическим) соответствием. (т. е. выходит, что принципы употребления еров и графем џ и ѣ, усвоенные восточными славянами в результате знакомства с южнославянским текстами, на начальном этапе считавшимися образцовыми, закрепились именно в бытовой письменности, но не в книжной, причем сохранялись даже в то время, когда образцовыми уже считались книги, переписанные на Руси). Даже наоборот, это вполне согласуется с другим установленным и обоснованным А. А. Зализняком фактом, а именно — тем, что в бытовой письменности (по крайней мере отчасти) утверждается манера начертаний букв, представленная в южнославянской письменности, но совершенно не известная в рукописях восточнославянских [Зализняк 2005]. Относительно замкнутая (в своем развитии) графико-орфографическая система с эффектами смешения еров с џ и ѣ и отличной от книжной манерой письма могла сложиться и существовать в условиях противопоставления живого (разговорного) и стандартного (нормированного) книжного узуса наряду с четким (последовательным) противопоставлением диалектной и книжной (или даже просто наддиалектной) грамматических систем, т. е. неполноразличительные графические системы утвердились в рамках строгого (последовательного) разделения действовавших на той или иной территории идиомов.

4.1.2. Эффекты њ=о, њ=є в Прологах Тип. 165, Тип. 167

Примеры смешения графем њ, њ с о, є присутствуют у большинства переписчиков исходного состава Прологов *A, C, E, H, I*. Однако при этом системно эта особенность представлена только у писцов *H* и *C*. Текст, переписанный писцом *I*, слишком незначителен по объему, чтобы говорить с полной уверенностью о влиянии навыков бытового письма (хотя мы не исключаем такую вероятность). У писца *A* и *E* написания о и є на месте еров и обратные примеры — исключения.

Об особенностях употребления еров писцом *A* отчасти уже говорилось, следует указать еще одну черту: в словах с сочетаниями, восходящими к **tьrt* и т. п., преобладают написания еров перед плавными, а не букв, обозначающих звуки полного образования (в обоих Прологах), в остальном употребление еров в корнях соответствует поздней, старорусской орфографии, отразившей прояснение редуцированных (в большинстве случаев) и падение (с факультативным употреблением еров на месте этимологически слабым).

Примеры смешения. Тип. 165. Ъ на месте этимологического *e*: ѡгньви 11а, нашъ служение 12в, тельснаго 12б, жьльѡзь 11а, тельсныа 3б;

Є в соответствии с этимологически слабым њ: праведен|икъ 24г, и до конца любовь 25г, непокорє|ства 33в;

Ъ на месте *o*: мьздѡимцѡ 11г, пилать|ви 14а, сестра папульва 10г;

Ѡ в соответствии с этимологически слабым њ: ѡ чаані | будущихъ блѡго 12а, пр^н|гвождено былъ ѡсть 14б, створило ѡсть 10б, нѡко|то 1а—б, женеско | поль 33а (последние два примера, впрочем, могут быть обусловлены графически).

В Тип. 167 примеров значительно меньше, как, впрочем, меньше и сам объем сохранившегося текста писца *A*: прозутьрь [так!] 107а, о патьрика

106г, въ ю|дино днѣ 103а, сребрь 95б; а также примеры, допускающие графическую интерпретацию: рекъхъ 96а, обо|ядьниа 101в.

Ввиду общего объема текста, переписанного писцом *A*, данное количество примеров незначительно для того, чтобы определить данные особенности влиянием бытового письма.

У писца *I* преобладают написания ь на месте *e*: слугии | жь 97г, арте-мидъ жь 97в, онъ жь 97в, игѣмонъ жь 97в, тѣмъ жь 97в, извода жь 98в, одержашь 98б, о|бачь 98б, прежь | чьсти 98б, сѣго кльонида 97г, явлешьмуса 97в, бывъшь 98г, дондежь | приведь осла 98г, вльчь|ша 98г; а также: тезьи-ме|нитъствова 98б, тьлико же 98б. Как видно из приведенных примеров, прием написания ь в энклитике *же* вполне устойчив, однако дважды она написана с *ε*: образъ же 98б, тьлико же 98б.

У писца *E* примеры смешения исключительно редки: Тип. 165 — гнѣво бѣи 91а; а также менее показательные примеры: ѿбрѣтохо 92а (возможно, под влиянием предшествующего *о*), пропоръвшу 92а (ср. исконную форму: *пропоръшу*), во|ратомъ 95а; Тип. 167: съ|трашенаго 31а, ма|тьрь (вм.: матери) 38в; и примеры конца строки: в пустоше|ныхъ 37г, вчераше|немь 37б (возможно, эффект графического предвосхищения); а также вставное *о* в конце строки: да со|мотрить 32а, обо|рѣтеса 36а.

Употребление еров писцами *C* и *H* требует более детального рассмотрения.

4.1.2.1. Ошибки писцов *H* и *C*. Техника письма

Механические (технические) ошибки писцов, на наш взгляд, не представляют особого лингвистического интереса, тем не менее в данном случае кажется целесообразным обратить на них внимание, поскольку этот материал может быть существенным при рассмотрении вопросов орфографической техники писцов, позволит сформулировать корректные выводы о причинах появления тех или иных графико-орфографических эффектов в тексте.

Ошибки писцов нам интересны, так как позволяют пролить свет на технику переписывания, уточнить профессиональные умения писца. Среди типичных ошибок писца *H* можно отметить следующие. Явления гаплографии и просто пропуски слогов, слов: добра[го упра]жнения 50в; 200а³⁷, ту бѣ | въсточныи во[ievo]да 55а, 203а, многи[я хи]|трости 61г, 208г, ра[до]сть 50г. Не менее интересны случайные вставки, сделанные писцом *H*: не храни ѿго невидимо ѿще ли тѣ | {не вимо} възможно 58а (не храни ѿго невидимо и аще ти възможно | Син. 248, 203г); и ѿ невнимани|я запенъси ѿ невни|маниа зашедъ в пу|сто мѣсто 50г (в Син. 248: и ѿ невниманиа за|пенъи шедъ в пусто мѣсто 200а; в ПрЮр: и ѿ невъ|ниманиа запенъси вше^д || в пусто мѣсто 257б—в). Ошибки эти интересны тем, что позволяют вполне определенно описать, как они появились: переписчик перескочил на верхнюю строку, а потом обнаружил это. Детально рассмотрим последний пример: писец пишет и ѿ невниманиа запенъси, затем перескакивает на верхнюю строку и снова пишет и ѿ невниманиа за, потом обнаруживает свою оплошность и пишет шедъ и т. д. (таким образом и появляется форма *зашедъ*). Выделим еще некоторые искажения текста; например, фраза: и си слышавъ иде ѿ антиѡхиа | в иерл^смъ с панкратыѣ^м видѣтъ | ѿго Син. 248, 207в — в Тип. 167 выглядит следующим образом: и слышавъ ѿ|иде во антиѡхию | с панкратыѣмъ | в иерл^смѣ [так!] видеть | ѿго 59в; или еще пример — фразе: и тогда изгубъ|леную не стане^т имъ помагаа | житью Син. 248, 204а (в ПрЮр то же) — соответствует: и тогда | зблуденую не ѡста|неть помагаа имъ | Тип. 167, 58в. Интересно, что вместо слова *изгубленую* появляется *зблуденое*, не неожиданное в Слове к богатым о милостыне (св. Ефрема), но искажающее фразу. Помимо пропусков немало примеров удвоения или даже утроения слогов, слов: чюдесадеса ство|ривъ 73а, ѿ члѣвкъ ѿ члѣвкъ ѿгна|ни 78б, и ѿ негоже стояше сто|яше стояше столпъ | ѡгнень 55а. Вероятно, графической ассимиляцией можно объяснить

³⁷ Фрагменты текста восстановлены по Син. 248. В скобках первым дается номер листа в Тип. 167, вторым — в Син. 248.

примеры *баже жена* 63в, *ва амасию* 72а, *веземши* 56в, однако они неоднозначны и не так наглядны, как у писца С.

Гаплография и просто пропуск слогов, слов и отрывков фразы достаточно часто встречается в тексте писца С, например: в пуст[омь семь мѣст]ѣ Тип. 165, 68в; Тип. 164, 160б³⁸ (здесь, возможно, изначально было: *пустъ... мѣсть*), въ у[тро] хоташима Тип. 165, 68а; 159г, молаше[са г^сви] ^{снцѣ} гла Тип. 165, 67в; 159б. Некоторые искажения текста отражают попытки не совсем удачные осмыслить, быть может, непонятный текст, например, словосочетание *и на ѡземствова|нью послаша* Тип. 164, 162г в Тип. 165 выглядит *и на ѡзиместо| во послаша* 70б; или *хоташе зо|ль бытии и съсуду в немь бытии непри|язнину* Тип. 164, 160б выглядит следующим образом: *хоташе бытии| в немь съсудь непри|язньнь* Тип. 165, 68в. В текстах, переписанных писцом С, имеется ряд примеров, которые можно охарактеризовать как примеры графической ассимиляции: *музду* Тип. 165, 68б, *всѣмъ* даруа (ѣ исправлено из ю) Тип. 165, 69в, *поста|шиша* Тип. 165, 70б, *сѣбѣ* (вм. собѣ) Тип. 165, 70в, *на | ту же вуру* Тип. 165, 75в, *в пама|ть* Тип. 165, 76а, *мала|шьса* Тип. 165, 77в (молашеса Тип. 164, 176а), *покланате|са* Тип. 165, 80г, *добрѣдѣ^{те}ль* Тип. 167, 86г, *крѣль* Тип. 167, 90б.

Большинство подобных примеров выявляют не вполне надежную технику переписывания: переписчик копирует оригинал, порой не вникая в содержание переписываемого, часто опознает и воспроизводит лишь знакомые слова, а не осмысленные фразы.

Нельзя не отметить еще одну «аномалию» текста, переписанного писцом С, а именно, обилие вставных н и о (о встречается только после гласных или между словами, поэтому писец обозначает ее особым образом — или ѿ, или о-широкое (редко), или особое о с ресничками внутри — две последние графемы мы будем обозначать полужирным о). Приведем сначала примеры вставных о.

³⁸ В данном примере и в последующих текст восстановлен по Тип. 164.

Тип. 165: р^че акимъ къ жесѡ|нѣ своѣи 67б, всеа доѡбродетели 67в, коо|муже 68г, оушима тажѡ|ко оуслышаша 69г, ноѡ | злѣ стража 70б, поо|мышляюще 72в, по ѡ | крѣцнѣи 75в, всемъ о | ср^дцмъ 75в, везьо|ша 76а, оувѡда|въже 77г, ларивоноо|мъ 78б, цѣлоѡ|мудрена 79г, скоо|чи 81б, побѣенъ о | бы^с 83г, стоо|лпа 83г, поолено 83г, оулась о | въ диосполѣ градѣ 78в.

Тип. 167: проо|взутера 87в, проо|слависѡ 89б, моео|мо 89б, в по-поо|вьскоѣи одежи 89в, дѣлоо|мъ 90в, ѿ пустоѡ|шнаго 90в, ѿ гоо|ркиа 89г, и си поовѣ|даю вамъ 90а, поо|слѣднѡа 90б, хоо|жу 92а, видѣхоѡ|мъ 93б.

Пример икоо|борцамъ Тип. 167, 86в заслуживает особого рассмотрения — переписчик пропустил н, но при этом написал о, используемое только после гласных.

Появление вставных н в свое время отмечали Н. М. Каринский в псковских рукописях [Каринский 1909: 33—34] и Л. Л. Васильев в Вологодском Евангелии XVI в. [Васильев 1905: 242—244]. Однако очевидно, что видеть в этом какую-либо диалектную особенность, или даже просто региональную орфографическую особенность, нет никаких оснований. Большинство примеров удвоения н — в конце строки, но есть примеры написаний вставного н после других букв (всегда гласных, как и о).

Тип. 165: жиш|тиѣ наше 67а, виш|диши 69а, филиш|моно 69б, разбои-ниш|ци 72б, приш|ходи 74в, к ниш|мъ 75б, вспомѡи|нувоше 75б, прилѣпш|тисѡ 75в, оужасающш|мсѡ 76г, володиш|миръ 78а, създатш| црѣвь 78а, створиш|празникъ 78б, приш|ятъ 79в, неш|милостиваго 80а.

Тип. 167: приш|шедьшу 87б, лиш|шаются 89г, приш|ступль 89г, на служеньш|е 91г, къ хш|жи 91г, книш|ги 93а, а также пример *рассышпаша|сѡ* 89г, где слово разорвано дырой в листе.

Оставшиеся примеры не связаны с концом строки. Многие из них с двойным и: пишцю Тип. 165, 67г, требованише во|земъ Тип. 165, 70в—г, възде|ржаншнемъ Тип. 165, 71а, патришарху Тип. 165, 74а, мнишсѣ Тип. 167, 89б, исполо|нишшасѡ книш|ги Тип. 167, 93а, обращающшхьсѡ Тип. 165, 83г,

призываю|щихъ Тип. 165, 83г (впрочем, последние два примера могут быть интерпретированы как нестяженные формы).

Ряд примеров демонстрирует написание *н* между словами: и само *и* велици бы|ти Тип. 165, 70а, страхъ *и* бѣи Тип. 165, 78г, ѿ семь прп^дбнѣмь | *и* акакии Тип. 165, 79г, в вертпѣ *и*| моємь Тип. 167, 89б, всею *и* | мыслью Тип. 167, 93б — некоторые из них также связаны с концом строки.

Некоторые примеры можно было бы истолковать как дополнительное обозначение йотации: на своиа блевотины Тип. 165, 75в, къ брати|е своиеи Тип. 165, 76г, васильи^а Тип. 167, 85г. К ним можно присоединить два уже отмеченных примера, связанных с концом строки: прии|ять Тип. 165, 79в, на служеньи|е Тип. 167, 91г; а также два, в которых удвоение *н* совпадает с наличием йота: требовани^ие во|земь Тип. 165, 70в—г, възде|ржани^иемь Тип. 165, 71а. Однако примеров для такого истолкования слишком мало.

Вполне возможно, появление вставных *о* и *н* связано с особенностями внутреннего диктанта (в чем именно должна заключаться эта специфика, мы пока однозначно решить не можем). Такое объяснение напрашивается, если рассмотреть пример *икоо|борцамь*, так как, пропустив *н*, писец не замечает этого, зато замечает, что очередному *о* предшествует гласный. Т. е. во время диктовки слова по буквам или по слогам переписчик не всегда сверяет написанное с общим фонетическим обликом слова. Однако очевидно, что далеко не все примеры допускают такое объяснение (см., к примеру, *оувьода|въ же*).

4.1.2.2. Употребление еров писцом С

Утрата слабых редуцированных в орфографии писца отражена последовательно. Еры на месте слабых редуцированных опускаются как на стыке морфем, так и в конце лексемы при наличии энклитик (так как подобные примеры если не доминируют, то, по крайней мере, составляют половину написаний слов с энклитиками, примеры мы приводить не станем). Важно от-

метить, что написание еров, соответствующих прояснившимся редуцированным, в определенных позициях тяготеет к этимологически правильному. Примером тому может служить написание слов с суффиксом *-ьц-*. Можно отметить лишь несколько примеров написания этого суффикса с *e*: черне|ць Тип. 165, 68а, ѿ черне|це Тип. 165, 80б, чернець Тип. 165, 79а (все примеры нельзя признать надежными, так как они могут быть обусловлены графически); отдельно можно также привести пример: наконець Тип. 167, 85г. Несколько сложнее обстоит дело с употреблением слов с суффиксами *-ьн-*, *-ен-* прилагательных, причастий. При преобладании этимологически правильных написаний «ошибок» все же значительно больше: повѣ|шьнь Тип. 165, 82а, цѣлоѡ|мудрена Тип. 165, 79г, затворьнь Тип. 167, 81а, 86в, славень Тип. 165, 81а, страшень Тип. 165, 77а; и менее надежные примеры, связанные с концом строки: славе|нь Тип. 165, 76в, подобе|нь Тип. 167, 86б. В этимологически слабой позиции *ь* в суффиксах прилагательных чаще всего опускается, при этом можно отметить написания: мирьны|мь Тип. 165, 77б, не красьны Тип. 167, 86б (рядом: красны Тип. 167, 86б), трубь|ньмь Тип. 165, 81в.

Вставные *o*, *e*, *ъ*, *ь* в орфографии писца. Подобных примеров немало, но большинство из них связано с приемом переноса, в соответствии с которым строка не должна заканчиваться на согласный. Писец последовательно соблюдает это правило: перьсь|кыхъ Тип. 165, 79в, возь|любихъ Тип. 165, 72в, костань|тинъ Тип. 165, 76б, ань|гильскыи Тип. 167, 85б, ѿшесь|твию Тип. 165, 76в, възь|бнувша Тип. 165, 83в, в коро|сунъ Тип. 165, 6а, томе|лениемъ Тип. 165, 81б, разо|лучити Тип. 165, 73в, сто|роганъ Тип. 167, 88в, ѡчьсо|кыи (иночьскыи) Тип. 167, 91г. Примеров, не связанных с переносом, крайне мало: поколонитса 74а, оумерьль 80а, петърь 81а, ѡставолеше Тип. 165, 69г.

Написание слов, восходящих к сочетаниям типа **tъ(b)rt*, **tъ(b)lt*. Учитывая эффекты смешения еров с буквами *o* и *e*, а также наличие редких примеров вставных *ъ*, *ь*, *o*, *e*, крайне сложно однознач-

но интерпретировать некоторые примеры написаний подобных сочетаний. В большинстве случаев мы видим стандартное для позднерусской книжности написание слов с прояснившимися редуцированными: первыи Тип. 165, 68б, исполне|ны Тип. 167, 85в, смердащему Тип. 165, 72в, оутвержени|е Тип. 167, 85б, по|меркнетъ Тип. 165, 73б, держа Тип. 167, 92в, во|молчании 88г. Можно отметить редкие сочетания с ерем: мързка Тип. 165, 69г, по смь|рти Тип. 165, 82в, тьрни|е Тип. 165, 83б. Наряду со стандартными написаниями встречаются «нестандартные»: въздержа|ниемъ Тип. 165, 71б; но рядом: възде|ржанииемъ Тип. 165, 71а, перьстьни Тип. 167, 86а, безмолоству|ющи Тип. 165, 74в, доложе|ни Тип. 165, 75в—г, пе|рвоею Тип. 165, 82а при преобладании стандартного написания, бесмь|рътною Тип. 167, 85б, в по|лъкъ Тип. 167, 92г, безъ|мольствуя Тип. 167, 92б, ѿверъзи Тип. 167, 87г, ѿверъсти Тип. 167, 88а. Примеры конца строки нельзя признать надежными, тем не менее отметим их: перь|ви днѣ Тип. 165, 67г, въвере|же Тип. 165, 67г, горо|ди Тип. 165, 70а, в торо|гу Тип. 165, 78б, перь|выя Тип. 167, 86а, испо|лнишасѧ Тип. 167, 93а (исполне|ны Тип. 167, 85в).

Смешение еров с буквами о и е. Для второй половины XIV в., когда редуцированных звуков в живой речи уже не существовало, смешение этих графем может интересовать нас в следующих позициях: на месте этимологически слабых редуцированных и на месте исконных о и е.

Написание о на месте слабого ъ. В позиции конца слова (Тип. 165): завергъхо 68б, сты филии|моно 69б, ѿве|рзо 70в, на|зыка 71б, живото 71в, оумо 67б, дошьло бѣ м. р. 68б, ѿ бѣсово 77в, ѿно м. р. 79а, лѣ|ниво м. р. 79г, по|мозѣмо 82б, онѣмо 82б, поминахо 83в, оуже|мо 83г; внутри слов или в конце при наличие энклитик: потомо же 71в, всѣдоша 76б (всѣдѣша Тип. 164, 172в), оно же м. р. 79г, сладока 69г, ветохаго 67г, вспомѧи|нувоше 75б.

Отдельно приведем примеры конца строки: вземо|ше 76б, тѣмо|же 80в, нѣко|тъ 75а, ало|чеши 69а, преже начено|шихъ 83а, познаво|ша 83в.

В Тип. 167 почти все примеры связаны с позицией конца слова: *страхо* 85б, *створило* 87г, *ѡно* 87г, *придохо* 88а, *хотехо* 88а, *оно* 87а, *постомо* и *бдѣниемъ* 89б, *излѣзохо* 89б, *не възмогохо* 89в, *помышлахо* 89в, *быхо* 89в, *моюо|мо* 89б, *падохо* 89г, *азъ же здраво есмь* 93а, *видѣхо* 93б; также: *вози-ма|ше* 88г.

В конце строки: *седо | в постѣхъ* 85г, *до|ва* 87г, *постиво|шеса* 86в.

Приводим также некоторые примеры написания *о* в префиксах и предлогах. Часть этих примеров также связана с концом строки: *исо|полненъ* Тип. 165, 67в, *предо|стоящимъ* Тип. 165, 76г, *во | темницу* Тип. 165, 72а, *во|верже бы^с* Тип. 165, 80г (*въвержень бы^с*), *во | молчании* Тип. 167, 88г, *иде во | домо* Тип. 167, 87в, *во | неи* Тип. 167, 88а. Примеры, не связанные с концом строки: *сотворю* Тип. 165, 78б, *воземъ* Тип. 165, 67г, *подо сѣнью* Тип. 165, 68а, *воспять* Тип. 165, 68г, *во келосонѣхъ* Тип. 165, 69б, *во ц^рство* Тип. 167, 86в.

Написание *ъ* на месте исконного *о*. Тип. 165: *ѡхъде|никъ* 67в, *за|вергъхо* 68б, *завергъхъ* 68б, *ѡбѣщахъвъ|са* 67б, *нѣко|тъ* 75а, *прихъдить* 75в, *многъ* 74в, *какъ* 74г, *живѣтъ* 74г, *ѡве|ргъхъ* 72в, *ѡвергъхъ* 72в — дважды *ѡвергохъ* 73а, *служі|хъмъ* 78в—г, *котърому* 81б.

Тип. 167: *плакахъ|мса* 85г, *со| многю ч^стью* 87а, *прозвутьръвъ* 87в, *сирѣтъ* 91г, *чу|дѣтворца* 86г.

Написание *ѣ* на месте этимологически слабых *ь*. Тип. 167, внутри слова: *велѣми* 90б, *служѣбу* 87г, *правѣдено* 93в, *та|жекаѡ* 88г; в конце слова: *ноще* 91г, *муже* 85г, *повѣже ми* 87г; в конце строки: *оуме|роша* 89г, *ме|нѣ* 87б.

Тип. 165, внутри слова: *служѣбы* 78в, *комужедо* 82а, *нуженую* 83б, *ко|гожедо* 83в; в конце слова: *нарицаю|те* 83г, *повѣже* 68б, *даже ми* 67в, *муже* 68в, *немоще* 69в, *потечете* 3 ед. прост. буд. 73б, *черньце* 67в, *вседоша в | ко-рабле* В. ед. 76б, *вложиша во | корабле* В. ед. 76б, *кrove* В. ед. 78в, *пеще* 80г, *ѡ черне|це* 80б, *мечеме* 80г, *·ї· поприще* 82а, *положень будете |* 82б, *даютѣ*

82г; в конце строки: веле|ми 67—68, ѿхъде|никъ 67в, погиле|нетъ 68в, до-не|деже 70б, таже|ка 69в, грѣше|никы 71а, вѣче|ну жизнь 71а, блуде|ници 73а, страше|ни 73а, горе|каго 72а, земе|ла 78а, че|таше 79б, по ве|са дни 79г, кле-вете|ници 80б, ве|са дѣи 80б, покланате|са (=поклонаться) 80г, доне|дѣже 82а, трепете|нѣмъ 82а, недруже|нымъ 82г, о грѣше|ныхъ 82г, прилѣже|но 83а.

Написание ь на месте исконного е (или традиционного, как в первом примере). Тип. 165: о пръславнемъ ро|жестве 67б, тачь сѣдащима има 68а, старчь 68б, живѣть 68б, нь требуютъ 69в, накожь ре^ч 69в, на юрѣти|ки 71в, юрѣтика 75в, в той жь 75б, ѿканъ 3в. 78г (в данном случае, возможно, переписчик не дописал последний слог), предь|тъкуть 79б, мала|шьса [так!] 77в, властьльскою 78б, фьѿдосы 79б, очь 3в. 80а, ѿка|ннь 79б.

Тип. 167: ѿконць мало 88г, прозвутьръвь 87в, тельса 89в, николижь ѿлучи|са 85а.

Ряд приведенных примеров можно объяснить графической ассимиляцией, например: *живото, потому же, завергъхъ, велеможа, мечеме*. Однако большинство примеров (в том числе *за|вергъхо, нѣко|тъ, чернѣце*) свидетельствуют об устойчивости навыков графической мены еров и о и є.

4.1.2.3. Употребление еров писцом Н

Пропуск еров на месте этимологически слабых редуцированных обычен для орфографии переписчика. В причастиях с суффиксом *-ен-* почти всегда пишется є, и лишь как случайное отступление от общей закономерности встречаются примеры типа *оустѣчны* 63б. В суффиксах прилагательных можно найти є и ь: *праведьнъ* 47а, но *непорочень* 47а. Существительные с суффиксом *-ьц-*, довольно часто встречающиеся в тексте, могут писаться с ь и є. Вероятно, эта позиция для писца допускает вариативность, к примеру, слово *старецъ* на листе 62 встречается пятнадцать раз, при этом восемь раз оно написано с є и семь — с ь.

Примеров вставных еров, о или є крайне мало. Переписчик не соблюдает правила конца строки, так как строка нередко заканчивается согласным. Тем не менее, именно с концом строки связаны примеры вставных є: крѣтъяньсе|кии 61а, косе|мѣ 62б.

Написание слов, восходящих к сочетаниям типа **tъ(b)rt*, **tъ(b)lt*. В тексте преобладает стандартное старорусское написание слов с рефлексамии данных сочетаний. Как исключения из общей закономерности отметим: безмольствова 49б (но *безмолью* 50в), толькнувшемъ 51а, пересты 65г (а также с ъ: перѣстовъ 83в), деръ|зновъные 71а (конец строки, на 71в: з *дерзновеньемъ*), свере|ши 54а (также конец строки).

Эффекты смешения еров с буквами о и є. Написание о на месте этимологически слабого ъ. Почти все примеры конца слова: печалено 48в, мудро 49а, гѣмоно 49в, заточиво 49г, прибѣгохо 51б, свѣтл|льникъ свѣтло гора|ще 52а, чрепо 52б, многымо 54а, хлѣбо 54а, дѣлехо 54б, трудомо моимъ (возможно, под влиянием последующего слова) 55б, придохо 56г, грѣхово 58в, наоучено 59б, кифоро (Никифоръ) 59б, никифоро 59б, дѣломо 61а, блуднико 61в, єдино 62а, гѣмоно 62а, дьяволо 62б, ято 63б, обнажихо 64в, видѣхо сѧ 64г, тѣхо 64г, остригохо 65а, гробо 65а, облекохо 65б, пришедо 65г, градо 65г, мнихъмо 66в, бьно (быень) 69в, свитоко 70в, поясо 70в, про|чето 70г, федоро 71г, крѣпъко м. р. 73а, скорохо (скоморохъ) 79в, и се реко| 80б, єфроси|но 80б, ·г·хо 81б; также мо|нога 78б, не до-волѣеть 70б (в последнем примере о на месте этимологического ъ).

В префиксах и предлогах: во монастырь 48в, возиде 48в, во молчании 48г, ко словеси 60в.

Отдельно можно привести примеры конца строки: пото|щисѧ 82в, то|щету 69в, быво|ше 62а, крѣпо|ко 62а, во | молчании 48г, само | же 67б.

В данном случае примеры написаний о на месте ъ в конце слова доминируют абсолютно — все примеры появления о на месте этимологически слабого ъ внутри слов связаны с концом строки.

Написание *ъ* на месте исконного *о*: сидъръ 49а, гѣмъно (регулярное в Прологе написание слова *игемонъ*) 49в, никълу 50б, в кѣстантинь | градъ 50б, въ патъю 52г, мѣисѣ|ѡвъ 56а, мѣ|лаше 57в, неиздаемъ ср. р. 58б, за не|мѣще мѣю 60г, драгъю 60в, извѣдаемъ ср. р. 60в, вѣтъ|рою 61а, негоднѣ 62в, дѣавѣ|ль 62в, тѣ вм. то 63а, ли|хѣимецъ 64а, въ мѣнастырь 70а, хѣта 70б, ктѣ 71а, мимъ 72а, якѣвъ 74в, якоже рѣенъ бы^с 74в, прибѣгъша аор. 74г, мѣи 75а, кѣ|нець 83в, мѣнать|и 81а, дѣбронравенъ 82а, закѣнъ 82б, хѣ|тащаго 82в.

Написание *ѣ* на месте этимологически слабых *ь*, в конце слов: стареце 48в, пеще ѡгньну 48б, ·ĭ· тысяще 49б, свѣт|лникъ свѣтло гора|ще 52а, яко | делателе тѣ ѣп^сь бѣ|ше 55а, муже 55б, 79в, мысле 56в, да пр|детъ сѣмо цѣре 57в, немѣще 59г, стареце 62в, повѣже 64а, гробо съ обще будетъ 65а, въ тѣ дѣе 69а, но|ще 72а, ра|зумѣюте 72б, оцѣ наше 72в, оцѣе наше 73г, оцѣе наше 75б, авеле 74в, ноше 76г — дважды, 77в, оцѣ на|ше 78в—г, 84а, ноше 81в, иоань|кѣтителе 81в, путе 82б, не жи|витъ но губите младенца 82г, аще ѣсте аще пѣють 83а, бѣе ваше 84а, помощи 84б; внутри слов: сѣнецю 52г, колесеници 56а. У писца *Н* буква *ѣ* появляется на месте вторичного *ь* (в позиции исконного напряженного редуцированного *и*): деаволе 63б, грѣшенею 64г, деавола 72а, зѣлею (=зелье) 80б, бла|гословльнею 81в, но|щею 72а, звѣрею 63б, не точею 75в.

Отдельно примеры конца строки: полуде|не 55а, грѣше|ника 68а, ме-не|шаго 69б, ме|нихъ 69а, безбоже|нии 70а, желѣзе|ны 70а, в верте|пѣ 74а. безбоже|нии 70а, о ѣдиноме | же беседуемъ 65г, по|читаю не смущаете|са 3 ед. наст. 70в.

Написание *ь* на месте *е*: дрѣ|во 48а, нѣ точыю 49б, не можѣши 48в, ѣрьсь 49г, ижѣ 51б, родить|ла 53г, ѡбращѣть 53г, пламѣнь 54а, добродѣтьль 55г, изидѣ 57г, патърика 57г, матѣжѣ 58в, имѣни 59в, ѣтьрь 59г, прозвуч|тьрь 61г, дѣтьли 61г, жѣнь 61г, живашѣ 62а, впадѣ 64г, бѣе нашѣ 65а (бѣе нашему — сокращение в конце статей), имашѣ имп. 66а, погублешѣ 66в, пальстиньск|ина 66г, камѣнь 67б, имѣашѣть 69а, лицѣ 69а, патъ|рика 69а, сицѣ

70б, ашь 71а, о|брацьши 71а, ьетьрѣ 71а, ьетьри 71б, пьчальми 75а, родителью 76в, очь | мои 78а, хранитель 78в, собь Р. ед. 80б, зьлею 80б.

Отличие орфографических навыков писца *H* от *C* незначительно, но некоторые из них следует отметить. Во-первых, надежные примеры написаний *o* на месте этимологически слабого *ь* связаны только с концом слова. Объясняется это тем, что переписчик вообще редко пишет *er* на месте слабых редуцированных внутри слов. Во-вторых, некоторые позиции, связанные с прояснившимися редуцированными, могут быть вариативны. Объяснить это можно разными причинами, но мы полагаем, что вариативность вполне допускалась орфографической нормой.

4.1.3. Некоторые обобщения

Обобщая изложенный выше материал, важно отметить следующее: у обоих писцов написания, не связанные с отклонениями от стандартного употребления *erov* в рассматриваемых позициях, все же преобладают, соответственно, нет оснований говорить, что писцы вообще не придерживались каких-либо правил. Важным, на наш взгляд, является то, что в графико-орфографических идиосистемах некоторых писцов (*A* и *C*) наблюдаются очевидные орфографические предпочтения (принципы), связанные с традиционным употреблением *ь* (*C* предпочитал писать *ь* в суффиксе *-ьц-* и различал суффиксы прилагательных и причастий *-ьн-* и *-ен-*; *A* последовательно старался писать с *erem* корни слов, восходящие к сочетаниям типа **tbrt*). Эти предпочтения не случайны, поскольку такие написания господствовали в книжных текстах на протяжении длительного периода и после утраты редуцированных. Эти закономерности, на наш взгляд, косвенным образом свидетельствуют о том, что традиционная орфография, предписывавшая долгое время и после утраты редуцированных фонем писать *ь* и *ь* там, где в живой речи уже звучали *o* и *e*, по крайней мере отчасти является причиной длитель-

ного существования и распространения неполноразличительных графических систем в древнерусский период.

4.2. Орфографическая техника употребления еров писцом *B*

4.2.1. Общие замечания по орфографии писца *B*

Текст, переписанный писцом *B*, вполне вероятно, восходит к одному антиграфу (или антиграфам с особенностями А-І). Об этом мы можем судить не столько на основании особенностей его орфографии, сколько на основании орфографии сменявших его писцов (*C* и *E* в Тип. 165 и Тип. 167 соответственно)³⁹. Писец последовательно старается различать формы Д. мн. и Т. ед. существительных муж. и ср. рода, а также писать *ь* в формах на *-мь*⁴⁰. После шипящих последовательно пишется *ю* (*у* встречается единожды: *нужу* (Тип. 167, 22г), *н*, *ь*. В отличие от других переписчиков Прологов, писец *B* почти всегда в исконных сочетаниях *кы*, *гы*, *хы* пишет *и* (единственный пример с *ы*: *ѡко|мь кроткымь 54б*)⁴¹.

4.2.2. Закономерности употребления еров

В отличие от своих менее квалифицированных коллег писец *B* последовательно пишет *о* и *є* там, где они звучат в живой речи. Графема *ь* для него, вероятно, не несет фонетического значения; *ь*, как правило, указывает на мягкость предшествующего согласного (однако такое обозначение мягкости не является обязательным: *молбою* Тип. 165 36б, *сут же 39а*, *ползы* Тип. 167 7г) и выполняет т. н. разделительную функцию, причем не только на месте

³⁹ Однако еще раз отметим: как сменял почерк писца *B* следующий за ним почерк (*E*) в Тип. 167, мы можем только предполагать.

⁴⁰ При этом очевиден тот факт, что в говоре писца конечный *м'* уже отвердел, так как немало и ошибочных написаний.

⁴¹ Орфографическая техника других писцов допускает вариативность употребления *н/ы*. В некоторых позициях (морфологизированных) *ы* пишется вполне последовательно (например, во флексиях *-ыла*). В корнях преобладает написание *н* (но и *ы* не исключение).

исконного сочетания *ьj*, но и в предлогах/приставках перед графемами *ѣ*, *ѥ*, *н* (на месте исконного *ь*): *въ ѥ|гуптѣ* Тип. 165 64б, *съ ѣ|ростью* 65б, *къ ѥвдокси|и* 55б, *съимъ | монатью* Тип. 167 5в.

Употребление еров писцом *B* отвечает следующим закономерностям:

1. Еры, соответствующие этимологически слабым редуцированным, ставятся в позиции конца фонетического слова (если слово заканчивается согласным) и при последовательности из трех и более согласных: *предѣста* Тип. 165, 39б, *въпрошени* Тип. 165, 40а, *льсти* Тип. 165, 56г, *къ братьи* Тип. 165, 58б, *прельсти* Сущ. В. мн. Тип. 165, 65б, *мьздѣ* Тип. 167, 2б, *въ сло|во* Тип. 167, 8г, *дѣски* Тип. 167, 13г, *къ бла|женому* Тип. 167, 15а, *подъ властью* Тип. 167, 16г, *мьздоимь|ци* Тип. 167, 19б; но при этом: *сочтати* Тип. 165, 37б, *взидоста* Тип. 165, 42а, *в руцѣ* Тип. 165, 50а, *тмами* Тип. 165, 52в, *свѣсть* Тип. 167, 1г, *прелщають* Тип. 167, 9а, *сборѣ* Тип. 167, 4б — дважды, *ползы* Тип. 167, 7г, *оумвенья* Тип. 167, 13б, *к галато|мь* Тип. 167, 19в; *сволкъше* Тип. 165, 37в, *ввергыши|мь* Тип. 165, 38б, *ѡ черньци* Тип. 165, 51а, *вертыпа* Тип. 167, 6б, *ѡторгьса* Тип. 167, 15в. Сформулированная закономерность соответствует позиции современного исследователя и не является правилом, которым мог руководствоваться писец, так как «сильных» и «слабых» позиций редуцированных для книжника XIV в. не существовало. Потенциальные позиции постановки соответствующих графем определялись для него традицией и в большинстве случаев были мотивированы морфемным членением словоформ. Этимологически сильные редуцированные, как отмечалось выше, всегда обозначены графемами *о* и *ѣ*: *вънѣць* Тип. 165, 59б, *лесть* Тип. 165, 59б, *во нже* Тип. 167, 2б, *жидовескъ* Тип. 167, 9г, *возвавѣ* Тип. 167, 1б и пр. Особого внимания заслуживают примеры употребления предлогов со словом *ц^срь* и его производными (в большинстве случаев написанными под титлом). Так, последовательно в предлоге мы видим *о* перед лексемами *царь*, *царица* и *царевичь* (то, что корень был представлен именно в таком виде, подтверждают примеры с разрывом этого слова при переносе:

ца|ра Тип. 165, 43в, и ца|ра Тип. 167, 9г): ко цр̑ви Тип. 165, 55г, ко цр̑вчю Тип. 165, 55г, со цр̑цею Тип. 165, 57б, ко цр̑ви Тип. 165, 65б, ко цр̑ю Тип. 165, 64г, ко цр̑ви Тип. 167, 16а. Интересно, что перед другими производными словами в предлоге пишется ъ: въ цр̑вѹ ризницу Тип. 165, 44а, къ цр̑ву снѹ, Тип. 165, 61в, въ цр̑ь|скую ѡдѣжю Тип. 165, 65г, въ цр̑ьградѣ Тип. 165, 52б, въ цр̑тво Тип. 165, 44а, въ цр̑тво Тип. 165, 44а, въ цр̑ь|ство Тип. 165, 56г, въ цр̑тво Тип. 167, 16а, въ цр̑тво Тип. 167, 16а. Такое упорядоченное употребление предлогов с ъ и ѡ в идиосистеме писца является не вполне ясным, однако очевидно, что это должно быть связано с различными вариантами облика корня данной лексемы уже в раннедревнерусский период (*црь/е/ьсар-*), к тому же *цар-* не очень похож на те корни, перед которыми предлоги характеризуются вокализовавшимся ером.

Этим же принципом (зависимостью от числа последующих согласных) объясняется регулярное написание ера в приставке *въз-*: възложи Тип. 165, 37а, възпомѡ|нути Тип. 165, 38в, възхищенья Тип. 165, 54а, възкочивше Тип. 167, 2в, въздати Тип. 167, 2г, възмо|же Тип. 167, 8а. Перед последующим гласным эта приставка никогда не содержит ъ: взидоста Тип. 165, 42а, взиде же Тип. 165, 51а, взиде Тип. 165, 57в, взиде Тип. 165, 57в, взѡ Тип. 165, 63в, взови Тип. 167, 1б, взѡ|тъ Тип. 167, 4г, взити Тип. 167, 6б, взиде Тип. 167, 17б, взопьеть Тип. 167, 18г; перед слогом с утраченным редуцированным закономерно ѡ: во|зметь Тип. 165, 49б, возва Тип. 165, 60б, возвавѣ Тип. 167, 1б, возмутъ Тип. 167, 11в, воспи Тип. 167, 11г.

Ъ на месте ожидаемого ѡ мы встречаем лишь в следующих случаях:

1) в формах И., В. ед. м. р. местоимения *тъ* Тип. 165, 40б, 47г, Тип. 167, 1в (такие традиционные написания значительно преобладают над написаниями с ѡ);

2) в следующих примерах: възрѣ|въ же Тип. 165, 58в, възрѣвъ Тип. 167, 5г, възбънув же Тип. 167, 8б, възрѣвъ Тип. 167, 15а.

Других примеров, позволяющих предполагать, что еры отражают традиционное написание там, где уже звучит *о*, у нас нет. Потому и эти написания не следует рассматривать как исключения. В первом случае написания с ером объясняются, вероятно, тем, что местоименная форма *тъ/то* (м. р.) не имеет прямого соответствия в говоре писца. Она уже вытеснена, ввиду омонимичности со ср. р., формой *тоть* Тип. 165, 40а, Тип. 167, 8б. (Аналогичная форма другого указательного местоимения *сь* с ером встречается в тексте только в качестве энклитики: *воино съ* Тип. 167, 16г, *миро съ* Тип. 167, 18в.) Во втором случае надо полагать, что глаголы *възръти* и *възбънути* были усвоены писцом именно в таком виде, с безгласным префиксом (*възръти* [без вокализации ера в префиксе] зафиксировано Словарем русского языка XI—XVII вв. [СлРЯ XI—XVII вв., 2: 161, 290]). Оба глагола являются специфически книжными, следовательно, встречая написания типа *възъртъвъ* или *възрътъвъ*, писец не мог соотнести эти написания с живым произношением и читал их по известным ему правилам, согласно которым *ъ* и *ь* должны соответствовать нулю звука (см. ниже пример *к мниху*).

Совсем не подчиняются описанному правилу приставка и предлог *съ*, в большинстве случаев они употреблены без *ъ*: *с бра|томъ* Тип. 165, 39а, *сблюдаа* Тип. 165, 41г, *схранити* Тип. 165, 41в, *скровища* Тип. 165, 63а — дважды, *створи* Тип. 167, 1в, *с трепетомъ* Тип. 167, 3г, *сдрави* Тип. 167, 20г. Объясняться это должно, вероятно, особой последовательностью согласных фонем: «фрикативный *с* | взрывной | сонорный или *в*». Другие предлоги/приставки на *с* также употребляются без *ъ* (*бес пр|авды* Тип. 165, 51в, *беспрестани* Тип. 165, 39г, *испросити* Тип. 165, 64а, *бесплотныа* Тип. 167, 4б, *испровержень* Тип. 167, 17г, *бескровнымъ* Тип. 167, 14г), тогда как эти же предлоги/приставки на *з* ведут себя непоследовательно, точнее употребление *ъ* в них факультативно: *разъгнѣвавъ|шеса* Тип. 165, 55г, *изъгнали* Тип. 165, 52г, *изъ гнѣзда* Тип. 167, 4в, *безъ въ|здержанья* Тип. 167, 19а, *разгнѣвашеса* Тип. 165, 55г, *раздраша* Тип. 167, 18а, *изгнанъ бысть* Тип. 165, 52б. Такая ва-

риативность понятна, так как в исходной раннедревнерусской системе *ъ* в этих приставках отсутствовал или употреблялся факультативно.

От числа последующих согласных зависела постановка неэтимологических еров после плавного в словах с исконными сочетаниями типа **tъrt*: коръчми|ту Тип. 165, 45а, вольхва Тип. 165, 47в, деръзнеши Тип. 165, 52г, деръзновеные Тип. 165, 54а, перъсти ю|го Тип. 165, 60в, деръзнувше Тип. 167, 2а, деръзнетъ Тип. 167, 2а, перъсть Тип. 167, 4г, о сто|лъпницѣ Тип. 167, 5а, столъпни|къ Тип. 167, 7а, веръсты Тип. 167, 7в, верътъпѣ Тип. 167, 10а, столъпнику Тип. 167, 14б, коръмлю Тип. 167, 15а. Но: въверже|ни Тип. 165, 38а, безмолвьа Тип. 167, 5б, гордыни Тип. 167, 17в, черноризецъ Тип. 167, 20а, ѿ скорби Тип. 167, 23б. Исключением для этой закономерности является слово *жертва*, в котором еры после плавного не представлены ни разу.

Отмеченная закономерность не является строгим правилом (скорее правилом предпочтения), так как сам писец легко нарушает ее. Однако нарушение это связано преимущественно с написанием *ъ* перед одним согласным: подъжагае|ма Тип. 165, 45б, предъ собою Тип. 165, 50г, многожды Тип. 165, 51а, предъ собо|ю Тип. 165, 52а, въ землю Тип. 165, 56г, въ лакомствѣ Тип. 167, 2б, изъ те|мници Тип. 167, 8в, изъволкъ Тип. 167, 9а, въносиму Тип. 167, 12а, вънесша Тип. 167, 12а, въданую Тип. 167, 13а, въ монастыри Тип. 167, 14г, вънутрь Тип. 167, 21в, къ таковымъ Тип. 167, 22г. Опускание *ъ* перед двумя согласными нетипично, и если исключить примеры с приставками на *с*, то встречается лишь однажды: к мниху Тип. 167, 10г.

Распределение еров подчинено фонетическому слову, то есть в конце словоформы при наличии энклитик эти графемы в большинстве случаев не употребляются: въ своем си оѣстви Тип. 167, 1в, жив же Тип. 167, 6в, рѣх ти Тип. 167, 8б, да сохранит ны Тип. 167, 12б, пламен же Тип. 167, 20б, отинуд же Тип. 167, 22г, дал быхъ Тип. 165, 46а, єдин бо бѣ Тип. 165, 65б. Эта закономерность является доминирующей, но не строгой, так как встречаются примеры типа: азъ ти рѣхъ Тип. 165, 53а, павель бо Тип. 165, 59г, извѣститъ

ми Тип. 167, 16в. Опускание ера в данном случае может служить собственно фонетическим (графическим) критерием, подтверждающим зависимость энклитик от предшествующего слова. В качестве присловных энклитик, вероятно, могли выступать также причастная форма *сы* (примеры с опущением *ь* довольно многочисленны: *оубог сы* Тип. 167, 1г, *крѣпок сы* Тип. 167, 18б, *един сы | ѿ грець* Тип. 165, 40г, *не прѣздѣн сы* Тип. 165, 47а) и форма *бѣ* (всего 2 примера: *враг бѣ бѣу* Тип. 165, 50б, *знаем бѣ* Тип. 167, 14б).

Выявленная закономерность отчасти обусловлена фонетически. В пользу этого говорит тот факт, что *ь* регулярно опускается при последовательности из трех согласных с начальным *с*. Фактически это означает, что все иные группы согласных качественно отличались от последовательности «фрикативный *с* | взрывной | сонорный или *в*». Однако примеры: *крѣтвьшаго* Тип. 167, 1б, *въ цркѣвь* Тип. 167 2б, *въ срѣдѣи* 2г, *въ цѣрство* 16а (при *ца|ра* Тип. 165 43в, Тип. 167 9г) — показывают, что постановкой еров писец преследовал прежде всего графические цели: разделить группу графем, соответствующих согласным.

2. Еры пишутся между двумя одинаковыми графемами: *подь дубѣ* Тип. 165, 36г, *памѣть ти* Тип. 165, 40б, *отъ тѣхъ* Тип. 165, 50б, *съсудѣ* Тип. 165, 57а, *въведе* Тип. 167, 1в, *лекѣко* Тип. 167, 6а, *расѣсуженья* Тип. 167, 6а, *имѣ ма за руку* Тип. 167, 6в, *скрушать та* Тип. 167, 12а, *огньны* Тип. 167, 21в. На стыке двух согласных, в силу фонетических законов совпадавших, но графически выраженных по-разному, еры, как правило, не употребляются: *к галато|мѣ* Тип. 167, 19в, *безсѣме|ньна* Тип. 167, 3в, *сосжена* Тип. 167, 22а (гиперкорректное написание); однако ряд примеров демонстрирует воспроизведение еров именно в данной позиции: *отдохнуть* Тип. 165, 36г, *хужьшаа* Тип. 165, 53а, *чресъ законѣ* Тип. 167, 13в, *въ фелонѣ* Тип. 167, 13б (последний пример уместен только в том случае, если *в* в говоре писца губно-зубной). Исключения из этого правила представляют некоторые случаи употребления предлога/префикса *въ*: *ввергъши|мѣ* Тип. 165, 38б, *веде*

Тип. 165, 54г, вве|ргъ Тип. 165, 57а, ввода Тип. 165, 63б, в весь Тип. 167, 6а, вверь|жень Тип. 167, 22а.

3. Еры пишутся в конце строки при переносе слов (в данном случае значительное число примеров не соответствует этимологическому употреблению *ъ* и *ь*): вь|зирати Тип. 167, 4б, горь|киа Тип. 167, 4г, прогнѣвавъ|шеса Тип. 167, 20а, пь|приведени же бы^с Тип. 165, 45г, не придось|та Тип. 165, 62а. Правило конца строки в данном случае требует некоторого уточнения: запрета заканчивать строку непременно гласной для писца, судя по всему, не существовало (ср.: всаким|ь тщаньємь Тип. 165, 39а, пос|ѣкаа Тип. 165, 40в, на в|ью Тип. 165, 45а, яещ|е Тип. 165, 63в, дьявол ж|е Тип. 167, 20а, приах|ь Тип. 167, 11в⁴²), однако группа согласных при переносе обязательно разделялась буквами *ъ* и *ь*. При этом постановка неэтимологических еров (выбор между *ъ* и *ь*) последовательно соотносится с качеством (мягкостью/твёрдостью) последующего согласного: съ|ватыхъ Тип. 165, 39б, бѣсь|твеного Тип. 165, 47б, исправь|лаа Тип. 167, 17г, дивь|лахуса Тип. 167, 11а; но: хь|рамину Тип. 165, 62а, ѿсь|тави Тип. 167, 19г, гь|лагола Тип. 167, 10в. Более того, именно в конце строки нередко нарушается традиционный принцип постановки еров в пользу фонетического: съ | нѣкоюю Тип. 165, 49б, зь|лѣи Тип. 167, 2а, съ|дѣтель Тип. 167, 17в, съ | тѣми Тип. 167, 19г, съ|вержень Тип. 165, 46г, съ | феофиломь Тип. 165, 55б, вь|заль Тип. 165, 36б, вь | срдѣе Тип. 165, 56в—г, вь|сѣданья Тип. 167, 17в, вь|ниде Тип. 165, 37а, вь | немь Тип. 167, 10а, къ | нему Тип. 165, 57г, къ | требищу Тип. 165, 60в, бес правь|ды Тип. 165, 55б. (для середины строки подобные примеры — редкость).

Графический принцип постановки еров, а также регулярное написание *о* и *е* на месте сильных (в соответствии с правилом Гавлика) редуцированных (вънець *T1* 59б, леть 59б, во нже *T2* 2б, жидовескъ 9г, возвавъ 1б и пр.) исключают вероятность традиционного написания *ъ* и *ь* там, где соответст-

⁴² См. по этому поводу: [Князевская 1972].

вующие им звуки раннедревнерусского периода вокализовались. Соответственно, уверенность в том, что только графемы *о* и *є* обозначают гласные полного образования на месте исконных редуцированных, позволит нам в дальнейшем специально рассмотреть некоторые, наиболее нетривиальные, случаи вокализации слабых редуцированных.

4.3. Употребление еров основными писцами Пролога Тип. 166

4.3.1. Общие замечания по орфографии писцов Пролога Тип. 166

Орфография основных переписчиков Пролога Тип. 166 существенно различается. Система, представленная в тексте писца *L*, в некоторых аспектах характеризуется большим (в сравнении как с писцом *K*, так и в сравнении с писцом *B*) консерватизмом. Так же, как и писец *B* в Прологах Тип. 165, Тип. 167, писец *L* стремится к этимологическому различению на письме форм на *-мь* и *-мъ*, в формах глаголов наст. 3 л. он пишет *-тъ*. В написании исконных сочетаний *кы*, *гы*, *хы* также преобладают традиционные с *ы*: дѣхы 10б, хытрость 12в, грѣхы 35б, хыжа 35а, многы 8б, слугы 10б, оубогыня 10г, книгы 16б, иерлмьскыхъ 8б, в скыть 8в, пакы 8г, нѣкымь 10б; однако: паки 18б, 28а, 29в, 31в, 36а, 46г, 47а, нѣкии 15б, 41б, да не погубнемъ 24г (этот корень только с *н*), книги 12б, грѣкини 45а (впрочем, последние два примера могут быть результатом графического предвосхищения). Написаний *ү* и *ъ* после шипящих нет совсем. Представляют интерес, на наш взгляд, довольно многочисленные архаичные написания типа *издрещи* (все случаи с группой *-здр-*): раздрѣшение 12г, неиздреченью 14б, раздрушишася 14в, раздрѣшениа 16б, раздрѣшивъ 25а, издрѣшають 40б, раздрѣши 41а, раздрѣшити 41а.

Орфография писца *K* (переписавшего большую часть текста) характеризуется большей небрежностью и «прогрессивностью». Вариативное употребление *ъ* и *ь* в формах на *-мь*, *-мъ*, а также 3 л. глаголов наст. вр. было для

этого писца обычным, что допускалось, вероятно, и самой орфографической нормой. Написание исконных сочетаний *кы*, *гы*, *хы* представляет собой некий компромисс между системой писца *B*, для которого *н* в данных условиях было нормой, и писцом *L*, предпочитавшим этимологические (традиционные) написания, т. е. в тексте писца *K* преобладают новые сочетания с *н*, однако и традиционные (с *ы*) также многочисленны. После шипящих (в том числе *щ*) регулярно пишется *ү*, а также *ь* (такая система, судя по всему, была представлена в А-II; подробнее об этом ниже — 5.2.4).

4.3.2. Употребление *ь* и *ь*

Употребление еров основными писцами Пролога Тип. 166 характеризуется меньшей (в сравнении с писцом *B*) регулярностью.

Орфография писца *L* не представляет строгих закономерностей — в позиции существовавших некогда слабых редуцированных употребление *ь* и *ь*, как правило, факультативно и не зависит от окружения (въвергоша 12а, ввержень 12б, взвѣ|сти 10а, взведе 13в). Кроме того, в суффиксальных морфемах, в префиксах и предлогах (в редких случаях, впрочем, и в корнях) писец регулярно (в большинстве случаев) пишет традиционные еры там, где они проявились: правьдны|и 26г, съ тща|ниемь 26г, възпи 26в, 26а, 27а, възрѣ 26б, ра|вьнь 25б, съ всѣ|ми 24г, съ всѣми 30а, къ князю 29а, 31г, въ тму 29в (но: во тмѣ 12в), въ ть днѣ 27б, же|ньскъ полъ 8в, бѣ крѣть|яньскъ 10г, ѿгньмъ горящю 47а; а также: льстѣми 37г, въздѣхну 26а, накърьмлень 41б, накърьмле|ни 41б.

Орфографическая техника употребления еров писцом *K* тяготеет к системе, представленной в тексте писца *B*. Так, в переписанном им тексте *ь* и *ь* регулярно появляются после плавных в корнях, восходящим к сочетаниям типа **tʲrt*, если далее следует два согласных: с дерьзновени|емь 60в, с дерьзно|вениемь 136а, с дерьзно|вениемь 162в, дерьзновение 162а, дерьзнове-

ниѣ 92а, дерьзъ|нувше 63г, с де|ръзновениемъ 159а, жерътву 142г, 143б, жерътвами 138а, пре|дъ жерътвеникомъ 86г, жерътвени|къ 86г, въ це|ръквахъ 91а, въ це|ръкви 146а, це|ръкви 141а, къ це|ръкви 141в, це|ръкви 141в, въ це|ръкви 154б, вольхвовъ 134б, вольшбу 159г, вольхву 159г, вольхвъ 159в, ѿве|ръсти двери 98в, ко|ръмли 79в, коръмлю 79в, оумолькнулъ 161г, терплю 159в; также: вольшьство 160а, оумерътъвлю 52б, вольны 60а, верьху | леда ходити 99в.

Следует отметить, что, в отличие от основного писца Прологов Тип. 165, Тип. 167, писец *К* последовательно пишет *ъ* после плавного в корне *жертв-*.

Доминирует написание *ъ* в префиксе *въз-*, с опущением ера в тех случаях, когда последующий корень начинается с гласной. Однако здесь заметны отклонения:

а) *ъ* может писаться тогда, когда корень начинается с гласной: *въземъ* 144а, *въземъши* 140г (ср.: *вземъ* 92в, *взасѧ* 92г);

б) опущение ера не зависит от числа последующих согласных: *овздань|и* 100г, *взляти* 109а, *вздохну* 107а, *взненавидѣну* 97г, *всхода|даще [так!]* 100в.

В остальном еры пишутся (в соответствии с позициями слабых редуцированных) на стыках морфем (морфемным членением словоформ, вероятно, их постановка была мотивирована). Такое употребление *ъ* и *ь* является преобладающим, однако сама постановка еров была факультативной, т. е. опущение еров довольно частотно.

Ср.: *въ критѣ* 65а, *въ монастырь* 66б, *вълѣсти* 159б, *въ бѣганьихъ* 93г, *разъшири* 4б; *пришедъше* 61а, *разрѣшивъши* 118а, *повергъше* 61а, *падъсѧ* 118в, *являетьсѧ* 69а; *постъника* 64а, *мъздоимъци* 120в, *чернори|зъца* 85в;

но: *в дому* 65а, *в лакомьствѣ* 66б, *в ложь|ницу* 65г, *в градѣ* 68г, *вълзе* 159б; *бывшу* 61в, *покаавшесѧ* 61а, *смиритсѧ* 76в; *ползу* 58а, *творца* 68а, *съ|тарца* 71б.

В позиции между двумя одинаковыми графемами:

във|рещи 132в, въ вилонъ 3в, 3г, съ сестрою 120а, а|ньны 128б, пустыньника 89г, скве|рньо 175в, пожъже 163б, зажьже 168в, ражьжену 61б;

но: вверже 119г, вве|дѣи въ жизнь 95г, иссѣкоша 143г, ссуди 144а, в вертьпѣ 74в, исти|ннаго 108б, пустынника 96а, оканнѣи 96г, оканныхъ дѣль 88а, съ плѣнники 86а, с слезами 107а, жжаше я | по всему тѣлу 99а, ражженѣ 97а, жжалиси 106г.

Опущение ъ и ь перед группой согласных встречается довольно редко, так же как и в конце словоформы при наличии энклитик (позиция, в которой писец *B*, как правило, еры опускал).

Перед лексемой *цѣ/е/ьсарь* и производными наблюдаются следующие закономерности употребления предлогов. Непосредственно перед лексемой *цѣрь* пишутся только предлоги с вокализовавшимся редуцированным: ко цѣрви 80в, ко цѣрю 6а, 119в, 134б, 148а, со цѣрмь 52а, ко цѣрю 52в, предо цѣрѣ 139г; а также: во цѣрьградъ 68в, ко цѣрюграду 6а. Перед лексемами *цѣрьство* и *цѣрьствие* употребляются предлоги с о и с ъ: во цѣрство 81а, во цѣрство 98а, 98б, 98г, 101г, 105в, 109в, во цѣрь|ство 110а; но: въ цѣрство же лва 83а, въ цѣрство 163а, въ цѣрь|ство 165в, Въ цѣрство 174б, въ цѣрство 83в, 119в, 138г, въ цѣрство 94в, 49а, въ цѣрь|ствии 154г. Таким образом, здесь также наблюдается меньшая (по сравнению с писцом *B*) регулярность.

Обобщая изложенный материал, отметим: писец *K* в употреблении еров руководствовался традиционно-морфологическим принципом. При этом, так как практически любая позиция для ъ и ь является факультативной, нет никаких оснований приписывать этим графемам какое-либо фонетическое значение.

Как отмечалось ранее, эффекты, свойственные бытовой письменности, последовательно представлены в тексте, переписанном писцом *I*. (Так как они рассматривались в главе, посвященной палеографическим особенностям Прологов, нет необходимости снова уделять им внимание.) В тексте писца *K*

аналогичные примеры также встречаются, однако в отношении к общему объему переписанного текста их число ничтожно: възведо|хо очи мои 137в, лучь | юсть 106в, на вса|ко днѣ 98б, снѣ павлово 98а, живо дудеши [так!] 134г, юдиньго | гра^д 134б, по|хътъная 96а, пещьру 136б, на зе|млю снидохо 128а.

В редких случаях мы столкнулись с написанием ъ на месте вокализованного редуцированного: Въ ть^ж днѣ 80г, 81а (при куда более регулярных написаниях типа *Во ть^ж днѣ* 81б). Однако есть основания полагать, что здесь мы имеем дело с нетипичным для писца (книжным) контекстом, так как (так же как и в случае с писцом *B*) местоименная форма *тъ* (*то*) в его говоре, скорее всего, не сохранилась. В целом употребление местоимения *тъ/то* соответствует системе, представленной в тексте писца *B*, примеры, не отражающие вокализацию ъ в форме *И. ед. муж.*, довольно многочисленны: и ть рекь 149а, ть по|сла ю 134а, ть абь|ю ѿходить 156а, ть будеть 172а, ть возь|вѣсти 174б, что связано, судя по всему, с тем, что в живом говоре писца форма *то* была вытеснена формами *тоть* (тоть да литу|ргисають 72в) и/или *той* (Тои баше ѿ вьсь|тока 83а)⁴³.

В остальных случаях в тексте писца *K* вокализация сильных редуцированных представлена.

4.4. Ѡ и ѡ на месте этимологически слабых редуцированных в тексте писцов *B* и *K*

Закономерности появления Ѡ, ѡ на месте слабых редуцированных у писцов *B* и *K* в целом совпадают.

⁴³ См. 6.2.2.1.

4.4.1. € на конце причастных форм *i*-глаголов

Регулярно пишется € на конце причастных форм *i*-глаголов (в большинстве случаев после эпентетического *-л-*):

Писец *B*: поставле Тип. 165, 52а, ѿставле Тип. 165, 53в; 55в; 64г, явлешиса Тип. 165, 60в, по|ставлеше Тип. 165, 55в, ѿставлеше Тип. 165, 44г, ку|плеше Тип. 165, 64б, дивлеса Тип. 167, 11в⁴⁴. Также с €: рожеса Тип. 165, 42а, 52б, ро|жеса Тип. 165, 53в, съ|творе Тип. 167, 5в, но: створше Тип. 167, 19а, створше Тип. 165, 56б, преклонше гла|ву Тип. 165, 58в, вложь|ше Тип. 165, 45а.

Писец *K*: оставле Тип. 166, 5в, оставле 83а, 115б, 137г — дважды, 138в, 174в, преступле|шю 7в, при|ступле 49б, оудивлеса 50в, прославлешаго 51в, оставле|ше 84в, преставлеса 86г, явле|шеса 101в, ѿставлеша ми|ра 105г, по-сра|млешиса 115в, при|ступле 115в, 137г, оставлеше 142а, присту|плеше 137г, приступлеше 143б, оста|вле 139г, погублеше 153г, дивлеше|са 152в, помышле 153г, оуди|влеса 163а, со|вокуплеше 160б, оуподоблешеса 172б; также: погружешиса 118г, но: не | покорьса 174в, приключь|шааса 169б, створь 55б, помольшиса 94г, помо|льшиса 134а, оу|твержьше 143а, по-служьше 143б, створь|ше 175г, възвра|щьшеса 161г.

Некоторые примеры (погружешиса, рожеса, съ|творе) свидетельствуют о том, что эта закономерность связана со словами определенного грамматического класса, однако ее причины, надо полагать, все же фонетические и изначально связаны с глагольными лексемами с основой на губной и эпентетическим *-л-*, причем исходной формой с *e* является не форма типа *оставле*, а формы типа *оставлеше*. Причина вокализации редуцированного в данном случае — вероятно, сочетание с плавным в межконсонантной позиции (так же как *сльза*, *тръвога*).

⁴⁴ Впрочем, не во всех словах после *л* появляется *e*: дыакономь ѿб|ступльшемь ѿлтарь Тип. 167, 8в.

4.4.2. Предлоги/префиксы с вокализовавшимся редуцированным перед неприкрытым гласным

В предлогах и префиксах *o* представлено на месте этимологически слабого редуцированного перед неприкрытыми гласными.

Писец В

Перед начальным *и* (независимо от его происхождения⁴⁵) в предлогах всегда написано *o*: во има Тип. 165, 41а, 50а, 51в, во исто|чникъ Тип. 165, 52г, во иер^слмъ Тип. 165, 55в, 60б, во иеру|салимъ Тип. 165, 61а, во идольску|ю цркѣъ Тип. 165, 63г, во иер^слмъ Тип. 165, 66б, во и|сповѣданьи х^свѣ Тип. 165, 59а, во и|стину Тип. 165, 39а, во истину Тип. 165, 43б, во има Тип. 165, 50г, со иного Тип. 165, 52в, во и|ма Тип. 165, 61г, во идольску|ю Тип. 165, 63г, во истину Тип. 167, 13в, во исти|ну Тип. 167, 19а, во иер|данъ Тип. 167, 3а, ко иану Тип. 167, 3а, ко инѣмъ Тип. 167, 4б, во иер^слмъ Тип. 167, 14б, со инѣми Тип. 167, 21а.

Перед начальным *o* четыре раза *ъ* опущен в предлоге и один — в префиксе: в одинои рацѣ Тип. 165, 36б, воина вооруже|на Тип. 165, 47г, в осмыи де|нь Тип. 167, 7а, в осподень градъ Тип. 167, 23в, с огнемъ Тип. 165, 60в. В остальных случаях предлоги/префиксы представлены с *o*: во огра|же|нье Тип. 165, 41а, со ѿ|ружьемъ Тип. 165, 43г, иде во ѿгра^д свои. дѣ|латъ. Тип. 165, 49а, во ѿградъ Тип. 165, 49а, во | ѿградъ Тип. 165, 49а, во | образѣ Тип. 165, 49в, во ѿсобнѣмъ мѣстѣ Тип. 165, 49в, во оде|жѣ бѣлѣ Тип. 165, 58а, со ѿвѣ|цами Тип. 165, 62а, ко основанью Тип. 165, 62в, ко ѿвѣ|ту Тип. 167, 3а, безо ѿца Тип. 167, 3в, со ѿцѣмъ Тип. 167, 4в, во ѿного Тип. 167, 6а, во о|номъ Тип. 167, 6в, во ѿно|мъ мѣстѣ Тип. 167, 10г, во ѿ|руживша Тип. 167, 5в, вообра|жеса Тип. 167, 10в, со ѿдень Тип. 167, 16в.

Перед словами на *у* пишется как *o*, так и *ъ*: ко оустъ | пещеры Тип. 165, 37г, во оутрии Тип. 165, 41а, во оузантию Тип. 165, 65в, во оуности

⁴⁵ Как показал Ю. В. Шевелев, сочетание **jī* в начале слова в восточнославянских говорах не изменялось в **jь*, а совпало с **jī* в **ji* [Shevelov 1976: 122—127]; впоследствии, вероятно, еще до утраты редуцированных, *j* перед *и* был утрачен [см. Аванесов 1970: 291—295].

Тип. 167, 7г, со оуче|ники Тип. 167, 14г, ко оучѣнку Тип. 167, 21в; но: въ оуста Тип. 165, 36г, въ оуши ѿго Тип. 165, 50г, въ оутрѣ Тип. 165, 55г, въ оуста Тип. 167, 4г, въ оуныньє Тип. 167, 10б, въ оутрии же дѣнь Тип. 167, 11в.

Перед начальным *а* предлоги с *о* также преобладают: во антиохиѣ Тип. 165, 42в, во афины Тип. 165, 42г, ко арьану Тип. 165, 50в, ко архелѣ Тип. 165, 51б, во алекса|ндрии Тип. 165, 61б, во ама|сию Тип. 165, 61б, во антиохию Тип. 167, 4в, во англѣ свѣ|тель Тип. 167, 10в, во антиохию Тип. 167, 14б. Дважды в этой позиции написан *ъ*: съ англѣ Тип. 165, 38а, въ англѣский ѿбра|зь Тип. 165, 11в; и один раз *ъ* предлога опущен: к архелу Тип. 167, 51а.

Писец К

Перед начальным *и* последовательно в предлогах пишется *о* (за исключением одного примера): во има 105в, во истину 89в, ко игумену 94г, со извѣстьемъ 103г, во июдѣ|ю 3в, во истину 4б, во има 5б, со и|нѣми 102г, со исъ|правившими 112а, ко игу|мену 102а, во и|стину 132в, во иномъ 143г, во истину 116г, во инѣ монастырь 159б, со инѣми 86а; но: въ индѣ|ю 162г.

Перед корнями на *о* появление предлогов/префиксов с вокализовавшимся редуцированным не столь последовательно: соодѣнь бы^с 81а, во о|бразѣ 96б, во | обители 100в, во островѣ 110г, во | общемъ мона|стыри 123а; но: въоружатисѧ 57в, съ оцѣмъ 60в, съ о|ці своими 56г, въоружатисѧ 57в, въ образѣ 148б, къ о|троку 55а, съ о|це|мъ 163в, къ о|цю 158б.

Перед словами на *а*: со англѣ 80в, во алекса||ндрию 107в—г, во афины 107г, во аравию 121б, во анкурѣ 103в, во а|нкурѣ 103б, со | архиерѣи 11а, во | алчѣбѣ 118а; но: въ а|дѣ 54а, въ але|ксандрию 94а, въ адѣ 91в, къ аоуленту 50б, въ | антиохию 137г, въ антиохию 137г, въ антио|хию 140а, въ ама|сию 163а, въ ама|сию 163а, въ англ^скоѣ до|стояниѣ 83г.

Перед словами на *у* *о* в предлогах преобладает: со оучѣнки 79б, ко оучѣнку 86б, во оутробу 96в, ко оутве|ржени||ю 91—92, во оуныньи 91г, во оуста мо|и 90г, во оу|чителницѣ 100б, со оучащи|мисѧ 100б, во оужасѣ 62в, во оустѣ|хѣ ѿю 113б, во оутрии же | дѣнь 50в, со оуспѣ|хомъ 55в, во | оутѣху

101б, во оурить гра^д 110б, во оуныны 160г, во оугото|ваною прити 144г; но: въ оустѣхъ своихъ 95г, въ оутрѣ 54г, въ оухо 52в.

Закономерности появления *о* в предлогах и префиксах у основных переписчиков Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166 различны: у писца *В* предлоги и префиксы с вокализовавшимся ером абсолютно доминируют перед словоформами/корнями на *и* и *о*, перед другими неприкрытыми гласными представлена вариативность, у писца *К* *о* в предлогах регулярно появляется перед словами на *и* и *у*.

Специально проблему вокализации еров в позиции перед неприкрытым гласным исследовал Л. Л. Васильев [1908], полагавший, что развитие *о* из *ь* перед начальными гласными вызвано тенденцией начальных становиться неслоговыми (это прежде всего касается гласных *у* и *о*), т. е. условия вокализации здесь аналогичны условиям правила Гавлика, когда редуцированный оказывался в сильной позиции перед слогом с другим, слабым, редуцированным. Как утверждала О. В. Малкова, «гипотеза Л. Л. Васильева в дальнейшем признания не получила» [Малкова 1981: 101]. Однако вполне последовательно представленное прояснение ера в предлогах и префиксах в рукописных текстах XIV в.⁴⁶ так и не было однозначно интерпретировано. Появление *о* в предлогах и префиксах в позиции перед неприкрытым гласным сложно объяснить процессами, происходившими в живых говорах. В первую очередь на эту мысль наводят сами материалы Васильева, поскольку в памятниках книжных данное явление представлено значительно шире, чем в грамотах. Примеры с *о* перед *и* (наиболее частотные в текстах книжных) в грамотах исключительно редки и, как правило, носят книжный характер⁴⁷. *О* в предлогах на месте редуцированного *ь* перед словами с начальным *а* встре-

⁴⁶ Л. Л. Васильев [1908: 207—208] различал прояснение еров, представленное в рукописных текстах древнерусского периода, и регулярное употребление предлогов и префиксов с *о* (в том числе и перед неприкрытыми гласными) в среднерусский период.

⁴⁷ В галицких грамотах, к примеру, исследователь находит лишь четыре примера (все перед словами на *о*). Немногочисленные примеры из московских грамот демонстрируют определенную регулярность, связанную с незначительным числом лексем (*отець*, *орда*, имена собственные и слова с префиксами *о-* и *от-*). Аналогичная ситуация в берестяных грамотах, в которых развитие *ь+о→оо* связано с именами собственными [Зализняк 1993: 259].

чается также довольно часто, тем не менее такое развитие сложно связать с живыми восточнославянскими говорами, так как живые говоры восточных славян слов на *a* практически не знали. Отчасти проблема появления приставок/префиксов с вокализовавшимся *ь* перед начальным гласным *o* рассматривалась А. А. Шахматовым и А. А. Зализняком [Шахматов 1915/2002: 201; Зализняк 1993: 262]. Оба ученых обосновывали это явление ассимиляцией. При этом Зализняк выделил также два других фонетических эффекта на стыке предлогов/префиксов с *ь* и корня на *o*: $\text{ь}+o\rightarrow a$, $\text{ь}+o\rightarrow o$. Последний эффект кажется наиболее понятным: он как будто отражает утрату слабого редуцированного. Однако не это объяснение нам кажется наиболее вероятным. Рефлекс $\text{ь}+o\rightarrow o$ обусловлен, на наш взгляд, новой системой функционирования безъеровых предлогов/префиксов, в противовес собственно фонетическому развитию $\text{ь}+o\rightarrow a$, аналогичному хорошо известному переходу $\text{ь}+и\rightarrow \text{ы}$. Такое звуковое развитие, судя по всему, объясняется местом образования гласного *ь* (средним рядом). Здесь, правда, возникает некоторая трудность: эффект $\text{ь}+o\rightarrow a$ кажется маловероятным, если признавать лабиализованность первого гласного группы. Мнение о том, что именно лабиализованный *ь* должен был дать в некоторых славянских языках *o*, является традиционным и разделялось и разделяется, как кажется, большинством лингвистов [Бернштейн 1961: 251; Шахматов 1915/2002: 14—15; Дурново 1924/2000: 114; Зализняк 1993: 262; Гиппиус 1996: 162; Shevelov 1964: 432; 1979: 83—84; Lunt 2001: 30—31]. А. А. Зализняк решает эту проблему следующим образом: западные говоры новгородской земли могли характеризоваться нелабиализованным *ь* (по крайней мере в некоторых позициях — перед *j*, что дало рефлексы типа *эj*, *ыj*, в отличие от *oj*, характерного для большей части восточнославянских диалектов), следовательно, эффект $\text{ь}+o\rightarrow a$ должен представлять именно западноновгородский элемент в древненовгородском койне [Зализняк 1993: 262]. Однако это предположение противоречит тому, что писал Зализняк в своей работе ранее (на той же странице): «Как мы видели, однако, **ьo* далеко не всегда дает *a*. Наряду с *a*, грамоты отражают еще два возмож-

ных результата развития того же сочетания: *oo* и простое *o*... Заметим, что последние два варианта известны в восточнославянской зоне и за рамками древненовгородского диалекта; возможно, что и развитие **ьo > a* тоже не было ограничено этими рамками. По-видимому, именно об этом свидетельствует знаменитый пример из написанного в 1339 г. в Москве Сийского евангелия: *въ апустъвишии земли* (из записи)» [Там же]. Вслед за В. В. Колесовым [1980: 27—28] мы полагаем, что признак лабиализованности не так необходим для совпадения *ь* с *o* в ходе языковой эволюции, поскольку в данном случае можно было бы обойтись другими дифференциальными признаками обеих фонем (а именно подъемом и рядом — *ь* совпал с непередним гласным среднего подъема). Уже к X в., считает В. В. Колесов, *ь* и *ы* (восходящие к *й* и *ī*) окончательно утратили огубленность как фонематический признак, об этом свидетельствует компенсаторное выделение протетического *в* в начале таких слов, как *въпль*, *выдра*⁴⁸. Таким образом, мы принимаем первое заключение А. А. Зализняка (о широкой распространенности развития *ь+o→a*). Что же касается развития *ь+o→oo*, обращает на себя внимание регулярность отражения данного эффекта в текстах книжных и очевидная ограниченность — в грамотах [Васильев 1908: 197—198, 205; Зализняк 1993: 259; 2004: 74]. Этот эффект, на наш взгляд, следует связывать в первую очередь с книжной традицией или особыми темпом и манерой речи. Употребление предлогов с *o* на месте исконного *ь* позволяло избежать рефлексов, свойственных обычной речи и искажающих облик корня (когда на месте исконного *o* мог появиться гласный *a*). Так же должно объясняться появление предлогов/префиксов с *o* перед начальным *и*⁴⁹ [Зализняк 2004: 73], а также перед начальным *a*, по-

⁴⁸ На первый взгляд, определенную ясность в этот вопрос могла бы внести интерпретация записи Анны, жены французского короля Генриха I, АНА РЪИНА. Эта надпись нередко привлекается при рассмотрении вопроса о качестве *ь* [см., к примеру, Шахматов 1915/2002: 203], однако, даже если вопрос о гласном звуке во французском слове будет решен определенно [см. Мельников 1959], это не решит проблемы. В условиях языковой интерференции нельзя определить, какого качества звук, обозначаемый графемой *ь*, ассоциировался Анной с французским гласным в слове *reine* (см. также [Shevelov 1978]).

⁴⁹ Особенно показательны это в случае с книжным сочетанием *во имя*, устойчивым в текстах любого жанра [см. Васильев 1908: 197, 204—205].

сколькx существование фонетического рефлекса $\text{ь}+o\rightarrow a$ привело к совпадению рефлексов сочетаний $\text{ь}+o$ и $\text{ь}+a$ ($\rightarrow a$; ср. $\rightarrow oo$ и $\rightarrow oa$).

Вероятно, существовали и другие факторы, способствовавшие распространению предлогов/префиксов с *o*. Л. Л. Васильев считал, что после утраты редуцированных на стыке предлогов и слов с начальным неприкрытым гласным произносился «твердый приступ», отделявший предлог от словоформы [Васильев 1908: 216]. Подтверждение этому ученый видел в том, что графема ь в предлогах на письме регулярно сохранялась именно перед гласным. Кроме того, Васильев обратил внимание на эффект удвоения предлога *въ* (във устье, във адъ, вв ысподи), который, по его мнению, отражает развития *в' орду, в' исподи* \rightarrow *в'ворду, в'высподи* [Там же: 222]. Однако мы полагаем, что видеть в регулярном употреблении еров после падения редуцированных обозначение твердого приступа нет достаточных оснований, и эта точка зрения нам кажется справедливой лишь отчасти: традиционный ь , на наш взгляд, придавал бóльшую самостоятельность предлогам на письме (если не обозначал звук *o*), а удвоению предлога соответствовало его усиление и выделение в речи. Это свидетельствует о том, что тесная спаянность проклитик с корнем, возникшая после утраты редуцированных, возможно, казалась нежелательной и в некоторых случаях ее старались избежать. Использование предлогов/префиксов с прояснившимся ь , таким образом, создавало в этой позиции естественный слогораздел.

Представляет также интерес устойчивое написание предлогов с *o* перед словом *господь*. Большинство примеров на сочетание *ко ѣу* В Тип. 165, 40г, 42б, 45г, Тип. 167, 8а, 9г; К Тип. 166, 172г, 161в, 163в, 170б, *со гмь* встретилось единожды у писца В Тип. 165, 61а, предлог *во* встретился только перед производным: *во ѣстѣмь мо|настырь* Тип. 165, 53г. Пример писца В: *в осподень градъ* Тип. 167, 23в — наводит на мысль, что за написанием *ко ѣу* и пр. должно стоять сочетание *к осподу* [см.: Васильев 1908: 205—206; Зализняк 2004: 554, 571, 773], причем написание под титлом *ко ѣу* отражает частичное

переосмысление основы, когда начальный гласный корня воспринимается одновременно и как элемент предлога. (Ср. в связи с этим примеры: въ-бласти КР 1284, 118в, съ-слатемъ ЗС XIV, 34об⁵⁰. Очевидно, что в этих примерах написаниям *въ*, *съ* соответствует чтение *во*, *со*, тогда как традиционная постановка после предлогов *ъ* [недопустимого в начале слов даже в неполно-различительных графических системах бытовой письменности] показывает, что самими писцами гласный звук воспринимался [или мог восприниматься] как часть проклитик.) Любопытно, что у писца *В* слово *господень*, написанное не под титлом, встречается четырежды. При этом без предлога эта лексема представлена трижды с начальным *г*: англѣ госпо^д Тип. 165, 58б, во|лю господню Тип. 165, 58в, распл|тъи господни Тип. 165, 60б. Эти примеры либо отражают традиционное написание лексем с корнем *господ-/оспод-*, либо свидетельствуют о неустойчивости традиции произношения слова *господь* и его производных. Возможно здесь и иное объяснение: [γ], типичный для данной лексемы, в речи носителей северных диалектов утрачивался прежде всего после согласного, без предшествующих предлогов он сохранялся дольше. При этом не исключено, что рассмотренный здесь эффект (когда начальный гласный корня воспринимался как элемент предлога) также мог способствовать распространению предлогов *во*, *ко*, *со* по крайней мере перед словами на *о*, так как таким образом преодолевались подобные, возможно, нежелательные для книжного узуса, явления.

4.4.3. Другие случаи вокализации этимологически слабых редуцированных

Оставшиеся примеры прояснения редуцированного в предлогах и префиксах позволяют выделить еще одну закономерность, связанную с лексема-

⁵⁰ Примеры взяты из КСДР и сверены по фотокопиям источников. Названия источников даются в соответствии с сокращениями, принятыми в Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.) [см. СДРЯ, I: 18—68; VI: 18—77].

ми, большинство из которых характеризуется определенным оттенком книжности.

Рассмотрим прежде всего материалы, представленные в тексте наиболее квалифицированного писца Прологов Тип. 165, Тип. 167. 0 на месте исконно слабого редуцированного в предлогах и префиксах появляется:

1) перед корнями с неполногласием:

совлеци Тип. 165, 52в, вовле|къ Тип. 165, 52в, во врем|а Тип. 165, 36г, во времена Тип. 165, 38а, во вла|саницю Тип. 165, 62б, во | время Тип. 167, 10в, ко вратомъ Тип. 167, 14г, во власаницахъ Тип. 167, 20а;

2) в префиксе *въз-*:

возне|семса Тип. 167, 4а, возвъ|стиша Тип. 167, 13г, возвъ|щено же бы^с Тип. 165, 58г, и по вознесе|ньи Тип. 165, 60г, во|знесеньи Тип. 165, 60г, возведе Тип. 165, 48б, возра|тиса Тип. 165, 43а, возвратиса Тип. 165, 54г, воскр^си Тип. 165, 57в, возвъ|стимъ Тип. 165, 40а, возвъ|щено же бы^с Тип. 165, 58г, и по вознесе|ньи Тип. 165, 60г, во|знесеньи Тип. 165, 60г, возведе Тип. 165, 48б, возлюбленыи Тип. 167, 3б;

3) а также в некоторых других случаях, не соответствующих двум первым категориям, но также связанных с употреблением книжных лексем: согрѣ|шихъ Тип. 167, 2в, согрѣше|ньи Тип. 167, 2в, согрѣ|сшихъ [так!] Тип. 167, 2г, согрѣшихомъ Тип. 167, 19в, согрѣ|шеньи Тип. 167, 23а, согрѣшихъ Тип. 165, 38в, согрѣ|шенье Тип. 165, 52г, ко х^свъ вѣрѣ Тип. 165, 56б, ко х̄ви Тип. 165, 54г, ко х̄у Тип. 165, 45б, ко хвѣ вѣрѣ (41б, ко хв̄и Тип. 165, 41в, во х^са Тип. 165, 41а, ко | х̄у Тип. 167, 18б, ко гробу Тип. 167, 14г.

А. А. Шахматов рассматривал прояснение ера в случае *во время* как прояснение в ударной позиции [Шахматов 2002: 253]. Однако сильные и слабые позиции редуцированных (и, соответственно, их дальнейшая судьба) не зависели от ударения [Колесов 1980: 36—37; Зализняк 1985: 168—172], следовательно, объяснения Шахматова для этого примера недостаточно. Неред-

ко причиной появления *o* на месте *ъ* в данном случае называют церковную орфоэпическую традицию [Шахматов 1915/2002: 255; Успенский 1997а: 166; а также Зализняк 1989: 121], однако этого объяснения было бы по меньшей мере недостаточно, так как отмеченная нами закономерность в тексте писца *B* охватывает слова, так или иначе связанные с определенным акцентным классом — подвижной акцентной парадигмой⁵¹. Соответственно, мы полагаем, что причина появления *o* на месте этимологически слабого ера в предложениях и префиксах связана с акцентным обособлением отдельных книжных словоформ, допускавших энклиноменную акцентовку на проклитике (что было невозможно при неслоговом предлоге/префиксе). Изначально, в древнейший период, связанные с энклиноменными словоформами предлоги и префиксы с *o* распространились и на другие словоформы, а также и слова одного словообразовательного гнезда, т. е. стали закономерно появляться перед маркированным книжным корнем. Показательно в данном случае, что ряд лексем допускает вариативность в употреблении предлогов и приставок с вокализовавшимся редуцированным: *възнесень|и* Тип. 167 11а, *възвъстити* 11б, *сгрѣши|ша* Тип. 165 59г, *сгрѣшили* Тип. 167 2б, *въ х^са* Тип. 167 18а, Тип. 165 41а, 63в, 65а, *въ гробѣ* Тип. 165 64г.

Отклонения от данной закономерности незначительны и все находят объяснение: *ко юдино|му* Тип. 167, 19в, *воскр^снью* Тип. 167, 10а, *возносащихъса* 17б, *воскр^снья* 21в, а также написание *возрадоваса* Тип. 167, 16в. Написание *ко юдино|му*, вероятно, обусловлено тем, что писец изначально намеревался написать *к одному*. Глаголы *въскр^снути* и *(въз)носити* принадлежали а. п. *b* [Зализняк 1985: 137], префикс *воз-* в их словоформах и словах производных объясняется словообразовательной связью с глаголами *воскр^ссити* и *вознести* (а. п. *c*). Последний пример не является чем-то удивительным, так как *възрадоватиса* в библейских текстах (и со ссылкой на библейские тексты) регулярно встречается в паре с глаголом *възвеселитиса*

⁵¹ Принадлежность лексем к той или иной акцентной парадигме уточнялась по работам [Зализняк 1985; Ушаков 1982; Новый завет].

(см., например: Пс. 13: 8; 52: 7; 117: 24, Ис. 25: 9), принадлежавшим подвижной акцентной парадигме⁵². Как известно, в определенный период истории русского литературного языка (в период второго южнославянского влияния) сложилось противопоставление префиксов *воз-* и *вз-*: первый характеризует книжные лексемы и является маркирующим элементом, второй присущ нейтральной лексике. Свою экспансию *воз-* (как, вероятно, и другие префиксы с *о*) начал, как мы полагаем, именно со слов определенного акцентного класса (а. п. с), а пример *возрадовасѧ* отражает распространение маркированного книжного префикса на новые лексемы.

В отдельном комментарии нуждаются представленные в тексте писца *В* примеры *во крѣщенью* Тип. 165, 42г; 43а, *во крѣщенью* Тип. 165, 54г. Развитие *о* на месте *ь* здесь должно объясняться позицией перед слогом с утратившимся редуцированным, так как единственный пример употребления глагола *крѣстити* без титла в тексте писца *В* (не в конце строки, где представлены следующие написания: *крѣсти* Тип. 165, 54в, *во крѣщенью* Тип. 165, 54г; ср. в тексте писца *К*: *крѣстивьсѧ* Тип. 166, 139в, *крѣщениемъ* 29в, *крѣсти* 168в; а также в середине строки: *крѣщаше* 119г) выглядит следующим образом: *късти* Тип. 165, 61г⁵³.

В тексте писца *К* в целом представлена та же система, по крайней мере в отношении 1-й и 3-й групп:

— слова с неполногласием (корни с минусовой акцентной маркировкой или лексемы, характеризующиеся в древнерусский период отклонениями к подвижной а. п.) *ко вра|томъ* Тип. 166, 79в, *во | врата* 161а, *ко врато|мъ* 92г, *во вратѣхъ* 154б, *совлекохъ* 150б, *совлечень* 147г, *совлачити* 150б, *со|влачить* 147а, *со мла|денци* 118а, *подо властью* 81б, *во вла|сть* 97в, *ко | влѣцѣ* 101в, со-

⁵² Ср.: и паоуль ре^ч. сего ради *взрадовахъсѧ* и *возвеселихъсѧ*. ѿ преставлении титовѣ. ЗЦ к. XIV, 28б; Кондрать же *возвеселилсѧ*. срѣцмь. и *возрадовасѧ* ѿшею ѿ княженьи Краковоско^м. ЛИ ок. 1425, 300 об. [СДРЯ, II: 112].

⁵³ Несмотря на то, что пример единственный, положение в строке и его орфография (написание *ь* перед двумя последующими согласными) не позволяют предполагать, что такое написание — описка.

гра|ди 63а, согра|жень 88б, во | время 3г, во время 93б — дважды, во время 62в, во | времена 136а, во древанѣ маслѣ 99а, во власаницахъ 84г.

— а также примеры: согрѣшати 83в, согрѣши 107а, согрѣши 6б, согрѣшения 7в, согрѣшю 96а, согрѣ|ши 4б, согрѣше|нья 98а, со|грѣшихомъ 160а, согрѣшихъ 159г, согрѣши|хъ 159г, согрѣ|шая 117г, согрѣшении 88а, ко х^су 82г, ко х^су 174г, во х^са 82в, во х^са 61г, во х^са 49г — дважды, со х^смъ 101а, во х^са 92б, ко кр^сту ба, ко | гробу 79б, ко гробу 150б, 163г, другъ ко дру|гу 120б, водвориса 150а, со | гвоздьемъ 97а, соблазни|шиса 166в, собла|знили ли са 118в; а также: со христофоромъ 103в.

Значительное число отклонений представлено в группе словоформ с префиксом *воз-*. При этом большинство примеров вокализации ь также связано с употреблением этого префикса перед корнями с минусовой акцентной маркировкой: о возданьи 122а, возгорить 122в, возврати 102а, возвратиса 107г, возвратиса 110в, возвратишиса 105а, возвращающа|са 102а, возвѣ|сти 156г, возвѣ|щено 98а, возвѣсти 100а, возвѣсти 164а, возвѣстиша 62г, возъ|вѣсти 116в, возъ|вѣсти 174б, возъ|вѣсти 54в, возъ|вѣстите 7г, возъ|вѣститъ 60а, воздержахъ 130а, возложи 118в, возложивыи 118а, возлюби 100г, 130в, возлюблену 97г, вознесьса 104б, воспри|имъ 107г, восприя|тъ 98б, восхо|щи 102в, восхотѣста 105в, воскрѣси 100в, воскрѣси|вшаго 97б, воть|крѣси 154г.

Помимо того следует также отметить особо примеры: воскр^снию 64б, воскр^сниа 4г, воскр^сниа 86в, воскр^сниа 164а, воскр^сниа 7в, воть|кресения 59б, — обусловленные связью с глаголом *въскрѣсити* (см. выше); а также: возводи 80в — вокализация ь в префиксе здесь может быть объяснена аналогичным образом, т. е. связью с глаголом *възвести* (а. п. с).

Отдельно следует рассмотреть пример: во|здыханье 120а (с. 137), поскольку префикс *воз-* мог здесь появиться по аналогии с формами глагола *въздѣхнути*, где префиксальный ь был в сильной позиции.

Оставшиеся словоформы, судя по всему, относились к иным акцентным классам, среди них: возрадова|са 81а (см. выше), во|сходить 80а, во|питавыи 59б, воспитанъ 100в, воставъ 125б, воздвигш^ю 131б, во|здвигъ

98г, во|здвиже 110б, во|злѣзы на паоучину 80б, возможе 103г, возможе 109г, возненавидень 102г, возненавидѣныа 97г.

Отметим также другие примеры-исключения с вокализовавшимся редуцированным в предлоге (вероятно, по аналогии): во фра|кию, 100б; ко гла-то|мь [так!] 84а. Также следует отметить примеры с префиксальной группой *сово-*: совопра|шаася 104в, совокуплени|е 87в, совокупи|ти 100г (ср.: совокупиши Тип. 167, 6в), — демонстрирующие аномальное развитие редуцированных.

Столь значительное число примеров, нарушающих закономерность (появления *о* в предлогах/префиксах прежде всего перед корнями с минусовой акцентной маркировкой), представленную в идиосистеме писца *B*, на наш взгляд, не дает основание в ней усомниться. И прежде всего потому, что большинство отклонений, обнаруженных у писца *K*, представляют собой формы от лексем второй группы (с префиксом *воз-*), кроме того, и здесь (в тексте писца *K*) примеры, демонстрирующие вокализацию редуцированного предлогов и префиксов перед корнями с минусовой акцентной маркировкой, заметно преобладают. Мы полагаем, что этот факт должен объясняться бóльшей «прогрессивностью» системы писца *K* — она оказывается значительно ближе нормам, утвердившимся в эпоху второго южнославянского влияния.

4.5. Правило конца строки и проблема ассимилятивного смягчения согласных в говоре писца *B*

Рассматривая употребление еров писцом *B*, следует коснуться и проблемы постановки неэтимологических еров, которая предполагает два аспекта: 1) написание ъ и ь в тех позициях, где соответствующих звуков в раннедревнерусский период не было, — большинство примеров связано с концом строки; 2) написание ь на месте исконного ъ и наоборот. Закономерности вы-

бора неэтимологических графем в первом случае и нарушение традиционного принципа во втором отражают фонетическую зависимость предшествующего согласного от последующего в группе и служат прекрасным иллюстративным материалом к вопросу о регрессивном ассимилятивном смягчении согласных (ср. *сѣ|вѣтѣхъ* Тип. 165, 39б, *хѣ|рамину* Тип. 165, 62а)⁵⁴.

В говоре писца *В* ассимилятивное смягчение согласных было представлено значительно шире, чем в современном русском литературном языке. Материал Прологов Тип. 165 и Тип. 167 показывает, что зубные согласные смягчались:

перед мягкими зубными — по *възѣ|несеньи* Тип. 165, 56б, *анѣ|тигѣхиѣ* Тип. 165, 60б—в, *посѣ|тисѣ* Тип. 165, 63г, *оувазѣ|нетѣ* Тип. 167, 16г, *вкосѣ|танѣтинѣ градѣ* Тип. 167, 18в; а также: *причасѣ|тникѣ* Тип. 165, 38г, — где группа согласных очевидно упрощалась до [с'н']; *сѣ | нѣкоюю* Тип. 165, 49б, *зѣ|лѣ того нѣсть* Тип. 167, 2а, *зѣ|лѣи* Тип. 167, 2а, *сѣ|дѣтель* Тип. 167, 17в, *сѣ | тѣми* Тип. 167, 19г; но: *пусѣ|тыни* Тип. 165, 38б, *разѣ|даѣ* Тип. 165, 46а,

⁵⁴ См. по этому поводу: [Соболевский 1907/2004: 115; Шахматов 1903: 76—77; Жуковская 1957: 84—88; Князевская 1957: 172—173; Колесов 1980: 145; Зализняк 2004: 82]. Следует, правда, отметить, что А. Б. Страхов, объясняя связь между выбором *ѣ*/*ь* и твердостью/мягкостью последующего согласного, предлагает иную интерпретацию этого явления: «Думаю, что собственно звуковая ассимиляция в этих случаях отсутствует, здесь действует “ассимиляция” мыслительная, сказываются эмпирические ощущения дифференциации слогов, букв и звуков, т. е. лингвистические понятия писцов» [Страхов 2001: 31]. И далее: «Скорее речь может идти об умозрительном уподоблении слога, конструируемого в конце строки, слогу, открывающему новую строку. Это уподобление вызвано стремлением писца к гармонии строк, т. е. эстетикой письма...» [Там же: 34]. Такая интерпретация кажется по меньшей мере странной, так как взамен известной и понятной закономерности — *ѣ* пишется после твердых согласных, *ь* после мягких — предлагается идея «мыслительной ассимиляции». Такое графико-орфографическое явление едва ли может быть научно обосновано. Из слов Страхова следует, что регрессивное ассимилятивное смягчение, широко представленное как в современном русском языке, так и в диалектах, в древнерусском языке непременно отсутствовало («собственно звуковая ассимиляция в этих случаях отсутствует»). Действительно, тот факт, что рассматриваемое звуковое явление присутствует в современном литературном языке и диалектах, сам по себе является слабым аргументом в пользу его существования в древнерусский период, однако утверждение, что ассимиляции не было вовсе, является еще более необоснованным. Возможно, мы слишком буквально понимаем текст А. Б. Страхова, и из его слов следует только то, что в данных примерах просто не следует видеть свидетельство ассимилятивного смягчения (хотя само смягчение, возможно, было). Однако и в этом случае идея «мыслительной ассимиляции» представляется крайне умозрительной. Еще более неоправданным представляется предположение Страхова о том, что выбор между *ѣ* и *ь* мог определяться принципом орнаментальности, которого якобы придерживались древнерусские писцы (т. е. стремлением делать строку длиннее или короче). Любопытно, что в статье, посвященной «орнаментальным принципам организации строк и», нет ни одной иллюстрации. Несомненно, элементы орнаментальности присутствуют в древних рукописях (к примеру, иногда особым образом оформляются концы глав, рукописей), однако тексты с идеально ровным правым краем, если и существуют, то представляют собой единичное явление. Колебания длины строки нередко превышают одну-две буквы, соответственно, предположение о том, что выбор между *ѣ* и *ь* в конце может быть обусловлен стремлением сделать строку короче/длиннее, лишено каких-либо оснований.

ань|тониин Тип. 165, 45г, позь|наше Тип. 165, 40б, съ|лышавъ Тип. 167, 1г, съ|трани Тип. 167, 9г, зь|наю Тип. 167, 17а;

перед передненебным *p'* — пать|риарха Тип. 165, 43в, разь|рѣшаютъ оузы Тип. 165, 54а, изь|ре^чньны Тип. 167, 11б; но: одь|ра Тип. 165, 43а, дь|ругихъ Тип. 165, 38б, добронь||равья Тип. 167, 10в—г.

перед мягкими губными — оусь|пѣюши Тип. 165, 50а, съ|ватья Тип. 165, 50в, пось|пѣшаему Тип. 165, 59б, съ|ватьи Тип. 167, 12б, съ|ватаго Тип. 167, 13а; съ|верженъ Тип. 165, 46г, съ | феофиломъ Тип. 165, 55б; а также: съ пь|лѣньники [с'п'л'] Тип. 167, 21а, съ пре|лщенымъ Тип. 167, 11г, съ прежепочи|вшими оѣи [с'п'р'] Тип. 167, 21г;

перед мягкими задненебными — персь|киа Тип. 165, 38а, черньчьсь|киа Тип. 165, 61в, идольсь|киа Тип. 165, 56в; архань|гѣла Тип. 165, 46г, ань|гѣльское Тип. 165, 61г, ань|гѣли Тип. 167, 2а; но: александрьсь|каго Тип. 165, 53б, съ|хластникъ [вм. *схоластикъ*] Тип. 165, 41в, пресь|кочи Тип. 167, 6а, лась|косердюю Тип. 167, 9а.

Губные смягчались:

перед мягкими зубными — приемь|леть Тип. 167, 2а, приемь|лемь Тип. 167, 4а, ѿбь|личившаго Тип. 167, 9б, ѿставь|ле Тип. 167, 10г, дивь|лахуса Тип. 167, 11а, по земь|ли Тип. 167, 17в, исправь|лаю Тип. 167, 17г, пь|лѣньники Тип. 167, 21а, бь|людетъ Тип. 167, 19в; вь|заль Тип. 165, 36б, вь|ниде Тип. 165, 37а, вь | срдѣе Тип. 165, 56в—г, вь | немь Тип. 167, 10а, вь|земше Тип. 167, 12а, вь|сѣданыя Тип. 167, 17в, вь|цркви Тип. 167, 22г; но: пь|лакашеса Тип. 165, 39г, вь|довьство Тип. 165, 43а, бес правь|ды Тип. 165, 55б, пь|лотьскихъ Тип. 165, 62в, бь|лагородныма Тип. 167, 5а, вь|лѣку Тип. 167, 10б.

перед передненебным *p'* — пь|ри диоклитьянѣ Тип. 165, 45б, пь|приведени же бы^с Тип. 165, 45г, вь|ремене Тип. 165, 60а, пь|редасть дѣю Тип. 167, 60г, пь|репразньство Тип. 165, 65в, вь|рема Тип. 165, 66г; но: ни добь|рыа Тип. 165, 66в, вь|рата Тип. 167, 15а.

Задненебные смягчались перед зубными: хь|лѣба Тип. 167, 1г, ѡкъ|леветана Тип. 167, 16а; къ | нему Тип. 165, 57г; къ | требищу [к'т'р'] Тип. 165, 60в; но: оусѣкъ|нути Тип. 165, 41б, кукъ|сы Тип. 165, 43г, некъ|тарьемь Тип. 167, 7а, гь|лаголахуть Тип. 167, 7г.

Каких-либо оснований сомневаться в том, что постановка ь в приведенных примерах связана с мягкостью последующего согласного, нет, поскольку примеры неэтимологического еря в позиции перед твердым согласным, равно как и примеры с неэтимологическим ь перед мягкими согласными, не встречаются (единственный случай, который может быть признан спорным, это пример ь перед ш — см. ниже).

Отметим также, что в говоре писца *B* перед *j*, судя по всему, смягчались все согласные. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры употребления ь в т. н. разделительной функции не только на месте исконного сочетания *ьj*, но и в предлогах/приставках перед графемами *я*, *ю*, *н* (на месте ь): сь *я*ковомь Тип. 165, 47в, сь *я*ростью Тип. 165, 65б, сьимь | монатью Тип. 167, 5в, въ *ю*диной кѣ|льѣ [*так!*] Тип. 165, 38а, въ *ю*гуптѣ Тип. 165, 64б, къ *ю*вдокси|и Тип. 165, 55б, къ *ю*динѣ||мь *ю*удѣемь Тип. 167, 19б—в.

Для других групп согласных материалов нет или недостаточно. Перед шипящими в конце строки, к примеру, устойчиво сохраняется ь (в соответствии с этимологией), и на этом фоне единственное написание в данной позиции ь (приимь|ше Тип. 165, 57б) кажется малоубедительным⁵⁵.

Ассимилятивное отверждение засвидетельствовано только перед твердыми зубными для *p'*: деръзновеные Тип. 165, 54а, деръзнувше Тип. 167, 2а, перьсть Тип. 167, 4г (но: перь|въѣе Тип. 165, 46б, перь|воѣе Тип. 165, 47б, перь|въи Тип. 165, 48в, деръзнеши Тип. 165, 52г, перьсти *ю*|го Тип. 165, 60в) — и губных: бес правь|ды Тип. 165, 55б.

⁵⁵ Мягкость шипящих в говоре писца вообще может вызывать сомнения, см. 5.2.4.

При этом написание *юсь|та* Тип. 167, 17а как будто указывает на сохранение непозиционной мягкости перед твердым зубным⁵⁶ (здесь, правда, мы имеем дело с книжной словоформой).

Таким образом, ассимилятивное смягчение согласных в некоторых говорах северо-востока Руси в XIV в. было представлено так же широко, как, вероятно, и в старомосковском произношении. Приведенные материалы позволяют уточнить хронологию и особенности этого фонетического процесса в отношении некоторых групп согласных. Так, В. В. Колесов в свое время констатировал, что «достоверных примеров позиционного смягчения заднеязычных нет до XV в.» [Колесов 1980: 146]. О. А. Князевская, рассматривая написание *къ себѣ, къдѣ, къ|ниги* и пр. в Московском евангелии 1358 г., исключала вероятность того, что *ь* означает в данном случае мягкость *к'*, и объясняла их «влиянием орфографии какого-то южнославянского оригинала»⁵⁷ [Князевская 1957: 134]. Примеры, представленные в Прологах Тип. 165 и Тип. 167 (при отсутствии каких-либо следов южнославянской орфографии), позволяют все же предполагать, что позиционная мягкость заднеязычных *з, к, х* перед мягкими зубными согласными была представлена в говоре писца В. Следует, наверное, обратить внимание и на примеры: *перьсь|киа* Тип. 165, 38а, *черньчьсь|киа* Тип. 165, 61в, *идольсь|киа* Тип. 165, 56в. В говоре писца Московского евангелия мягкость *с'* в суффиксе *-ьск-* была непозиционной, поскольку неэтимологический *ь* в данной позиции встретился перед твердыми согласными. Такую мягкость зубного, представленную также в некоторых северорусских говорах, О. А. Князевская объясняла влиянием предшествующего суффиксального *ь* [Князевская 1957: 130, 172; см. также Соболевский 1907/2004: 118]. Л. Л. Касаткин отмечал, что в древнерусскую эпоху «твердые переднеязычные, кроме [л], смягчились перед всеми мягкими со-

⁵⁶ Ср.: *нѣсь|мы* Т2, 2в, *есть|мы* Т2, 2б, *юсь|въ* Т1, 61г. Мягкость *с'* в этих словоформах, вероятно, связана с формами *юси* и *юсьмь* [с'м'], подобно тому как исконная позиционная мягкость *с'* в *осмь* [с'м'] стала непозиционной, ср. *осмь|ши* [с'м].

⁵⁷ Впрочем, это суждение не вполне последовательно, так как других следов южнославянского протографа в рукописи исследовательница не выделяла. Более того, все приведенные примеры демонстрируют написание *ь* после *к* перед мягким согласным.

гласными, кроме мягких заднеязычных» [Касаткин 1999: 211]. Тем не менее в нашем случае мягкость зубного явно является позиционно обусловленной, поскольку *с*, судя по всему, перед твердым *к* был твердым: *александрьсь|каго* Тип. 165, 53б.

В связи с вопросом об ассимилятивном смягчении согласных с учетом закономерностей употребления еров кажется уместным рассмотреть проблему соотношения живых говоров и книжной орфоэпической нормы. Б. А. Успенский, развивая гипотезу А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново об особом чтении еров в раннедревнерусский период [Шахматов 1915/2002: 208—209, 254—255, 268—270; Дурново 1924—1926/2000: 448—450; Дурново 1933/2000: 662], предположил, что именно с начала XIV в. на смену старой манере чтения еров (когда еры читались как *о* и *е*) пришла новая орфоэпическая норма, согласно которой «*ъ* и *ь* начинают читаться как редуцированные звуки (гласные призвуки типа шва), которые, возможно, совпадают по звучанию с бывшими редуцированными живой русской речи». Новая манера чтения еров появляется как «противодействие ассимиляционным процессам в книжном произношении», и, соответственно, «еры пишутся теперь для того, чтобы избежать позиционного изменения согласных» [Успенский 1997а: 163]. Гипотеза Успенского о чтении еров как «гласных призвуков типа шва» не подкрепляется материалом рукописей данного периода, что делает ее исключительно умозрительной проекцией орфоэпической системы, обнаруженной у старообрядцев [Успенский 1997в], на позднедревнерусский период⁵⁸.

Как отмечалось выше, закономерности употребления еров не позволяют предполагать, что за ними стоят какие-либо звуки (*о*, *е* или гласные призвуки типа шва). Еры, судя по всему, не несут какой-либо фонетической нагрузки (кроме указания на твердость/мягкость предшествующих согласных),

⁵⁸ Следует отметить, что в первом издании статьи [1967] Успенский высказывал предположения о связи обнаруженной у старообрядцев системы литургического произношения со вторым южнославянским влиянием [Успенский 1967: 78], однако при переиздании этот фрагмент опущен.

их постановкой писец преследовал прежде всего графические цели: а) разделить группу из трех и более графем, соответствующих согласным (особенно в этом отношении показательны примеры: въ цркѣъ Тип. 167, 2б, въ срѣци Тип. 167, 2г, въ цѣртво Тип. 167, 16а [при ца|рѣ Тип. 165, 43в, Тип. 167, 9г], крѣтвѣшаго Тип. 167, 1б, — поскольку здесь скопление согласных представлено только на письме); б) разделить графические геминаты (ср.: лекъко Тип. 167, 6а — но: к галато|мь Тип. 167, 19в); в) обозначить конец строки в соответствии с правилом переноса. Из приведенных выше примеров видно, что ассимилятивное смягчение охватывает не только исконные группы согласных, но и новые, появившиеся после падения редуцированных (причем в таких случаях постановка еров, как правило, не препятствует позиционному изменению фонем). В тексте писца В немало также примеров, демонстрирующих ассимилятивное оглушение/озвончение согласных: ѣ·жѣ|ды Тип. 165, 40б, гѣ блѣженому Тип. 165, 51б, лекъко Тип. 167, 6а, стезѣ же оуска бѣ|ше Тип. 167, 7в, ѡщежителѣ Тип. 167, 14б (но: ѡщежитель Тип. 167, 14б).

Ряд примеров позволяет проверить гипотезу В. М. Живова и Б. А. Успенского об особом книжном чтении ѣ, отличном от звучания соответствующей фонемы в живых говорах [Живов, Успенский 1984; Успенский 2002: 163—173]. По мнению этих ученых, противопоставление графем ѣ и е в книжных текстах аналогично противопоставлению графем н и њ, т. е. одна буква (соответственно ѣ и н) несет указание на мягкость, другая (е и њ) — на твердость предшествующего согласного⁵⁹. Однако написания вроде: по възѣ|несеньи Тип. 165, 56б, къ |нему Тип. 165, 57г, пѣ|редасть дѣю Тип. 167, 60г, въ|ремѣ Тип. 165, 66г, изъ|речньны Тип. 167, 11б, ѡкъ|леветана Тип. 167, 16а — говорят о смягчении согласного перед е (неэтимологические еры (ѣ) в этой позиции не представлены ни разу). Следовательно, и здесь дикция писца

⁵⁹ Такое различие данных графем в церковнославянских текстах XVII в. предполагал еще Л. Л. Васильев [1910], однако М. В. Панов решительно возражал против возможности такого противопоставления ѣ и е [Панов 1990: 345—359] (см. также примеч. 34).

в процессе переписывания текста не соответствует модели книжного произношения, предполагаемой Б. А. Успенским.

Ассимилятивное смягчение согласных (а также озвончение/оглушение), широко представленное в родном говоре писца, судя по всему, активно проникает в церковнославянский текст Пролога. Сложно предположить, что вполне квалифицированный книжник, переписывая книжный текст, совершенно игнорировал церковнославянскую традицию чтения еров и ъ, и так же сложно предположить, что орфографическая норма, на которую опирался писец, могла быть независима от орфоэпической⁶⁰. Таким образом, представляется весьма вероятным, что известная писцу *В* книжная орфоэпическая традиция во многом соответствовала живым говорам XIV в.

⁶⁰ Это, кстати, идет вразрез с другим тезисом Б. А. Успенского: «...книжное произношение в принципе ориентировано вообще на написание, представляя собой побуквенную систему чтения» [Успенский 1997а: 162].

ГЛАВА V. НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЛОГОВ ТИП. 165, ТИП. 167 И ТИП. 166

Выявление тех или иных фонетических особенностей говоров писцов, переписавших Прологи Тип. 165, Тип. 167, имеет принципиальное значение для решения вопроса локализации кодексов. Сразу отметим, что рассматриваемые рукописные книги довольно бледны в отражении каких-либо региональных орфографических особенностей, что, разумеется, само по себе также может быть показательным при решении вопроса о месте создания рукописей. В нашем случае однозначное решение вопроса локализации Прологов несколько затруднено. Причины в следующем: 1) в создании книг участвовало значительное число переписчиков, при том что для корректного анализа диалектной принадлежности писца его орфография должна рассматриваться изолированно, как замкнутая идиосистема; 2) большинство писцов зависели от орфографии антиграфов, что очевидно затрудняет интерпретацию некоторых примеров; 3) существует вероятность того, что кто-либо из писцов являлся носителем иного (в сравнении с остальными) диалекта. Последнее особенно актуально, поскольку некоторые орфографические особенности последовательно представлены только у одного писца.

В. В. Калугин полагал, что кодексы Тип. 165, Тип. 167 были созданы в псковской земле, на основании наличия в книгах примеров аканья и цоканья (совмещение этих черт типично именно для Пскова). Связь рукописей со Псковом подтверждается установленным нами фактом реставрации Прологов дьяконом церкви Архангела Михаила Даниилом. Тем не менее версия псковского происхождения данных рукописных книг требует тщательной проверки, поскольку большинство дошедших (и точно локализованных) псковских рукописей характеризуется куда более яркими орфографическими

особенностями [см. Соболевский 1907/2004: 118—156; 1888/2006; 1909/2006; 1911/2006; 1916/2006; Каринский 1909; Кандаурова 1957; Зализняк 2004; Крысько 1998; Шевчук 2002; 2003]. К числу наиболее типичных и ярких из них относятся (знаком * помечены черты собственно псковских говоров, другие — являются общими для Пскова и Новгорода):

- 1) смешение на письме *ц* и *ч* — цоканье;
- 2) смешение графем, обозначающих шипящие *ш*, *ж* и свистящие *с*, *з* — шепелявенье, или соканье, черта, которую большинство исследователей объясняют отсутствием оппозиции мягких шипящих и свистящих в фонологической системе говоров псковской земли*;
- 3) *жг* на месте общеславянских сочетаний **zgj*, **zdj*, **zg'*;
- 4) *кл* и *гл* на месте **dl*, **tl'*;
- 5) мена *ч* (*оч*) и *в* — особенность, связанная с особым качеством фонемы *в* (билабиальным), что вызывало ее совпадение с *у* в определенных позициях;
- 6) различные свидетельства отвердения *р'* (мена приставок *пре-/про-*, букв *д/д', ч/ч'* и т. д. после *р*)*;
- 7) написание *а* на месте *о* в безударном положении*;
- 8) написание *и* на месте *е* в безударной позиции*;
- 9) смешение *е* и *ь*, а также *и* и *ь* — особенность, обусловленная переходом *ь* в *е* и *ь* в *и* в определенных позициях;
- 10) смешение графем *д*, *д'*, *тд* и *е* (*е'*), *ь* в конечных открытых слогах — ауслатное яканье.

Отметим также следующее обстоятельство: фонетический переход *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* в говорах псковско-новгородской земли происходил позднее, чем в других восточнославянских говорах, а именно, начиная с XIV века [Соболевский 1907/2004: 130; Шахматов 1915/2002: 311; Дурново 1924/2000: 162; Зализняк 2004: 90—91]. При этом, как полагала Т. Н. Кандаурова, непосредственно в псковском диалекте этот переход осуществился еще позднее.

Орфография первого писца Пролога 1383 г. не отражает изменения сочетаний задненебных с *ы* (в тексте, переписанном вторым писцом, отсутствуют собственно псковские региональные особенности и имеются написания *ки, ги, хи*) [Кандаурова 1957: 271—272].

Традиционно считается, что чем ниже профессиональные навыки книгописца, тем скорее диалектные особенности проникают в его орфографию. Однако в нашем случае очевидно, что низкая квалификация книгописца скорее способствует проникновению в текст орфографических особенностей антиграфа, соответственно, определить, какие региональные особенности привнесены в текст писцом, а какие являются наследием антиграфа, не всегда просто. Наибольший интерес, на наш взгляд, должен представлять текст писца *В* как самого квалифицированного книжника, орфографическая техника которого мало зависела от оригинала.

5.1. Орфографические особенности текста, переписанного писцом *В*. Некоторые особенности фонетической системы говора

5.1.1. Статус фонемы *ѣ* в говоре писца

Для локализации рукописей позднерусского периода система употребления *ѣ* является важным элементом анализа текста. При этом, разумеется, наибольший интерес представляют лишь отклонения от той системы, которую для церковнославянских текстов древнерусского извода следует считать стандартной.

Нормативное для церковнославянских текстов древнерусского извода употребление *ѣ* во многом не соответствовало этимологическому.

Последовательно *-ле-* в соответствии с неполногласным *-лъ-* пишется в словах с основой *влѣк-*, *облѣк-*: облече в ризу Тип. 165, 37г, ѡблеко|стеса Тип. 165, 41а, вовле|къ Тип. 165, 52в, совлеко|му Тип. 165, 42а—б, вле|чень Тип. 167, 23а, влеком|а бѣста Тип. 167, 21а, влеча^х Тип. 167,

11г, влечаста Тип. 167, 22г. В неполногласных *-рѣ-(ре)* последовательно пишется *ѣ* (см. по этому поводу: [Шахматов 1885: 211—215; Соболевский 1907/2004: 23—24; 2006: 471—472]; а также: [Живов 1999/2006: 178—199]), *ять* встречается один раз в корне *древ-* (в М. ед. с предлогом на: на дрѣвѣ Тип. 165, 44б, соответственно, такое написание логичней связывать с графическим предвосхищением флективного *ѣ*).

Наречия на *-дѣ*, в том числе *идѣ (идѣже)* в большинстве случаев этот писец пишет с ятем (этим его орфография отличается от других переписчиков [см. по этому поводу: Виноградов 1923: 286; Борковский 1936: 37; Жуковская 1957: 55; Князевская 1957: 155; Сумникова 1960: 141]): *ве|сдѣ* Тип. 165, 45б, *весдѣ* Тип. 167, 17г, *гдѣ* Тип. 165, 36б, 62а, *сдѣ* Тип. 167, 15в, *идѣже* Тип. 167, 20б, 20в; но: *идеже* Тип. 165, 36в, 63а. В остальных случаях выбор графемы соответствует этимологическому гласному (*нынѣ* с *ѣ*: *нынѣ* Тип. 165, 44г, 55б; Тип. 167, 4б, *ѣнынѣ* Тип. 167, 1г).

Е всегда употребляется в корне в *-ес-* формах лексики *тѣло* [Дурново 1924—1926/2000: 471]: *телеса ваша* Тип. 165, 45а, *телеса* Тип. 167, 9б, *на телесехъ* Тип. 167, 20б, *телеса* Тип. 167, 23б, *телеси юго* Тип. 167, 23а.

Слово *ангѣль (ангѣль)* и производные последовательно пишутся с *ѣ*: *архань|гѣла* Тип. 165, 46г, *ань|гѣльское житѣе* Тип. 165, 61г.

Смешение *ѣ* с *и* представлено прежде всего в именах собственных: *моиси* Тип. 165, 47б, *моисии* Тип. 167, 20г, *мо|исѣеву* Тип. 167, 3а, *моисѣя* Тип. 167, 20в, *праведныя жены са|ндулѣѣ* Тип. 165, 39в, *сандулиа* Тип. 165, 39в, *фивил|скаго* Тип. 167, 22а, *павла фивѣискаго* Тип. 167, 22а, *авдиа* Тип. 165, 64в, *авдѣи* Тип. 165, 64в. Связывать такую вариативность с фонетическими процессами в говоре писца также нет оснований.

Большинство других примеров смешения (или вариативного написания) *ѣ* и *и* имеет морфологическое обоснование и будет рассмотрено в специальной главе (см. ниже: 6.1, 6.2.1). Пример: *иѣсифѣ никто име|немѣ* Тип. 167, 21б — не находит прямого объяснения, однако и не может быть свидетельст-

во какого-либо фонетического изменения (так как одного примера для этого недостаточно).

Единожды ъ встретилось на месте ь (ъ): приведе и в ко|стантинѣ градѣ Тип. 165, 55б. Однако этот пример, вероятно, объясняется тем, что предлог въ (ѡ) спровоцировал форму местного падежа⁶¹.

Таким образом, описанные случаи отклонений от этимологического употребления ъ, как правило, являются стандартными для древнерусских книжных текстов и не связаны с позициями (словами, морфемами), имеющими прямое соответствие в живых восточнославянских говорах. В целом такая же система представлена в тексте остальных переписчиков Прологов Тип. 165, Тип. 167 (см. 5.2.1).

5.1.2. Другие диалектные особенности и фонетические явления

Прежде всего отметим здесь явления, связанные с безударным вокализмом, важные в связи с вопросом локализации кодексов, поскольку представлены они не только в тексте писца *B*, но также и у других переписчиков.

Н на месте е (в заударной позиции): имѣ|ить приставника наст. 3 л. ед. ч. Тип. 165, 47б. Пример: паче риши к на|мь Тип. 165, 62в, — судя по всему, обусловлен графическим предвосхищением.

А на месте о (в безударном положении, в начале слова), единичный пример: апать Тип. 167, 21в (подробнее об этих аспектах безударного вокализма будет сказано ниже). Отметим здесь, что в условиях аканья неоднозначными для интерпретации оказываются примеры: главу рабови поклонѣ|ють Тип. 167, 2б, главу свою аки рабови преклонѣ|ть Тип. 167, 3г, — поскольку такие написания могут возникнуть как в результате обобщения неитеративных основ, так и в результате гиперкоррекции.

⁶¹ Костантинь градѣ (костантинь | градѣ Тип. 167, 12в) склоняется этим писцом по образцу твердого *о-склонения (в костанти|нѣ гра^а Тип. 167, 12в).

Как фонетическое явление следует назвать пропуск *в* между гласными перед *у*: жиоуции Тип. 167, 4в, зооушихъ Тип. 167, 13г, жиоуще Тип. 167, 20а, зооуци Тип. 167, 13в—г. Это явление известно в северо-восточных памятниках [Соболевский 1884/2004: 105; 1894/2006: 184—185; Дурново 2000: 199—200; Шахматов 2002: 294] и рассматривается либо как указание на билабиальное качество губного спиранта в говоре писца [Жуковская 1957: 73—74], либо как свидетельство о сохранении *w/ɥ* в особой фонетической позиции — между гласными перед *у* [Шахматов 2002: 294; Гиппиус 1996: 161]. И те и другие исследователи полагали, что утрата *в* перед *у* произойдет скорее при губно-губном качестве согласного, однако мы считаем, что делать какие-либо выводы о качестве губного фрикативного согласного исходя из данных примеров не вполне оправданно, поскольку в памятниках, созданных на территории распространения билабиального спиранта, аналогичные примеры практически не встречаются.

Можно отметить также отдельные случаи появления протетических *в* и *ј*: галактивономъ Тип. 165, 42а (га|лактиона Тип. 165, 42а), по воть|кровенью ъию Тип. 167, 7а, геворгиа Тип. 167, 6б; ѿ патриархъ Тип. 167, 7б, патриархъ Тип. 167, 13в, к патриарху Тип. 167, 13в.

В тексте писца *В* встретилось несколько примеров удвоения предлога *въ/в*: във огонь Тип. 165, 57а, във огонь Тип. 167, 17а, вв огонь вверх|жень Тип. 167, 22а. Аналогичные примеры присутствуют и у других переписчиков (см. ниже: 5.2.4).

Отметим также примеры: оуязве|нь (Тип. 165, 49г), оумрѣ|швають Тип. 165, 54а, оуязвень бы^с Тип. 165, 55г, в которых отражено явление, хорошо известное по другим древнерусским, а также и южнославянским рукописям [Соболевский 1910/2006: 270—271; Васильев 1913: 376—379]. А. И. Соболевский (а вслед за ним и Л. Л. Васильев) предполагал, что эпентетический *л* из *ј* после губных не развивался в конце группы согласных (примеры типа *уязвлен* должны в данном случае объясняться аналогией).

5.2. Фонетические особенности текста, переписанного другими писцами

Орфография других переписчиков Прологов в целом не меняет картины. Как отмечалось ранее, в кодексах заметно выделяется текст мартовских чтений, поэтому отдельные аспекты орфографии этого фрагмента будут рассмотрены отдельно (от других писцов). В остальных частях рукописного текста орфография однородна.

5.2.1. Употребление графемы ѣ

Употребление ѣ другими писцами, как правило, соответствует узусу писца *B* (за исключением текста мартовских чтений, см. ниже).

В корне *-влѣк-* все писцы писали *ѣ*: *совлеко|ша A* Тип. 165, 10в, *совле|кохъ H* Тип. 167, 64в, *облекохо H* Тип. 167, 65б, *облекшо H* Тип. 167, 65б. В корнях с неполногласием *-рѣ-*, как правило, пишется *ѣ*, колебания наблюдаются только в корне *дрѣв-*: на *дрѣвъѣ A* Тип. 165, 9б, 10б, 18б, 33б, 31г, 34а (устойчивое написание *ѣ* в данной словоформе заставляет предполагать именно графический эффект, при этом единожды: на *древѣ 18б*); в других формах и словах производных — *ѣ*: *древано A* Тип. 165, 10б, *по древу A* Тип. 165, 10б; с *дрѣва H* Тип. 167, 47в. В других корнях ѣ в неполногласных *-рѣ-* (*ре*) встречается в тексте лишь единожды: *ѣврѣщиса A* Тип. 165, 1б.

ѣ устойчиво пишется на месте исконного *ѣ* в словах *гольнь*, *обитѣль*, *гибѣль* (что также является нормой в памятниках со стандартным употреблением ѣ, см.: [Васильев 1910: 332; Васильев 1910: 212—213; Жуковская 1957: 52; Князевская 1957: 155]): *во ѣбитель A* Тип. 165, 12б, *погибель A* Тип. 165, 11б, *голени A* Тип. 165, 13г — дважды, *погибель H* Тип. 167, 56в, *погибели H* Тип. 167, 79б, *голе|ни H* Тип. 167, 69в, *въ о|битель [при эффекте ѣ=ѣ] C* Тип. 165, 70г.

Исключительно редко появляется ϵ во флексии Д. ед. местоимения *ты* (подробней об этом см. 6.2.2.3): ѿкры | тебе тайну С Тип. 165, 78а; к тебе А Тип. 165, 18г.

В редких случаях на месте ψ появляется ϵ (ϵ) (такое смешение является обычным для северновеликорусских памятников, см. [Виноградов 1923: 287—288; Дурново 1924/2000: 189; Борковский 1936: 37—38], что вероятно говорит о нейтрализации ψ и e в позиции после j^{62} : сраци|ниско ϵ е [так!] вѣры С Тип. 165, 78г, сѣ ϵ на мѣнца настась|и римские ϵ А Тип. 165, 32б, доеха мѣста А Тип. 165, 33а; также, вероятно, именно такое смешение представлено в написании ω *жити ϵ* С Тип. 165, 70а (с флексией по твердой разновидности склонения).

Колебания в употреблении ψ/ϵ наблюдаются в наречии *иде/идеже*: идеже А Тип. 165 12б, 33а, идеже Н Тип. 167, 66в, 78а, 79б, 84б, 81б, 84б, и|деже 82а, идеже С Тип. 167, 92г, Тип. 165, 74а; но: идѣже С Тип. 167, 86г, 165, 70г, 81а, 82в, 83г, 76а, 76б.

Практически все писцы (кроме В) регулярно пишут ϵ в наречии *ныне/нѣ* (В использует в этой позиции только ψ): ныне А Тип. 165, 13в, 33г, Е Тип. 165, 85б, С Тип. 167, 87б, 90г, Н Тип. 167, 58в, 60г, 79б, 62г, 68г. Поскольку в данном случае мы имеем дело с книжной лексемой (в живых говорах, судя по всему, употреблялось слово *нонѣ*), надо полагать, употребление ϵ в данной позиции аналогично вполне обычным примерам вроде *-ес-*форм лексемы *тѣло* и, вероятно, форм Д. М. ед. *себе* (см. отмеченные В. В. Виноградовым примеры из Лавр. лет.: ныне 105об; но: нонѣ 133об [Виноградов 1923: 287]).

Практически все отмеченные колебания типичны для рукописных церковнославянских текстов древнерусского извода. Отклонения от нормы, оставшиеся за пределами выделенных закономерностей единичны и потому не

⁶² См. также объяснение этого явления Б. А. Успенского [2002: 166—167]

могут свидетельствовать об утрате соответствующей фонемы: бѣсѣды А Тип. 165, 1б, на тѣ|лѣгахъ С Тип. 165, 78б (эти примеры, надо полагать, объясняются графическим предвосхищением); сгрѣшила ѳемь Н Тип. 167, 56в, хотехо [так!] С Тип. 167, 88а (см. об употреблении *ѣ* в формах глагола *хотѣти* в Тип. 166 ниже — 5.3.1).

В нескольких случаях у писца С *ѣ* встречается на месте *ь* (или *н*, соответствующего напряженному редуцированному): безумѣ|ѳемь Тип. 165, 69в, ѳ безумѣ|ныхъ Тип. 165, 80б, с дѣяволомъ Тип. 165, 72б.

Взаимная мена *ѣ* и *н* обычна в именах собственных, а также в корнях *вид-* и *вѣд-*, что не может быть связано с какими-либо фонетическими изменениями. Кроме того, смешение *ѣ* и *н* наблюдается в некоторых словоизменительных аффиксах, что будет рассмотрено отдельно, так как имеет морфологическое обоснование (см. 6.1, 6.2.1).

Вероятно, графическим предвосхищением объясняются примеры: азъ бо ѳемь рабъ ливнѣ С Тип. 165, 73а; ѳбилиши ма ѳако снѣгъ С Тип. 165, 73г.

В тексте мартовских чтений Тип. 167 смешение *ѣ* и *ѣ* представлено шире. В неполногласных *-рѣ-* довольно часто пишется *ѣ*: по|жрѣти 100б, на дрѣвѣ 107в, съ | дрѣва 107в, сънѣмь съ дрѣва 94г, врѣтище 104б, въ врѣтище 95а (вретище 104б), ѳврѣщиса 95а, ѳврѣщиса 105б, прѣбываниа 102в, прѣдатель 97а, жрѣ|ти 105а, пожрѣ|ти 105б, на брѣгъ 105а, стрѣга и|хъ 105а; но: древу 96б, предъ | нима 94в, до времени 106в. *Лѣ-* в слове съ|влѣщи ю 95а.

В корне *тѣл-* (*телес-*) чередование то же: телеси славу | претворяють 104б; но: тѣ|ло 104а.

ѣ на месте *ѣ* появляется в форме компаратива: въ добреешемъ 95в, но: чт^снѣиша суть 99б.

В суффиксе *-ел'*- лексемы *погыбѣль* пишется *ѣ*: погыбели 101в, погыбѣль 101в.

ѣ на месте *ѣ* во флексиях: о левемь оче [оцѣ] 96б, въ ѣгюпте 97а, керл^смьстемь 95б.

В наречиях на *-де/-дѣ* и *ныне*: иде|же 99а, идеже 95г, 102а, 104а, 105а (но: идѣже 101а), сде 95в, 104в, ныне 104в.

ѣ на месте *ѣ* в корнях: въ реку 105а (къ рѣцѣ 106б), беседы ради 104в.

В префиксе *нѣ-*: некѣгда 99в, члѣкѣ некы|и 104г (ср.: нѣкто старьць 99б).

ѣ на месте *ѣ*: въ ѣзѣро 95а (ср.: въ ѣзерѣ 105а).

В примере: огнѣвѣ 107в, — скорее всего, представлено графическое предвосхищение. Других примеров смешения *ѣ* и *н* в тексте мартовских чтений нет.

Система употребления *ѣ* — не единственное отличие орфографии мартовских чтений от всего остального текста. Принципиально иная традиция употребления графемы *ѣ* обусловлена, судя по всему, региональной принадлежностью антиграфа, потому никак не может пролить свет на место создания рассматриваемых кодексов.

5.2.2. Другие явления из сферы вокализма, представленные в тексте Прологов

Такая типичная именно для Пскова особенность орфографии, как смешение графем *ѣ* (*ѣ*) и *ѧ* (*ѧ*, *ѧ*) в конечном открытом слоге, рассматриваемая как отражение ауслатного яканья [Соболевский 1884/2004: 146; Каринский 1909: 154; Зализняк 2004: 75—76; Крысько 2006: 595], в Прологах Тип. 165, Тип. 167 представлена несколькими примерами, обусловленными, скорее всего, графически: *аща* видиши | оубога милуи *С* Тип. 165, 69а, *аща* | видиши врага сми|рисѧ *С* Тип. 165, 69а, ни доса|жати никомужа *С*

Тип. 165, 69а (т. е. у нас нет оснований связывать эти примеры с ауслаутным яканьем).

В тексте Прологов присутствуют примеры написания *н* на месте *е* в безударной позиции. Здесь прежде всего следует отметить, что довольно часто с *н* в корне пишется слово *желати*: жи|лаа же оучитиса *A* Тип. 165, 21б; жилаше *E* Тип. 165, 87б, жилаа 88г; жилаше *H* Тип. 167, 57в, жи|лаючи 61б, жилаемаго Тип. 167, 78г, жилаемыи 83г, жилаючи (жилауюцю) 84а. Распределение этих примеров указывает на *A-II* как на возможный их источник, однако и это предположение не позволяет однозначно объяснить такое регулярное искажение одного корня.

Другие примеры: в предударной позиции — и|стьщина *H* Тип. 167, 79г, придь личе *A* Тип. 167, 95в; в заударной — положи|нь бы^с на ложи *E* Тип. 167, 36в (ударение в этой словоформе могло быть как *положэнь*, так и *полóженъ* [Зализняк 1985: 186, 211, 337, 339—342], при этом важно учесть, что написание *положинъ* может быть результатом графического предвосхищения), мучинь|а *H* Тип. 167, 67а⁶³; а также отмеченный выше пример: имѣ|ить приставника *B* Тип. 165, 47б. Аналогичные примеры, традиционно интерпретируемые как свидетельство неразличения *и* и *е* в безударном положении, известны как в псковских памятниках [Каринский 1909: 156—163], так и в северо-восточных [Щепкин 1889: XV, XVII, XX; Кузнецов 1946: 145; Князевская 1957: 163—164].

В четырех случаях в тексте Прологов на месте *о* в безударном положении написано *а*, это отмеченный выше пример *приде о|ць юго апать B* Тип. 167, 21в, а также: ѿ лима|ниса *H* Тип. 167, 79г, воюводаю *C* Тип. 165, 77г, таго ра^д *A* Тип. 167, 56г. Вероятно, в написании: ѿ алѣа моего насыти|теса *H* Тип. 167, 84а (=о^лья←^елья) — тоже отражено аканье, однако текст в Тип. 167 искажен. В других списках Пролога в этом месте мы на-

⁶³ Исконным для этой лексемы является неподвижное накоренное ударение, см. акцентуацию глагола *мучити* в [Ушаков 1982, 194].

ходим: ѿ обилья моего ПрСоф, 312в, то же ПрЮр, 291б, что соответствует словам ѿ *жить моихъ* в Пандектах Антиоха (СбТр XII/XIII, 103 об.), к которым восходит Слово о звании Божии. Несмотря на немногочисленность, эти примеры, вероятно, обусловлены системой безударного вокализма говоров писцов, однако, как уже говорилось выше, сами по себе они не позволяют связывать рукописи со Псковом.

Как отмечалось ранее, в тексте писца *H* встречаются примеры, демонстрирующие переход *e* в *o* после мягких согласных перед твердым: в ударном положении — причтонъ 49а, ·ѣ· жонъ 63б, потръ 78г; а также, возможно: должонъ 76б; в безударном положении: жону 58б, пeрoдо мною 62в (впрочем, последний пример ненадежен, так как может также объясняться графическим предвосхищением).

5.2.3. Употребление писцами Прологов графем *ц* и *ч*

В. В. Калугин [1992] считал, что Прологи Тип. 165 и Тип. 167 были созданы во Пскове, на основании наличия в тексте примеров аканья и смешения букв, соответствующих аффрикатам. Поэтому вопрос о цоканье следует рассмотреть особо.

Неразличение аффрикат традиционно считается самой яркой диалектной чертой русских северо-западных говоров, а смешение на письме графем *ц* и *ч*, встречающееся уже в древнейших новгородских текстах, является, как правило, надежным свидетельством принадлежности рукописи к этому диалектному региону [см.: Соболевский 1907/2004: 34; Каринский 1909: 15; Шахматов 1915/2002: 318]⁶⁴. Однако необходимо учитывать, что в действительности для локализации памятника важно не наличие в тексте определенных графико-орфографических эффектов, а твердая уверенность в том, что эти эффекты обусловлены определенными особенностями говора писца. В

⁶⁴ Различные гипотезы о происхождении цоканья см. в работах: [Чернышев 1902: 117; Бодуэн де Куртенэ 1963: 369; Селищев 1968: 737; Образование севернорусского наречия: 447—448; Орлова 1959: 118—140; Глускина 1968; Попов 2004: 208—217]

нашем случае это особенно актуально, поскольку, при наличии примеров смешения *ц* и *ч*, анализ орфографии не дает оснований предполагать, что говору кого-либо из переписчиков свойственно цоканье.

В орфографии наиболее квалифицированного писца нет свидетельств того, что он является носителем говора с неразличением аффрикат. По крайней мере нам трудно предположить, что, переписав 54 листа в Прологах (учтены, разумеется, только сохранившиеся), цокающий книжник ни разу в употреблении *ц* и *ч* не допустил бы отклонения от стандартной орфографии. Примеры смешения соответствующих графем встретились у трех писцов: *А*, *Н*, *І* (колебания: *срачиньско|му* Тип. С 165, 79а, *сра|чиньскую вѣру* С Тип. 165, 79б, *срацинскаго С* Тип. 165, 78в, *сраци|нискоје вѣры С* Тип. 165, 78г — не могут рассматриваться как свидетельства неразличения аффрикат; *сарацинъ* является лат. заимствованием [Фасмер 1987: 561], тогда как сочетание *чи* в этом корне, вероятно, является результатом адаптации на слав. почве греч. сочетания задненебного с гласным переднего ряда [σαρακηνός]). Наибольшее число таких примеров представлено в тексте писца *А*. В Тип. 165, однако, в тексте этого переписчика надежных примеров смешения *ц* и *ч* нет; здесь встречаются только примеры написания *ц* перед *н* (или, точнее, написаний *н* после *ц*) в корне *-цѣст-*: *ѡцищати* Тип. 165, 13б, *ѡцистимса* Тип. 165, 18а, *оцистишаса* Тип. 165, 9в, *ѡцистивъ|са* Тип. 165, 7в, *оцистишаса* Тип. 165, 9в (как примеры смешения их рассматривать нельзя, так как очевидно, что это обусловлено смешением корней *-чист-* и *-цѣст-*, подобные примеры встречаются также у других переписчиков); а также пример: *ѡлѣцьца* Тип. 165, 27г (рядом: *к лѣчьцю* Тип. 165, 27г), вызванный, судя по всему, графическим предвосхищением.

В мартовских чтениях Тип. 167 примеров смешения значительно больше (19): *неличемѣрень* 106а, *нареча|я* 101в, *ѡрича|шеса* 103б, *ѡричающюса* 103б, *о левемь оче* 96б, *на ли|чи паде* 96б, *на |личе* 96а, *придь личе* 95в, *чату (=цату)* 103б — дважды, *жърьчю* 107в, *старьчъ* 107а, *старечъ* 107а, *видѣ без-*

лобие старча (Пролог Тип. 174: старца 5в) 107а, оусрамивъ | же старчь чѣтна му|жа 103а, ре^ч же старчь к нему 107а, старче же глѣ|ше не хоцю 103б; и да челооу|мудримъса 96б (=оуцѣломудримса).

Непропорциональность в распределении примеров смешения (ни одного надежного примера на 35 листов в Тип. 165 и 19 — на 13,5 листов в Тип. 167) вынуждает нас предположить, что написания с *ч* на месте *ц* в мартовских чтениях Тип. 167 обусловлены влиянием орфографии антиграфа. Однако, предположив это, мы не можем точно сказать, в каком случае орфография соответствует фонетической системе говора писца. Тем не менее приведенные выше примеры переосмысления грамматических форм типа *старчь* (при эффекте *ь=e*), *старче* (формы Зв. вм. И. ед.), а также лексем *оуцѣломудритиса* (челооу|мудримъса) говорят скорее в пользу того, что различение аффрикат как раз не свойственно говору писца.

Представляет интерес тот факт, что свидетельства неразличения аффрикат в тексте мартовских чтений соотносятся с неупорядоченным употреблением *я*. В совокупности эти черты свойственны северо-западным памятникам, соответственно, именно северо-западным по происхождению следует считать антиграф чтений на март.

Оставшиеся примеры смешения *ц* и *ч* крайне малочисленны: бѣль|чю I Тип. 167, 97г (чтения на март), а также: и рець старецъ H Тип. 167, 63а, ста|речь же ослабивса (вм. осклабивъса ПрЮр, 285г) 78а, по словеси старцю (=старчю) 78а, и глѣа оѣь | мои рекль 78а. В случае *рець* ошибка обусловлена, скорее всего, предвосхищением последующего *ць*, *оѣь* также может объясняться влиянием звательной формы (напомним, что писец смешивает *еры* с *о* и *е*; контекст вполне допускает переосмысление формы). Но, даже исключив последние оговорки, сложно предположить, что писец (H), невысокой квалификации, смешивавший на письме *о*, *е* с *ъ*, *ь*, будучи носителем цокающего диалекта и переписывая довольно значительный фрагмент текста (37 листов), допустил такое незначительное число ошибок [см. Кузнецов 1948: 149—153].

5.2.4. Другие явления из сферы консонантизма, представленные в тексте Прологов

Типичный для Пскова пример смешения на письме букв, соответствующих шипящим и свистящим, только один: избиса юму голе|ни на дробно *H* Тип. 167, 69в (можно было бы отметить также: толкущему ѿве|ржетса *H* Тип. 167, 75а, — однако здесь, скорее всего, отражено смешение корней *-вьрз-/-вьрг-*). На наш взгляд, для того, что признать кодексы Тип. 165, Тип. 167 псковскими, этого явно недостаточно, поскольку, даже согласившись с псковским происхождением писца *H*, мы не можем предположить того же в отношении остальных переписчиков Прологов. Более того, некоторые особенности говора писца *B*, отразившиеся в его орфографии (свидетельства мягкости *p'*, переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи* — см. 4.2.1⁶⁵), несовместимы со Псковом. Говору писца *A*, надо полагать, свойственно различие аффрикат, а примеры типа *жиоуци* (снова писец *B*) известны только в ростово-суздальских памятниках.

В тексте писца *I* имеются свидетельства отвердения шипящих: жы|тель Тип. 167, 98в—г, держымь 98в, поло|жыти 98б. Как говорилось ранее (глава II), в тексте некоторых писцов встречаются примеры написания *ь* после шипящих (в том числе после *ц*): в печь горящю *E* Тип. 165, 88г, б̃ь нашъ *E* Тип. 165, 93а, мужъ *E* Тип. 165, 92в, 91в, вельблужью | кожу *G* Тип. 167, 46б, немо|щъ *G* Тип. 167, 46а, замужь *G* Тип. 167, 46а, г̃ь на|шь і̃ь х̃ь *G* Тип. 167, 45а, безбожье *C* Тип. 167, 44в, не|мощьнымъ *C* Тип. 167, 91б, ноць *C* Тип. 167, 89а, му|жь *C* Тип. 167, 87а. Однако источником этих примеров является А-II. Тем не менее материалы, представленные в тексте писца *I*, являются вполне показательными для констатации того факта, что отвердение шипящего *ж* в его говоре уже осуществилось. Н. М. Каринский отмечал на-

⁶⁵ В нашем случае нет сомнений в том, что в говоре наиболее квалифицированного переписчика Прологов Тип. 165, Тип. 167 это фонетическое изменение не только полностью осуществилось, но и определило орфографическую норму, полностью вытеснив традиционные написания.

писания *ч*, *ъ*, *ы* в позиции после шипящих и *ц* начиная с середины XV века [Каринский 1909: 29, 54, 70, 83, 116, 124 и т. д.]. При этом очевидно, что наиболее яркая особенность консонантизма говоров Псковской земли (отсутствие оппозиции шипящих и мягких свистящих) не позволяет рассматривать появление твердых шипящих как результат внутреннего развития системы согласных фонем. Отмеченные Каринским примеры обусловлены, судя по всему, инодиалектным влиянием, или распространением общевеликорусского койне в связи с формированием языка русской народности. Так или иначе в нашем случае факт отвердения шипящих в говоре писца *I* противоречит идее псковского происхождения Прологов.

Следует отметить также написания, которые Л. Л. Васильев [1908: 217—223] квалифицировал как удвоение предлога *въ* (*въвъ* или *вв*): *въвъ* адѣ А Тип. 165, 2а, *вв* огонь А Тип. 165, 30г, *вв* уста А Тип. 165, 31в, *въвъ* умысль С Тип. 165, 67г, 68г, *вв* олтарь Е Тип. 167, 92г, *въвъ* огонь В Тип. 165, 57а, Тип. 167, 17а. Васильев настаивал на широком распространении данного явления, однако, как явствует из материалов его исследования, именно в таком виде удвоение предлога *въ* представлено в памятниках северо-восточных (в западных памятниках пишется *оув*).

Итак, специальное рассмотрение орфографии Прологов Тип. 165, Тип. 167 скорее вынуждает нас усомниться в их псковском происхождении, поскольку нет оснований предполагать, что в говорах писцов присутствуют свойственные именно Пскову диалектные особенности: неразличение шипящих и мягких свистящих, неразличение аффрикат, ауслатное яканье, отвердение *p'* (здесь, скорее, наоборот, мы располагаем примерами, указывающими на сохранение мягкости *p'*: *въ|ремене* Тип. 165, 60а, *пъ|редасть дѣю* Тип. 167, 60г, *пять|риарха* Тип. 165, 43в, *изъ|ре^чньны* Тип. 167, 11б, *пъ|риведени же бы^с* Тип. 165, 45г, *перъ|выи* Тип. 165, 48в — см. 4.5), *жс* на

месте общеславянских сочетаний *zgj, *zdj, *zg'; билабиальное качества губного спиранта и пр.

Прологи Тип. 165 и Тип. 167, на наш взгляд, ближе всего памятникам северо-восточным великорусским, созданным на территории распространения диалектов, испытавших влияние акающих говоров. По крайней мере, некоторые особенности, выделенные нами, типичны именно для текстов, созданных на территории ростово-суздальских говоров, и отсутствие каких-либо ярких диалектных черт характеризует памятники именно этого региона.

5.3. Фонетические особенности Пролога Тип. 166

Орфография Пролога Тип. 166 полностью соответствует нашим выводам о региональной принадлежности Тип. 165 и Тип. 167. Текст Пролога лишен ярких региональных особенностей, что само по себе снова является важным показателем для локализации рукописи. Более того, в рукописи практически не представлены те диалектные черты, которые отразились в кодексах Тип. 165, Тип. 167 (редукция безударных гласных).

Здесь прежде всего будут рассмотрены фонетические особенности текста основных переписчиков, а также писца *I*, фактически это составляет не менее 95% от объема книги. Исключение из анализа остальных писцов обусловлено следующими причинами: 1) текст, переписанный остальными писцами, незначителен по объему, что делает его по меньшей мере неудобным для изолированного анализа; 2) в тексте остальных писцов отсутствуют примеры, отражающие явления, не представленные у основных переписчиков Пролога.

5.3.1. Употребление графемы ъ

Писец К

Употребление ятя стандартно (или по крайней мере близко к стандартному).

Неполногласные сочетания *-ръ-* писец К пишет строго с *ѣ*: время 75в, прелщена 76б, предъ 65в, време|нныа 66а, брегъ 74б, чресь 71б, во время 62в. Также с *ѣ* корень *влек-*: совлеци 3б, извълеко|ста 64б, влечаста 87г, влечень 87г.

Последовательно с *ѣ* пишутся *-ес-* формы лексемы *тъло*: телеса 73в, въ телеси 75в, те|леси юго 87г (но: тѣла 65б, тѣло|мь 76а, тѣло 68б).

Также дважды *ѣ* появляется в корне *дѣл-*: делеса 122а (рядом: дѣлеса); о помы|слѣхъ и о делѣхъ 112а. Первый из приведенных примеров может быть объяснен графическим предвосхищением, однако пример *о делѣхъ* остается малообъяснимым.

ѣ пишется в словах *голънь*, *обитѣль*, *-гибѣль*: погибель 140г, погиге|ль 140б, поги|белью 55г, погигели 55г, погиге|ль 54в, поги|бели 175в, въ пог|бель 161г, изби|ша голени на дробно 158г, избиша голени на дро|бно 159а, обители 7в.

Колебания представлены в написаниях наречий *идѣ/идѣ же*, *нынѣ*, а также наречий на *-оль* [см.: Шахматов 1923: 286—287, 294—295; Князевская 1957: 156]: идѣ||же 152а—б, идѣже 87г, 89г, 89б, 53в, 48г, 61г, 175б, 163г, 171б; но: идеже 52а, 131в, 121б, 130а, 101б, 174а; нынѣ 3а, 58б, 153б, 154в, 144г, 143в, 158а, 86г, 6б — трижды, 175в, 170в, нынѣ | же 141в, нынѣ же 63б, ны|нѣ 175в; но: ныне 5б, 7в, 86г, 60в, 151а, 123а, 125в, 109б, 104г, 106а — дважды, 92г, 107в, 148г, 81г, 162в (а также: ны|нѣшнюю 143а, нынѣшнею 53б, до нынѣшь|наго дѣе 61б; но: ныне|шнии 106г); доколѣ 117в, нѣѣколѣ 94г, ѣтолѣ 175а, 156в; но: ѣселе 98г, 90г, доселе 106а, ѣто|ле

5г, ѿтоле 175а. При этом другие наречия на *-дѣ* пишутся только с ѣ: здѣ 144г, 138в, 140г — дважды, гдѣ 146б, 120г, гдѣ 107а.

Также *ѣ* на месте *ѣ* представлено во флексии Д. и М. ед. местоимения *себе* (с основой *себ-*): к себе 7г, не имѣемъ стра||ха в себе 120—121, в себе | помышлѣше 171в (см. 6.2.2.3).

В редких случаях на месте этимологического *ѣ* после *ј* пишется *ю*: преѣхаша 85б, съедену 119а, не злобы ради | своею 82а, оуюю худости 74в, сѣ||ю марфы 137а, въ | юдиномъ | общеж||тѣю 64в.

В некоторых случаях *ѣ* появляется на месте суффиксального *ѣ* в формах глагола *видѣти* и его производных: видети 72а, быхомъ видели 89а, виде||ти 69г, видеста 76б, видение 5а, не хочет бо видети | насъ 158а (о причинах см. ниже)

Единственный пример (не обусловленный морфологически) смешения *ѣ* и *н*: въ | храмѣну 98в.

Система, представленная в тексте **писца L**, аналогична, однако отклонений от этимологического употребления значительно меньше:

В *-ес-*формах слова *тѣло*: в телеси 23б, к телеси 46в, телеса 37а (но: тѣломъ 46б, 47а, к тѣлу 38б, тѣ||лу 24г).

Единожды представлено *ѣ* во флексии в Д. ед. местоимения *себе* (с основой *себ-*): внемли | себе 24б.

ѣ пишется в суффиксе лексем *обитѣль* и *погибѣль*: ѿ||битель 43г, погибелною 43а. Однако в слове *голѣнь* употребляется *ѣ* в соответствии с этимологией: голѣни съ||крушиша 21в—г.

ѣ на месте *е* появляется единожды в форме компаратива: *болѣ* 122а [см.: Виноградов 1923: 287; Князевская 1957: 153].

В наречиях на *-дѣ*, *-оль* и *нынѣ* последовательно пишется *ѣ*.

Ѕ на месте ѣ встретилось в нескольких аналогичных примерах: въ|скорми ѳ [В. мн.] в скитѣ 8в, ѡста|вль ѳ [В. мн.] 8б, ѡклеветаша ѳ [В. мн.] къ ѳп^спу 39г.

Пример: нарѣцашеса 24а — представляет собой, вероятно, контаминацию лексем *нарицати* и *нарѣкати*, соответственно, видеть в таком написании результат фонетического перехода *ѣ* в *и* нельзя.

Н на месте ѣ встретилось дважды в слове *свѣдѣтель* и его производном: свидитель 29в, свидитель|ство ѳго 28а. Н в корне обусловлено смешением корней *вид-* и *вѣд-*; суффиксальное н, вероятно, появилось под влиянием *i*-глаголов (куда более многочисленной группы в ряду глаголов второго спряжения). Надо полагать, регулярное написание *ѳ* в суффиксе глагола *видѣти* у писца К⁶⁶ вызвано тем, что в говоре писца суффикс *-ѣ-* в основе инфинитива был замещен суффиксом *-и-*, т. е. «ятевые» формы для переписчика были книжными, что и объясняет орфографическую неустойчивость соответствующей графемы.

Таким образом, отклонения от этимологического употребления ѣ либо стандартны для церковнославянского языка древнерусского извода, либо обусловлены нефонетически и встречаются также в памятниках, не отражающих фонетический переход *ѣ* в *е* или *и*. О сохранении в говорах писцов фонемы *ѣ* свидетельствуют и морфологические данные (см. 6.1).

5.3.2. Другие фонетические явления, представленные в тексте Пролога Тип. 166

В тексте писца К встретились пример написания н на месте *ѳ* в безударной позиции: жиланье 108б (см. 5.2.2); а также случай н на месте *'а*: оуслы|шинѣ бы^с 133г.

⁶⁶ См. также [Жуковская 1957: 60].

Также следует отметить отсутствие эпентетического *-л-* в группе согласных: оуязвенаго (53б), язвено бывшее (81б), оуме|рщвению 96а, оумерь|швати 52б (см. 5.1.2).

Смешение на письме *ц* и *ч* ограничивается корнями *-цѣст-* и *-чист-*: оцистивъ *K* 117г, оцисти 79б, оци|щають 81в, оци|щають 81в, оцисти 158б — что, как отмечалось ранее, никак не связано с неразличением аффрикат; колебанием *ц* и *ч* в корне *срацин-* (*сороцин-*): ѿ срачи|нь *L* 22г, на сра|циньскую 22г, срачинь 23а, сра|цинина 23а; а также примером: о|ѣство 116в (этот пример нельзя признать надежным, так как написание под титлом может быть прочитано неоднозначно).

Протетический *в* появляется в позиции перед *ѡ*: вострыхы [*так!*] чрепъ 134а.

Случаи удвоения предлога *въ в* (*вв*) редки: вв огнь вѣчнии 81в, вв огнь вве|ржень бы^с 99а; единожды такой предлог появился перед согласным: влѣ|зе самъ въ в мѣ|дь 136г.

В тексте писца *K* многочисленны примеры написания *ъ* после шипящих: преобразъ|са 75а, ножъ 154г, матежъ 144в, повѣжъ 140в, се вежъ оѣе, матежъ 141а, яжъ | и пии 144а, му|жъскую крепость 108б, не ложъ | бо юсть 114б, пожъго|ша 102в, преложъ 102в, безбо|жънии 102г, .л. мужъ 98в, стражъ 91б, мало похожъ 91г, ложъ 93б, миродержъце|мъ 93в, вожъгли будутъ 107а, стражъ 86г, между 88б, вожъ 79б, чюжъ 81г, повѣжъ 81г, оубѣжъ 81г, .ѣ. мужъ 51б, 51в, вложъ 49в, сожъ|жень 5в, матежъ 122б, мужъ 73в, преобразъ|са 75а, му|жъствова 76г, му|жъ 166г, 168в, 149в, 147а, 138а, 138б, 104б, 86в, 84в, 60г, 54г, 54в, 175г, 157а, 162б, 163в, 163г, му|жъ 87в, 64в, 52б;

вашъ 143в, оѣъ на|шь 91б, 96а, 89г, нашъ 5в, оѣъ нашъ 156в, фѣъ [*так!*] на|шь 108в, бѣъ нашъ 111а, вашъ 101в, оѣъ нашъ 5в;

вещъ 90г, за ·к· поприщъ 96в, юдинь | козлищъ 107а, по|мощъ 89а, поприщъ 3г;

а также пример: дождъ 3в.

Аналогичная система, судя по всему, была представлена во втором антиграфе Прологов Тип. 165, Тип. 167.

Традиционно только написание *ы* после шипящих считается надежным свидетельством отвердения шипящих и *ц*. Такая точка зрения обусловлена, вероятно, тем, что 1) даже после совпадения звуков *и* и *ы* в одной фонеме соответствующие графемы прочно должны были ассоциироваться с различными гласными звуками (в то время как *ъ* и *ь* могли не иметь прямых фонетических соответствий); 2) звук *и* не может выступать после твердых согласных (как *ы* — после мягких).

В Прологе Тип. 166 *ы* пишется (у писцов *К* и *Л*) только после *ж*: вельможи сѣнь *К* 175а, мужы В. мн. 88в, въздержы 84б, держыми 60б, лжы 66б, ождають 71а, мужы|и 75б, на | лжы 91б; жывоту *Л* 33б, послужыла | ти быхъ 33б, идольслужытель 28г, в жы|знь 34а. Располагая данным материалом, можно определенно говорить о том, что в говоре писцов *Л* и *К* отвердел шипящий *ж*. Что же касается многочисленных случаев написания *ъ* после шипящих (в том числе после *ц*, а также в слове *дождь*, где написанию *жд*, вероятно, соответствовала двухфокусная аффриката *ж'д'ж'*), то здесь возникают некоторые сложности интерпретации. С одной стороны, смешение еров наблюдается только в исторически маркированных позициях, что обусловлено конфликтом фонетического и традиционных принципов орфографии (здесь прежде всего имеются в виду вариативные написания *-ть/-тъ* в формах 3 л. наст. вр. глаголов, *-мь/-мъ* во флексиях имен, где написания *-мь* и *-тъ* в рассматриваемый период истории русского языка обусловлены фонетическим принципом, тогда как *-мь* в Т. ед. именного склонения, М. ед. местоименного и пр., *-тъ* в презенсе глаголов — традиционным, а случаи с *-мь* в Д. мн. представляют собой результат гиперкоррекции), с другой стороны, если нет достаточных оснований предполагать отвердение шипящих (кроме *ж*), то как можно объяснить такое варьирование? Возможные фонетические объяснения: 1) на раннем этапе отвердение шипящих затронуло только от-

дельные позиции (не перед *и*) и в позиции перед *и* успел отвердеть только *ж*;
2) отверждение *ж* спровоцировало орфографическое варьирование *ъ/ь* после соответствующей графемы, которое в свою очередь распространилось и на позиции после других шипящих.

Орфография Пролога Тип. 166 (при том, что в работе над рукописью участвовало значительное число писцов) не содержит каких-либо северо-западных региональных особенностей (рукопись вообще практически лишена каких-либо региональных особенностей), поэтому, несмотря на то что до поступления на Московский печатный двор кодекс хранился во Пскове, у нас нет оснований предполагать псковское происхождение памятника. Таким образом, анализ орфографии Тип. 166 подтверждает нашу гипотезу о северо-восточном происхождении Прологов Тип. 165 и Тип. 167.

ГЛАВА VI. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЛОГОВ ТИП. 165, ТИП. 167 И ТИП. 166

Если, анализируя текст древнерусских рукописей с фонетической точки зрения, мы исходим из того положения, что стандартная орфография церковнославянских текстов во многом опиралась на живые восточнославянские говоры и потому может служить ключом к их пониманию и описанию, то в отношении морфологии возникают некоторые сложности. Морфология церковнославянских текстов более традиционна и консервативна. История церковнославянской грамматической нормы древнерусского периода (в отличие от собственно орфографической) связана с постепенным отдалением, обособлением ее от древнерусской морфологической системы. В этих условиях переписчики должны были в большей мере доверять копируемому оригиналу, чем собственным морфологическим навыкам. Соответственно, морфологические инновации древнерусского языка могли реже проникать в текст, так как соблюдение грамматических норм в меньшей степени опиралось на живые говоры. Тем не менее в определенных случаях морфологические инновации все же проникают в церковные тексты. Такие случаи можно квалифицировать как морфолого-орфографические, так как здесь перед писцом возникает проблема выбора графемы при написании словоизменительного элемента словоформы. Вариативность, возникающая в таких условиях, регулярна, так как опирается на диалекты, и со временем инновационные флексии могут стать частью книжного узуса. В тех случаях, когда мы имеем дело с утратой какой-либо категории или появлением новой (к примеру, преобразованием системы прошедших времен, утратой двойственного числа, формированием категории одушевленности) и церковнославянские формы не находят прямого соответствия в живых древнерусских говорах, особенности

диалектов все реже и реже проникают в стандартные книжные тексты (возможные отклонения от нормы в такой ситуации редко характеризуется последовательностью и регулярностью). В данном случае копиист, не являющийся автором (соавтором, переводчиком, редактором) текста, просто воспроизводит антиграф, не задумываясь, насколько правильно та или иная форма воспроизводится.

Таким образом, очевидно, в поле нашего зрения обязательно попадут примеры, являющиеся наследием антиграфа. В Прологах Тип. 165 и Тип. 167, Тип. 166 к числу таких, надо полагать, относятся примеры: *овощевъ К* Тип. 166, 177а—б, *Н* Тип. 167, 80г; *тоть да ли||тургисають В* Тип. 167, 9б—в, *тоть да литу|ргисають К* Тип. 166, 72в (пример отмечен еще в ПрЛ Т. А. Сумниковой: [Сумникова 1995: 348]); *мужи и жень Тип. 167, 11а*, *мужы|и и жень К* Тип. 166, 75б. Это обстоятельство является «неизбежным злом», из-за которого нельзя однозначно судить о том, что из представленных инноваций соответствует диалекту писцов.

В соответствии с заявленными во введении целями и принципами отбора материала в этой главе нас будут интересовать прежде всего инновации первого типа, т. е. те, что отражаются на уровне графики и орфографии и могут считаться принадлежностью списков (рассматриваемых книжных памятников).

Целью такого морфологического описания является установление книжного грамматического узуса, представленного в Прологах, а точнее, его подвижность, представленная в тексте вариативность морфологических форм и флексий, позволяющая делать выводы: 1) об особенностях говоров писца (писцов), 2) об исторической динамике книжной нормы. При этом важно учитывать, что сама вариативность морфологических форм «является... не преходящим этапом в истории образования нормы русского извода, но принципиальным свойством самой этой нормы» [Гиппиус 1989: 95]. Центром морфологического описания рукописей будет текст основных писцов (за исключением примера: *меншѣ|ишую А* Тип. 165, 24в, — который, как нам ка-

жется, заслуживает особого внимания). Такое ограничение продиктовано следующими причинами: 1) для корректного исследования тексты разных писцов должны рассматриваться изолированно; 2) наибольший интерес должна представлять система, представленная в тексте писцов, проявивших наибольшую самостоятельность (орфографические навыки остальных писцов сильно зависели от списываемых оригиналов); 3) в текстах других переписчиков представлены те же инновации и отсутствуют примеры, противоречащие нашим выводам о региональной принадлежности писца.

6.1. Имена существительные

Основные тенденции и направления развития деклинационной системы имен существительных в древнерусский период связаны со следующими процессами: утратой двойственного числа, развитием категории одушевленности, формированием родовой мотивации распределения по типам склонения (и как следствие сокращением склонений), утратой родовых различий во множественном числе (унификация субпарадигм множественного числа), утратой чередования задненебных и свистящих в пределах одной парадигмы. Каждый из означенных процессов может предполагать целый комплекс морфологических изменений, из которых лишь некоторые (малая часть) нашли отражение в текстах Прологов. Обусловлено это консервативностью книжно-церковнославянского узуса и, главное, тем, что переписчики лишь изредка могли выступать в качестве редактора текста и в большинстве случаев просто воспроизводили оригинал.

Поскольку история русского языка демонстрирует утрату релевантных некогда признаков распределения по типам склонения и выдвигание на передний план морфологического рода как основного признака в распределении лексем по словоизменительным классам, целесообразным представляется группировать представленный в кодексах морфологический материал существительных в соответствии с их родовой принадлежностью.

6.1.1. Двойственное число в Прологах

Хотя категория числа не ограничивается классом имен существительных, причины обращения к вопросу о статусе дуалиса именно в этом параграфе (посвященном именам существительным) состоят в следующем: во-первых, только в рамках этой части речи число имеет прямую семантическую мотивацию; во-вторых, преимущественно в рамках субстантивного склонения наблюдаются отклонения, свидетельствующие об утрате двойственного числа.

В рукописях двойственное число закономерно появляется в ожидаемых позициях. В редких случаях употребление числовых форм оказывается непоследовательным, как правило, это примеры мн. на месте дв. числа согласованных форм. В связи с этим можно привести фрагмент текста писца *B*, относящийся к памяти свв. мучч. Феофила диакона и Елладия (8 янв.): влачими бѣ|ста. поругаеми. и ка|меньемъ побьени бы|ша. и всѣми костми. и тако предаста своя ду|ша в руцѣ г^сви. Тип. 167, 7в. Сопоставление этого фрагмента с другими списками (Тип. 166: влачими | бѣста и поругаема | и камениемъ скру|шаема всѣми ко|стьми. и тако преда|ста свои дѣши г^сви. 71г; ПрЮр: влачима бѣста. | поругаема и камениемъ | скрушаема всѣми кость|ми. и тако предаста свои | дѣши г^сви. 216в) выявляет некоторое искажение текста, возможно, привнесенное самим писцом *B*: и ка|меньемъ побьени бы|ша. и всѣми костми. Надо полагать, именно это искажение стало причиной целой серии «неправильных» числовых форм (начиная с *побьени*), при этом форма *влачими*, которая является общей для списков Тип. 166 и Тип. 167 и, возможно, восходит к общему протографу (ср. в ПрЮр: влачима), в тексте Тип. 167 обусловила также мн. ч. следующей словоформы (поругаеми). Отметим здесь и другие случаи употребления форм мн. числа вместо дв.: *B*: огневи преда|ни бѣста Тип. 165, 36г, кри|лѣ гобинѣ посребрени Тип. 165, 54б, ѡбрѣто|стасѧ два живи Тип. 167, 20б; *K*: влачими | бѣста Тип. 166, 71г.

Исследования [Соболевский 1907/2004: 204—209; Шахматов 1957: 207—219; Историческая грамматика, II] показывают, что утрата двойственного числа — явление позднерусского периода, соответственно, представленная в тексте устойчивая регулярность в употреблении числовых форм, вероятно, восходит к раннедревнерусским протографам [см. Историческая грамматика, II: 129—131; Прокопенко 2009 (дис.): 194—195]. Однако в некоторых случаях формы дуалиса имен существительных предстают искаженными (или в неисконном своем виде). Такие формы встречаются в тексте (основных) писцов *В* и *К*.

Писец *В*

Здесь, прежде всего, следует отметить написания: преклонь | *колѣни* свои. Тип. 165, 41г, свазаша руцѣ. | под *колѣни* Тип. 165, 39в, ѿрѣзаша руцѣ. | и нозѣ. по *колѣни* Тип. 165, 45г. Появление подобных форм относится к раннедревнерусскому периоду (т. е. не связано с утратой двойственного числа) и обусловлено тем, что «дуальные формы слов *очи*, *оуши* стали деклинационным образцом для других парных обозначений» [Историческая грамматика, II: 122].

-*И* на месте ожидаемой флексии -*ѣ* появляется у существительных *рука* и *нога* [см. Там же: 122]: свазаша юму | руци Тип. 165, 44б; и простроша | руци юго и възложи|ша руцѣ юго на ѿгнь | с ливаномъ Тип. 165, 60в; принесе има воду | мыти има нози Тип. 165, 62а.

Мн. вместо дв.: предаста своѧ ду|ша в руцѣ гѣи Тип. 167, 7в; сѣ|хъ дѣ|ць кюрьяны. и оульяны Тип. 165, 36в.

Писец *К*

Текст основного писца Пролога Тип. 166 в целом отражает те же явления истории дуалиса в древнерусском языке.

Флексия -*и* в *В*. дв. слово *колѣно*: преклони ко|лѣни 122в, поклонь же | колѣни 50в.

-*И* в *В*. дв. слов *рука* и *нога*: в нози юѧ 94г, свазавъ имъ руцѣ и | нози 119г, ру|ци и нози ѿсѣкоша 121в, възбиша юму | гвозды в руцѣ и в но|зи 136б.

Также заслуживает внимания пример: с двѣма || птенцама голубинома 125—126, — демонстрирующий, вероятно, т. н. «деморфологизацию рода» в субпарадигме двойственного числа [Там же: 126].

6.1.2. Субпарадигмы единственного и множественного числа

6.1.2.1. Мужской род

6.1.2.1.1. Взаимодействие **o*- и **u*-склонений

Взаимодействие **o*- и **u*-склонений началось еще в праславянский период [Кузнецов 1961: 67; см. также Вайан 1952: 110] и, как отмечает М. В. Шульга, «наблюдалось во всех (в каждой без исключения) формах ед., дв., и мн. числа, где исконно имелись различия между парадигмами типа *плодъ* и *медь*» [Шульга 2003: 75]. Распространение флексий **u*-склонения на слова с **o*-основой было обусловлено их маркированностью в отношении категории рода [Шульга 2003: 74—74; Историческая грамматика, I: 99]. В древнерусский период оно охватывало прежде всего односложные основы [Шульга 2003: 74].

В тексте **писца В** формы **u*-склонения (кроме Д. ед., И. и Р. мн.) встречаются у слов *родъ*, *чинъ*, *сынъ*, *бобъ*, *воль* и *домъ*: ѿмещиса роду Тип. 167, 17в, на поставленые | прозвутерьскаго ч|ну Тип. 165, 58в, бобу мочена Тип. 165, 37в, въ | чину стльстмь Тип. 165, 59а, в дому Тип. 165, 51а, ѿкровенье о снѹ | црви Тип. 165, 61в, иже ино|го чину михаиль Тип. 165, 46г, в дому сво|емь Тип. 165, 51а, изъ ѿ|ча дому ишедшо Тип. 165, 42г.

Лексема *сынъ* в большинстве случаев представлена с флексиями **o*-склонения: къ црву снѹ Тип. 165, 61в, га иса ха сна биа Тип. 165, 61г, во има ѿца и сна и | стго дха Тип. 165, 41а, ѿ снѣ Тип. 167, 9г.

Довольно широко флексии **u*-склонения представлены в Д. ед. у слов, изначально не связанных с данным типом склонения:

— у лексем с односложной основой, исконно относившихся к **o*-склонению: попови же не сущю Тип. 165, 42а, ко хви Тип. 165, 54г, оугоди бгви Тип. 165, 38г, ко хви Тип. 165, 41в, бгви оугажа|юще Тип. 165, 44г, главу

рабови поклона|ють Тип. 167, 2б, бгѣви помоли|вса Тип. 167, 12б, знаѣми суть бгѣви Тип. 167, 19б;

— с **jo*-основой: жизнь мужевѣ Тип. 167, 17г, ноѣви повѣдаше Тип. 165, 47б, работаше | бо цѣрви жидовьскому Тип. 165, 64в, ко цѣрви Тип. 165, 65б, ко цѣрви Тип. 167, 16а (при том что эта основа может рассматриваться как односложная только в позднерусский период); здесь же отметим примеры: ѡгневи преда|на бысть Тип. 167, 16б, огневи преда|ни бѣста Тип. 165, 36г, слнѣю и | ѡгневи Тип. 165, 55г, спадшю || ѡгневи с нбѣи Тип. 165, 64г, — хотя исконно лексема *огнь* относилась к **i*-склонению;

— у **o*- и **jo*-основных лексем с неодносложной основой: скруши ва|ламови ногу Тип. 165, 47г, бысть | другъ юрмолови Тип. 167, 18а, к мои|сѣѣви Тип. 165, 58б;

— а также у лексемы *господь*, исконно относившейся к **i*-склонению [см. Вайан 1952: 123—124]: предасть дѣю свою гѣви Тип. 167, 9в, рабо|тати гѣви Тип. 167, 10а, предаста своя ду|ша в руцѣ гѣви Тип. 167, 7в, пре|дать дѣю свою гѣви Тип. 165, 43г, пре|дать дѣю свою гѣви Тип. 165, 43г.

В некоторых случаях флексия *-ови/-евѣ* представлена в искаженном виде: противиса | цѣрвѣ Тип. 165, 38б, маноевѣ и | женѣ юго Тип. 165, 48а, го|сподевѣ оугодити Тип. 167, 6а. Ъ в данной позиции следует, вероятно, связывать с влиянием сущ. **a*-склонения, включающего некоторое число слов мужского грамматического рода. Это единственное возможное объяснение, так как ѣ и н смешиваются только в морфологически маркированных позициях. При этом само искажение окончания говорит скорее о том, в разговорном узусе эта флексия уже не употреблялась.

Флексия **И. мн.** *-ове* ограничена только двумя исконными примерами: яко будете сѣве | оца вашего Тип. 165, 62г, сѣве Тип. 167, 4а.

В **Р. мн.** флексия *-овѣ* появляется как у слов, изначально относившихся к **u*-склонению (воловѣ Тип. 167, 9г), так и у лексем **o*-склонения: отъ | своихъ трудовъ Тип. 165, 66а, бѣсо|вѣ стадо ѡ немъ Тип. 167, 6г, толика тру-

довъ Тип. 167, 17а, наполни хлѣ|вину хлѣбовъ Тип. 167, 15а, полну хлѣ|вину хлѣбовъ Тип. 167, 15а, ·ѣ· часовъ Тип. 167, 21в, козни неч^твыхъ бѣ|совъ Тип. 167, 12б.

Писец L

Флексии **и*-склонения (помимо Д. ед., И. и Р. мн.) представлены лишь в нескольких примерах: в дому своемъ 45б, в до|му 25в (при этом: в домѣхъ ва||шихъ 31а—б), ѿ полу пути 43а.

Д. ед. -ови:

— лексемы с односложной **о*-основой: помолив же са яеп^спъ | бѣи 39г;

— лексемы с односложной **jo*-основой: пришедшо же муже|ви 11а; а также: сгрѣшили | црѣи 11г, црѣи лву 17г, къ црѣи 19б, навлеса | во снѣ црѣи 10в, къ бесмртному ѿше|дши црѣи 45г;

— лексемы с неодносложной основой: ре^ч попь дьяконови 22б (но: ре^ч попь дья|кону 22б);

— *господь*: пре|давъ блжн^юую свою ду|шю г^{ви} 19в, предаша дѣша своя гѣи 13б, . предасть дѣхъ свои гѣи 29а, вѣрою гѣи оугоди|ша 29б, пре|давъ блжн^юую свою дѣшю | гѣи 13а.

И. мн. -ове: пущени быша на | нь звѣрые. и лвове и ме|двѣди. 23г, схо|жахуса к нему жидо|ве 25б, врачеве 12г; а также формы от *сынъ*, для которого они являются исконными: да будемъ снѣ | вышнаго 38б, да буде|мъ друзи б^у и снѣ цр^т|виа юго 37а.

Р. мн.: ѿ бѣ|совъ 17г, ѿ бѣсовъ 22г, домовъ 25в, ради | грѣховъ 19в, пла|часа своихъ грѣховъ 35г (но: ѿ | своихъ грѣхъ 40г, свѣ|стныхъ грѣхъ 38г, ѿ грѣхъ 38б, ѿ грѣхъ 35г, ѿ грѣхъ 40а), мниховъ 18в.

Писец K

Формы по **и*-склонению (кроме Д. ед., И. и Р. мн.):

ед. ч.: ни жены | юго ни волу юго 179г, в дому | иродовѣ 178а, оу|мысливъ стыдень|ю дому своего 4б, о дому | ихъ 4б, дому своего 4б, в дому свое|мъ 4в, в чину дь|яконъ 62б, в немже каждо | чину юсть 169г, в миру 170а, в миру 144б, блг^сви и о | сн^ю юго 142б, въ | старѣмъ риму 51г, до вер-

ху 98в, до полу | пути 162в (практически все эти лексемы характеризуются также формами по *о-склонению: съ домы свои|ми 52г, в домѣ|хъ суще велицѣхъ 169г, ѿ меншаго чина 158б, верьху | леда ходити 99в, ѿвергохъса мира 69в, единачадному | яго сѣу 143г, о | сѣѣ двѣа цѣра 74а, вѣдыи яго сѣа су|ща бѣа 67б, блудна|го сѣа 3б, послѣ|дними сѣи и внуки 144в; обличь сѣа яго 64а, ѿ великаго рима 77а, прикасающа|госа версѣхъ 60а);

мн. ч.: оудѣми моими 109а, яда оудѣми яго приемле|мь 109б; а также исконные формы Т. мн. лексемы *сынъ*: с сѣми свои|ми 108в, со всѣ|ми сѣими своими 108г.

Д. ед. -ови:

— лексемы с односложной *о-основой: в рущѣ бѣи 83в, рече | василии петрови 51а, нача служити бѣи 49а, заи|мь дають бѣи 114б, приведше | свои плодъ бѣи 137г, бѣи оугажаю|щи 136г, вѣровати хѣви 157в, приноситиса | бѣи 155в, оугодивъ бѣи 154г, бѣи | оугодивъ 175г; отметим также форму Д. ед. лексемы *верхъ*, для которой флексия *-ови* является исконной: возрѣвъ к верхови того храма 113г.

— лексемы с односложной *jo-основой: сѣть | крѣпка мужеви 180а, исправляють | жизнь мужеви 82б, скру|шиши змиѣви гла|ву 95в, му|жеви избодену бывѣ|шю 139а, обнажену ме|чеви 145г, данъ бысть змиѣ|ви 152в; здесь же отметим пример: замь|брии же повелѣ цѣре|ви 52б; а также: о|сужена бысть огне|ви работати 176г, огневи преда|на бысть 80г;

— лексемы с неодносложной основой: другъ юрмолови 82в, оумрѣшю же и|родови 125б, къ | данилови 173в; многи дары | давъ васильѣви 50в, ма|ртурьѣви видащу 92г;

— лексема *господь*: онъ тцаше|са гѣви оугодити 70б, преда|ста свои дѣи гѣви 71г, пре|даша дѣшю свою гѣви 74а, ра|ботати гѣви 74б, ѿ срѣца гѣви молимь|са 76г.

И. мн. -ове: хвали|те гѣа ѿ земля змиѣве | и вси гадове 96б, жидо|ве и ялини проша|ху 52в, часове 59в, мѣци же | и дѣи и часове 59в, при|доша жидове 52а, како по|требатса рече жидове 4в, попове 62б, похва|лиша яго жи-

дове 89б, до|мове падоша 111а, жидове рекоша ко г^су 108а; а также формы от *сынъ* и *воль* для которых флексия *-ове* является исконной: снѣ же юа 108а, яко снѣ | бии 127а, да | будете снѣ вы|шнему 125в, снѣ свѣ|ту 164г, стада и волове и о|вци и вельблуды и | прочею 106г.

Р. мн.:

лексемы с односложной основой: ѿ своихъ | праведныхъ трудовъ во ч^сти 179г, видѣ древа || исполнь бл^гыхъ плодовъ 177а—б, къ старѣшинѣ | вольхвовъ 134б, хлѣ|бовъ 79в — дважды, ѿ бѣсовъ 91в, ѿ своихъ трудовъ 106в, ѿ своихъ ти | трудовъ 115а, на очищени|е грѣховъ 135б, при|ношение даровъ 172а, о очищении | грѣховъ 171г, поповъ и дьяко|новъ ·р̄· и ·к̄· и ·й̄· 170б, греховъ 164г, грѣховъ 160а, ѿ бѣсовъ 144г, про|щение грѣховъ 151а, ни даро|въ твоихъ 143б, о кончинѣ | жидовъ 142б, градовъ 154б, бещисленныхъ даровъ 163в, трудовъ 81в; а также примеры Р. мн. от *сынъ*: ·з̄· снѣвъ 108б, имѣющи ·з̄· снѣвъ 108а;

— с неодносложной основой: видѣ древа || исполнь бл^гыхъ плодовъ и различныхъ *овоцевъ* 177а—б, мухъ и комаро|въ 88г, поповъ и дьяко|новъ ·р̄· и ·к̄· и ·й̄· 170б.

Итак, в исследуемых Прологах нет лексем, последовательно сохраняющих формы **и*-склонения. Флексия Р. и М. ед. *-у* представлена только у слов с односложной основой, большинство из которых относились к этому склонению исконно, флексия Т. мн. *-ъми* встречается еще реже (всего для двух лексем: *сынъ* и *оудъ*), М. мн. *-ыхъ* не представлена вовсе. Слова исконного **о*-склонения с флексией И. мн. *-ове* также односложны. Флексия Д. ед. *-ови*, с одной стороны, характеризует, помимо односложных основ, также дву- и трехсложные⁶⁷, с другой — в некоторых случаях имеются основания полагать, что флексии *-ови*, *-ове* представляют собой пережиточное (или исключительно книжное) явление, т. е. в говоре писца они уже утратили продуктивность (или даже не употреблялись совсем, являясь лишь частью книж-

⁶⁷ Тип основы (одно- или многосложный) изначально являлся определяющим фактором для распространения окончания *-ови* на слова **о*-склонения (вопреки распространенному мнению о том, что данная флексия встречается прежде всего у наименований лиц) [Шульга 1978: 7—8; Древнерусская грамматика: 176—178].

ного узуса). Окончание Р. мн. *-овъ* также выходит за пределы группы лексем с односложной основой, однако такие примеры немногочисленны и встречаются только в тексте писца *K*. Только единожды эта флексия присоединяется в основе на мягкий согласный (при это очевидно, что данный пример не является принадлежностью списка, т. е. не был привнесен в текст переписчиком) (по поводу флексии Р. мн. *-ии* см. 6.1.2.1.4).

6.1.2.1.2. Обобщение форм твердой разновидности **o*-склонения

Примеры, демонстрирующие распространение форм твердых разновидностей склонения на мягкие, появляются в памятниках начиная с XI в. [Соболевский 1907/2004: 179—183; Кузнецов 1959: 39—41; Борковский, Кузнецов 1963: 194; Историческая грамматика, I: 149], «однако вплоть до XIV в. соответствующие примеры в письменности редки» [Шульга 2003: 88]. У имен существительных **o*-склонения обобщение флексий затронуло формы М. ед., В. и М. мн., в которых изначально существовала морфологическая корреспонденция *ь/и* и *ы/ь*. В исследуемых Прологах это процесс отмечен незначительным числом примеров.

Писец *B*

М. ед.: во г^сстѣмь мо|настырѣ Тип. 165, 53г, в мона|стырѣ Тип. 167, 5б.

В **В. мн.** в мягкой разновидности **o*-склонения помимо стандартной церковнославянской флексии *-а* представлена флексия *-и*: три палци [ПрЮр: палцѣ] хлѣба Тип. 167, 7г, избра му|жи Тип. 167, 18в, имущи фона|ри Тип. 165, 48а, и дасть сво|имь мужемь фона|ри Тип. 165, 48а. Исконная древнерусская флексия не встречается.

М. мн.: о *ц^срѣхъ* и о патриа|рсѣхъ Тип. 167, 7б.

Писец *L*

В тексте этого писца обобщение флексий по твердой разновидности склонения представлено одним примером **М. мн.:** по трехъ м^сцѣхъ Тип. 166, 10г.

Писец *K*

В тексте писца *K* примеры инновационных для **jo*-склонения флексий также немногочисленны:

М. ед.: о черноризьць ба, о плачь 161в, в монастырь 100г.

В. мн.: избра му|жи блговърны 83а, оу|чаху кони 92а, поманемь оѿи пу|стыньныа 88а.

6.1.2.1.3. Система склонения имен существительных мужского рода с исконными консонантными основами

У слов этой группы колебания наблюдаются прежде всего в форме **Р. ед.**, где встречаются как исконная для консонантного склонения флексия *-e*, так и флексия, соответствующая **i*-склонению (такие варианты присутствовали уже в старославянском языке, см. [Вайан 1952: 127]).

Писец *B*

Флексия по консонантному типу склонения представлена только у существительного *днь* в **Р. ед.:** до сконь|чанья дње Тип. 165, 38б, ѿ того дње Тип. 167, 6в; а также, вероятно, в **М. ед.:** елико во дне ра|здѣли ка по силѣ [в ПрЮр: елико въ днѣ] Тип. 165, 46в (но: по ма|лѣ дњи Тип. 167, 10в, по третьемь дњи Тип. 165, 40г). При этом форма **Р. мн.** данной лексемы соответствует **i*-склонению: ѿна же мало | дњи пребываше Тип. 165, 38в, пось|тиса дњи ·й· Тип. 165, 63г, преже ·л̄ | дњи дњи [так!] сверна|го [ПрЮр: съ|кверьнаго 131в] того праздника Тип. 165, 65г, ѿ | днии Тип. 167, 10г, по осми днии оумре Тип. 167, 16г.

Р. ед. других слов муж. р. консонантного склонения встречается в тексте писца *B* единожды: ѿ камени Тип. 167, 23в — с флексией **i*-склонения. Форма **И. ед.** этой лексемы совпадает с **В. ед.:** и камень ѿва|лиса Тип. 165, 37г. Исконная для консонантного склонения форма **И. ед.** встречается только у лексемы *пламы* [см.: Иорданиди 1995: 202]: аки пла|мы огньны [так!] Тип. 167, 21в. Наряду с ней: пламен же въсхо|жаше до нбси Тип. 167, 20б.

Варианты в **И. мн.** представлены также у лексемы *крѣстьянъ*: крѣтъяни суть Тип. 167, 1а, крѣтъ|яне Тип. 167, 1а. Первая словоформа соответствует **о*-склонению и является исконной (поскольку изначально слово было прилагательным), вторая — соответствует консонантному склонению, поскольку уже в древнейший период эта лексема была обобщена со словами на *'ан* (*инь/е*).

Писец L

В Р. ед. консонантного склонения существительных мужского рода встречается только флексия *-е*: ѿ того дѣне 27б, силу и | чѣть сего дѣне 37в, ѿ того дѣне 35б, сего камене 11б.

Р. мн. от *дѣнь*: и ма|ло дѣнии 8г, ·к· дѣнии 12б.

Писец K

Р. ед. *-е*: то|го дѣне 59а, ни єдино|го же | дѣне 58а, въ | поль дѣне 91б, до се|го дѣне 89в, и|с корене 120б, до сего дѣне 136в, пре|же дѣне 127а, ни єди|ного дѣне 122г, полу дѣне 163г, до се|го дѣне 66а, ѿ то|го дѣне 70г, до нынѣшъ|наго дѣне 61б;

-и: бес коре|ни древо 82а, ись | камени 140а, ни єдино|го же дѣни 89а, посреди пла|мени 153г.

И. мн. от *дѣнь*: мѣци же | и дѣни и часове 59в.

Р. мн. от *дѣнь* только по **i*-склонению: дѣнии .т̣. и љ̣. и .ѣ. 59а, по | осми дѣнии 81б, по оше|ствии же дѣнии 49а, по осми | дѣнии 48г.

При этом **И. ед.** исконных *пламы, камы*: пламе|нь И. ед. 85а, пламань ѿгнень И. ед. 85а (ср.: аки пламы | ѿгненьи бывъ 86б), ка|мень ѿ горы ѿторгъ|са 80а.

6.1.2.1.4. Другие явления морфологии имен существительных мужского рода

Формы Р. мн. на -ии у слов исконного **jo*-склонения: ни слу|гъ ни конии *B* Тип. 165, 42г, множь|ство мужии и жень Тип. 167, 11а; и жень *K* Тип. 166, 75б.

Как отмечалось ранее, примеры: мужии Тип. 167, 11а, мужы|и Тип. 166, 75б — вероятно, восходят к общему протографу, соответственно, надежными свидетельствами того, что флексия *-ии (-ej)* у имен существительных исконного **o*-склонения была представлена в говорах писцов, мы не располагаем.

Обобщение И. и В. мн.

Употребление формы **В. в.м. И. мн.**: дивии юму звѣри бра|шно приносиша *В* Тип. 167, 9б (но: раступишася звѣ|рые Тип. 165, 37г); бѣ именье юму | стада и волове и о|вци и *вельблуды* и | прочею *К* Тип. 166, 106г.

В.=И. мн.: на кръ^с|тыане Тип. 167, 9в, повелѣ|ста копыемъ изби|ти оучнѣи юго Тип. 165, 55г (в данном случае возможно два объяснения: 1) такие написания связаны с взаимным влиянием И. и В. мн. либо 2) являются результатом гиперкоррекции [при совпадении в живых говорах В. с Р. мн.]); а также: за | своа грѣси Тип. 167, 2б [Историческая грамматика, I: 176—178].

Форма **И. мн.** от *стражь* в тексте Прологов соответствует **i*-склонению [см. в связи с этим: Вайан 1952: 125]:

писец *В*: текше съ|тражыю Тип. 167, 22г (при том что форма **Д. ед.** — по **o*-склонению: запрѣти стражю || темничному 17—18);

писец *К*: неоусы|паюшии стражыю сто|яху 89б, текоша стра|жыю 87г.

Об устранении чередования задненебных и свистящих в парадигме именного словоизменения свидетельствует пример писца *К*: слово о ра|збоиникѣ Тип. 166, 129г. Косвенным свидетельством этого процесса является, вероятно, также пример: о прелще|нѣмь отроци Тип. 166, 52г, — так как других случаев фонетического перехода *ъ* в *и* в тексте писца *К* нет (т. е. это образование является гиперкорректным: писец знал, что форма требует замены задненебного свистящим, но в его родном диалекте прямого соответствия,

позволяющего безошибочно употребить нужную книжную словоформу, уже не было).

Аномальной является форма: гвозди желѣзными [так!] прибыена 121г. Однако появление ее, судя по всему, не связано с какими-либо языковыми (морфологическими) процессами. Здесь может быть несколько объяснений: 1) в данном случае, возможно, мы имеем дело с графическим предвосхищением, поскольку дважды вместо *ы* пишется *н*; 2) вполне вероятно и то, что писец, не полностью понимая контекст, планировал написать форму И. мн. от *гвоздь* (ср.: въбиша юму | гвозды в руцѣ и в но|зи 136б; а также примеры писца *L*: гво|зды желѣзны В. мн. 16а, ѿбувенъ бы^с в са|погы желѣзны с гво|зды ѿстры 20в), — это также объясняет и следующую форму согласованного прилагательного; 3) форма Т. мн. *гвозди* обусловлена параллельным существованием лексем *гвоздь* и *гвоздъ*, первая из которых изменялась по **i-*, вторая — по **o-*склонению (т. е. писец по аналогии с Т. мн. *гвозды* образовал форму *гвозди*).

6.1.2.2. Женский род

Женский морфологический род включал имена существительные **a-*, **i-* и консонантного склонений. При этом инновации практически не затрагивали **i-*склонения, единственный пример с неисконной флексией: въ злюбѣ и въ завистѣ Тип. 167, 19в — обусловлен, вероятно, влиянием предшествующей словоформы.

6.1.2.2.1. Обобщение форм твердой разновидности **a-*склонения

Инновационные флексии мягкой разновидности **a-*склонения представлены в формах Р., Д., М. ед., В. мн. В любой из перечисленных форм при этом преобладают стандартные церковнославянские флексии. Исконная

древнерусская флексия Р. ед., И. и В. мн. *-ъ* представлена несколькими примерами только в Р. ед. и В. мн.

Писец В

Р. ед.:

древнерусская флексия *-ъ*: праведныа жены са|ндулѣъ Тип. 165, 39в;
а также, возможно: двери | темницѣ Тип. 165, 40б, писате|ла лѣствицѣ
Тип. 167, 10б, — хотя эти примеры можно рассматривать и как инновационные формы Д. ед.

новая флексия *-и*: ильи пу|стыньника Тип. 167, 7в, пррѣа захарьи
Тип. 167, 7а, Во тже днѣ .ѣ. | двѣцѣ. текусисы. але|ксандры. ании. по|какотьи.
клаоудии. | еоуфрасии. матро|ны Тип. 165, 44в, ис темници Тип. 165, 45в, 63г,
и|с темници Тип. 167, 18а, изъ те|мници Тип. 167, 8в, ѿ своего ѿца | и мѣри и
братьи Тип. 165, 52б, сѣты|а анастасьи. Тип. 167, 12г, сѣтыа мѣнца *анастасьи*
Тип. 167, 13а, сѣтыа анастасьи Тип. 167, 13б, житници исполн|въ. *пшеници*
Тип. 167, 14б, до тысащѣ | злата Тип. 167, 5г, єдинога ради грѣ|шника каю-
щася. паче | нежели тысащѣ Тип. 167, 2в, сѣго пррѣа | захарьи Тип. 167, 9в.

Двойную интерпретацию допускает пример (Р. или Д. ед.): сѣ|далище
гордыни Тип. 167, 17в.

Инновационные флексии в Д. ед.: к невѣжѣ Тип. 165, 36г, монатьѣ
твоеи Тип. 167, 12а; а также, возможно: писате|ла лѣствицѣ Тип. 165, 10б
(см. выше).

М. ед.: о женѣ постницѣ Тип. 165, 37б, въ єдинои кѣ|лѣъ Тип. 165, 38а,
во одежѣ бѣлѣ Тип. 165, 41а, в темницѣ Тип. 165, 43г, Тип. 167, 8б — дважды,
въ | темницѣ Тип. 167, 8б, в темь|ницѣ Тип. 165, 44в, в темн|цѣ Тип. 165,
52а, во ѿде|жѣ бѣлѣ Тип. 165, 58а, на мытницѣ Тип. 165, 60а, в поварницѣ. и
в пе|клиницѣ. Тип. 167, 12а, в темн|цѣ Тип. 167, 17г, пре|бывѣ въ хижѣ
Тип. 167, 21в, в молебницѣ Тип. 167, 1а.

В В. мн.: ѿ того *житници* исполн|въ. *пшеници* Тип. 167, 14б,
схранѣ|ше сироты и вдовици Тип. 167, 14г, наполниша ко|шници Тип. 167,
15б (примеров И. мн. нет).

Писец L**Р. ед.:**

древнерусская флексия *-ъ*: зоѣ Тип. 166, 27а, сѣыа | мѣнци лукиѣ 20г.

новая флексия *-и*: сѣыа мѣнци. ѳвгѣныи 35б, ис кѣльи 9б, ис темници 13в, прп^дныа меланьи римѣ 45г, сѣыа мѣнци. анусыи 44г; а также пример: ицѣ|ление дѣши 28а, — допускающий двойную интерпретацию.

Д. ед.: нѣкоюи вдовицѣ да|сть прозрѣти 10а, да помоли|тса сѣьи мѣнцѣ 20г.

М. ед.: ѿ нѣкоюи | старицѣ. и постницѣ 46б, ѿ нѣкоюи старицѣ 46б, в те|мницѣ 13г.

И. мн.: рикающе | яко свиньи 45в.

В. мн.: древнерусская флексия *-ъ*: пасуща ѿвцѣ 31г, пасаше ѿвцѣ 19а, всыпа въ житни|цѣ 19г;

новая флексия *-и*: пасаше | ѿвци 31г, мно|гы монастыра и гости|ньници поставльши 46а.

Писец K

В **Р. ед.** только один пример может быть интерпретирован как отражение исконной древнерусской флексии *-ъ*: писателя | лѣствицѣ 74г. Однако его нельзя считать надежным (см. этот же пример у писца *B*).

Флексия *-и*: ис те|мници 57б, 82в, 131в, 159а, ис темници 60г, 134а, 136а, ис темни|ци 61а, 93а, и|с темници 120а, 161б, а|ньны пррѣци 128б, сѣыа мѣнци | феодоры 149б, ѿ | колесници 139а, стр^сть сѣыа мѣнци. аполинарьи. 60в, стр^сть сты|а мѣнци татьяны 80в, сѣыа му^ч|ници феодулии 94в, пама^т прп^дбныа мѣри наша. ксе|нии римляныни 105г, лжи же | не исповѣдаютъ 120б (ср.: ѿ собе лжа бо ѳсть 120а), и жены его ма|рьи 110а, мѣниѣ сѣы|ѣ марфы и мѣры се|стриницу 137а, сѣыа мѣнц^и | фаоусты 136в, стр^с сѣыа мѣнци | и агафыи 133г, ѿ темници 131г, ѿ | колесници 139а, мало водици 146г, прп^дбныа | мѣры 152а, ис кѣльи своея 144а, оцѣ нашихъ | и братьи 143б, изиде ис кѣльи 173в, пама^т прп^дбныа мѣри наша. ксе|нии римляныни 105г, мѣре на|шея домникии 71б, сѣыа анастасьи 77а, снѣ ѳлина. и мѣри |

юдьяныни 101г, мѣри сократыи 121г, стѣо пррѣка | захарыи 74а. Двойную интерпретацию допускает пример (**Р.** или **Д. ед.**): ѿверзе две|ри темници 89б.

Д. ед.: да|си землю землѣ 86в, са|м са в да вдовицѣ. на | продание поганы|мѣ 103г, вдовицѣ сѣна | в дасть 104в, завидѣ же дѣ|яволѣ двѣѣ то|и 140б, по лѣствицѣ 76г.

М. ед.: о лжѣ | и о клеветѣ 120а, в темницѣ 97а, в темницѣ 100б, 103в, 131б, 134в, о черноризцѣ [т. е. *черноризици*] бѣжавши 140а, в ча|шѣ 62б, в темни|цѣ 97а, въ велицѣ пусты|нѣ 148а, въ | поварницѣ и в пе|кленицѣ 76в, о сеи стѣи мѣнцѣ фи|лицитѣ 108а.

И. мн.: стада и волове и о|вци и вельблуды и | прочею 106г, ра|быни ткуть а другия | прѣдуть 141а.

В. мн.: въ|зимаю всѣхъ черне|цѣ тыковци 5г, наполни|ша кошници 79г, пасѣху овци 62а, постисѣ ·҃· не|дѣли 90в.

6.1.2.2.2. Система склонения имен существительных женского рода с исконными консонантными основами

Как и у имен существительных мужского рода этого типа склонения основные колебания здесь связаны с формой **Р. ед.**, что также было представлено уже в старославянском языке [Вайан 1952: 137—138] и являлось нормой для древнерусских памятников [Кузнецов 1959: 30; Иорданиди 1995: 222—224].

Писец В

Р. ед.:

флексия *-е*: до | крове Тип. 165, 40а, и мѣре а|фруссы Тип. 165, 42в, ѿ паплюшиа [*так!*] кро|ве помазасѣ Тип. 165, 45г, и-цркѣе Тип. 165, 43г, и мѣре анфу|сы Тип. 165, 54в, ѿ мѣре своею Тип. 165, 64а, изъ цркѣе Тип. 167, 4г, ѿ лю|бве хсвы Тип. 167, 7в;

флексия *-и*: изъ цркѣи Тип. 165, 43в, ѿ своего ѿца | и мѣри и братьи Тип. 165, 52б, оу цркѣи Тип. 167, 23б, дьяконъ бѣ х^свы | цркѣи Тип. 167, 17г, изъ цркѣи Тип. 167, 23а, преподо|бныа мѣри нашиа [*так!*] Тип. 167, 7а, жи-

вотворащаго тѣла и крови Тип. 167, 1а, никтоже м|можетъ [так!] ицѣлити дще|ри твоюя Тип. 165, 64б.

В **М. ед.** представлена только флексия *-и*: въ цркѣи Тип. 165, 58г, въ цркѣи Тип. 167, 1в, въ цркѣи Тип. 167, 22г, въ цркѣи тои Тип. 167, 22г, въ цркѣи Тип. 167, 20в, въ цркѣи Тип. 167, 21г.

При этом в **И. ед.** слов консонантного склонения встречаются только исконные формы: любы Тип. 165, 62г, мѣи же юго ре^ч Тип. 165, 64а, азъ юсмь тыса|щкого дщи Тип. 165, 37б.

Писец *L*

В **И. ед.** представлены исконные формы: дщи хе|лкиюва Тип. 166, 25б, дщи же | костантина црѣа бы|вши 24а, мѣи с пла|чемъ зовущи ма 47в.

В **Р. ед.** консонантного типа склонения преобладает флексия *-е*: не презри мѣре | своюя 47в, прозвуч|теръ сѣтя и великы|а цркѣе 41г, безъ мѣре 36г, а|пл^скыа цркѣе 9в, пре|ч^стыа юго мѣре 15а, сѣтя цркѣе 19б, мѣре лукоюны | посѣтитъ 20г; но: по пло|ти мѣри своюя 14а, ѿко|ло цркѣи 42в.

В **М. ед.** также употребляется только флексия *-и*: въ цркѣи 22а, въ | цркѣи 9б, въ цркѣи 13в, в любви 16б.

В **В. мн.** заслуживает внимания пример: творѣ|щихъ цркѣи бѣиа 11г (ср.: идѣже цркѣи дѣлають 8в). Интерпретация этого примера неоднозначна, так как словоформа написана под титлом. Это написание может соответствовать чтению *церквы* либо (так как при сокращении этого слова *в*, как правило, не опускается) *церкы*.

Писец *K*

Р. ед.:

флексия *-е*: ѿ крове | же юго напившиа 61а, ѿ крове ѿ ранъ 158г, первыа любве 95в, ничтоже | намъ ч^стнѣе любве 143г, образомъ | коюа любве 143г, безъ | мѣре 67г, прп^дбныа мѣре на|шеа домникии 71б, мѣре феодоры 87б, х^свы | цркѣе 82б, сѣтя цркѣе 89в, сверши|ныа любве 119б, ѿ любве 116а, не ѿвратилиа бы | любве х^свы 108б, изъ цркѣе 127в, дьякона цркѣе 138г, ишедъ изъ цркѣе 176в, близъ цркѣе 145г.

флексия *-и*: са|рдикиискыа цр̑к|ви 61а, оу цр̑к|ви 49в, цр̑к|ви | не ѿлучаиса 107б, оу | цр̑к|ви 88а, оу цр̑к|ви 113б, и|сь цр̑к|ви 87г, ись цр̑к|ви 177г, изь | це|р̑к|ви 177в, изь це|р̑к|ви 50б, е|десьскиа цр̑к|ви 119г, бж^ствныа цр̑к|ви 119в, изь цр̑к|ви 141г, крови пролитые 101а, прп^д|бныа мтр̑и нашеа 105г, сн̑ь елина. и мтр̑и | юдыаныни 101г, дщери | моюа дамь ли ему 90б, безь любви 99г, ѿ любви лю|дьи своихь 102г, полно бы^с | мѣсто крови 131б.

М. ед.: въ цр̑к|ви 64г, въ | ст̑ѣи цр̑к|ви 62а, въ цр̑к|ви 89г, въ цр̑к|ви 128в, въ цр̑к|ви 141а, въ цр̑к|ви 141а, въ ст̑ѣи це||р̑к|ви 170а—б.

Заслуживает внимания форма **В. мн.:** вса ст̑ы|а цр̑к|ве 181б. Ее появление следует, вероятно, объяснять тем, что омонимия Р. ед. и И., В. мн. ж. р. адъективного склонения стала причиной неправильного прочтения текста (т. е. форма *ст̑ыа* была осмыслена как Р. ед., что и стало причиной появления соответствующей формы сущ.).

6.1.2.3. Средний род

6.1.2.3.1. Обобщение форм твердой разновидности *о-склонения среди имен существительных среднего рода засвидетельствовано только в тексте писца *В* (примеры немногочисленны).

М. ед.: въ хра|нилищѣ цр̑скаго. |м̑ныа вползавшю Тип. 165, 57а, на страшн̑мь су|дищѣ х^свѣ Тип. 167, 2б, въ ср̑дцѣ сво|емь Тип. 165, 63а.

6.1.2.3.2. Формы Р. мн. на *-ви* (-[ји]):

писец *В*: желаньи пь|лотьскихь не творите Тип. 165, 62в, наочивь | ѿ ст̑ыхь книгъ и пи|саньи Тип. 165, 61г, ѿ согр̑ше|ньи нашихь Тип. 167, 2в, виденьи съ|трашныхь Тип. 167, 15г, ѿ свои|хь согр̑шеньи Тип. 167, 23а.

писец *К*: не оузри|ши вид̑ныи страшны|хь Тип. 166, 80б.

Особая флексия Р. мн. в древнерусских памятниках отмечалась А. И. Соболевским и Н. М. Каринским [Соболевский 1905/2006: 245—246; Каринский 1896: 190]. В рассматриваемых Прологах помимо окончания Р.

мн. *-и* можно отметить флексию *-ьи (-ju)* у слова *людие* (ѿ любви лю|дьи своихъ *K* Тип. 166, 102г), а также у числительного *трие* (стра^c сты^x три ѿтро^k 24г). Фактически флексии *P.* мн. у слов ср. р., с одной стороны, и *людье* и *трые*, с другой, разные, однако во всех случаях мы видим аномальную судьбу редуцированных в последовательности *ьjь* в конце словоформы. Все эти слова объединяет внешний облик исходной словоформы (на *-ие* — *-je* после падения редуцированных). Это дает основания предполагать, что причиной появления таких нестандартных флексий может быть явление морфологической аналогии, в нашем случае — распространение основы исходной словоформы на *P.* мн.

6.1.2.3.3. Система склонения имен существительных среднего рода с исконными консонантными основами

Писец *B*

Прежде всего отметим: у некоторых лексем исконно консонантного (на *-ес-*) типа склонения представлены словоформы от разных основ: по словеси Тип. 167, 13б, 14а, помышленья и слове|са *B.*мн. Тип. 167, 2г, словеса *B.*мн. Тип. 167, 6г; но: оу|чахуса слову б̑ию Тип. 165, 38а, словомъ *Tв.*ед. Тип. 167, 7в, 12в; разбиша | вса оуды телеси юго Тип. 165, 39в, не ѿбрѣ|тоша ту телеси юго Тип. 167, 23а, в телеси Тип. 167, 11б, и | телеса ваша въ глуби|ну юзера въвержени | будутъ Тип. 165, 45а, телеса ст̑ыхъ *B.* мн. Тип. 165, 45г, телеса *B.*мн. Тип. 167, 9б, на телесехъ Тип. 167, 20б; но: творащаго тѣ|ла Тип. 167, 1а ѿ тѣла Тип. 167, 21г, 1а, мазашеса по тѣлу сво|юму Тип. 167, 39г, ст̑и д̑и и тѣ|лу Тип. 165, 62г, скверному тѣлу Тип. 167, 9б, с тѣло|мъ Тип. 167, 11в, на тѣлѣ Тип. 167, 16г; бесме|ртная очеса Тип. 167, 23г; но: исъ|кочити ѿку юго Тип. 165, 46а. Также *-ес-*основа представлена у лексемы *дѣло* [см.: Историческая грамматика, I: 61]: добрыми дѣлесы Тип. 167, 4б; но: добрымъ | дѣломъ дѣломъ [*так!*] при|лежа Тип. 165, 43г, кромѣ дѣлѣ Тип. 165, 62в, о дѣлѣхъ Тип. 167, 2г, о дѣлѣ Тип. 167, 2г, добрымы [*так!*] дѣлы Тип. 167, 4б.

В **Р. ед.** лексема *небо* встречается как исконная для консонантного склонения флексия *-e:* с нб̄се Тип. 167, 3а, с нб̄се Тип. 167, 2г, с нб̄се Тип. 167, 15г, — так и флексия **i*-склонения: с нб̄си Тип. 165, 46г, 64г, до нб̄си Тип. 167, 20б.

В формах **М. мн.**, уже представлены только окончания твердой разновидности **o*-склонения: на нбсѣ^x Тип. 165, 52а, на нбсѣ^x Тип. 165, 47б, на нб^cсѣхъ Тип. 165, 62г, на нб^cсѣхъ Тип. 165, 62г, на | нбсѣ^x Тип. 165, 63а, на нбсѣ^x Тип. 165, 63а, на нбсѣ^x Тип. 167, 2в.

У слов с *-ен*-основами в **Р. ед.** исконная флексия *-e* встретила единожды: сего въ|ремене 60а;

-и: толика времени Тип. 167, 6а, прежде сего времени Тип. 167, 10а, и въпроси | имени юго Тип. 165, 52а.

В **М. ед.** также представлена только флексия *-и:* по мнозѣ | же времени Тип. 165, 42б, по времени Тип. 165, 41г, мо|сѣа княземъ поста|ви въ племени излѣвѣ Тип. 165, 47в.

Писец *L*

Разные основы представлены в парадигме склонения существительных *слово* и *тѣло*: въ|проси ма словесе поле|зна 22б, но точью хлѣбати | словесе оутѣшна 41а, възненавиди словеса 23а, словеса | своя В. мн. 26а, Бла҃гаа словеса 27г, слове|са же юа И. мн. 46в, пооча|аса словесемь 14б, стѣхъ словесъ 18г; но: ѿ единѣмь | словомъ ѿправдиса 24в; в телеси 23б, к телеси (46в), телеса своя 37а; но: к тѣлу б̄ию 38б, причасти|тиса тѣлу и крови 38в, тѣломь Т. ед. 47а, на тѣлѣ 18а. Лексема *око* встретила единожды с **o*-основой: слѣпа | бо бѣ ѿкомь 10а.

В **Р. ед.** слов консонантного склонения абсолютно доминирует флексия *-e:* племе|не двѣва 24г, безъ вре|мене 15б, племене | лва 17г; с нб̄се 24а, въ|проси ма словесе поле|зна 22б, но точью хлѣбати | словесе оутѣшна 41а, ѿ не|го же племене въплоти|са х^cъ 29г.

В **М. ед.** — только флексия *-и:* по време|ни 8в, по времени 35в.

Писец *K*

Разные основы представлены в склонении лексем *слово*, *тѣло*, *небо*:

слово: силою словеси 128а, по сло|веси 54г, по словеси 104а, по | апо|столюскому словеси 140в, по словеси ста|рчу 174а, о словеси семь 7а, многа сло|веса списа остави|въ оучителная 107г, ѿ многъ словесъ 164в, пита|иса словесы дѣ|ховны|ми 95а, словесы Т. мн. 104в, непремѣнны|ми словесы и дѣ|лты 169б, в дѣ|лѣхъ и словесехъ 122г; но: яко словомъ || с змиемъ бореши|са 122—123, не || можетъ словомъ люты|я тоя исповѣдати пу|стына 72а, тако словомъ му|жѣствова до конца 76г;

тѣло: о те|леси 173в, о теле|си 170г, не оу | цркѣи телеса ихъ | лежать 88а, несущая телеса в пусты|ни 133а, телесъ Р. мн. 63в, на телесѣхъ своихъ 85а; но: кромѣ тѣла 120в, по все|му тѣлу 131б, причастивъса тѣ|лу крови х^свъ 166б, по всему тѣлу 158г, не даи же ясти тѣлу сво|юму 155в, тѣлу 164а, друг крѣпкимъ студенымъ тѣломъ ство|ренъ 120г, малъ тѣломъ 96в, тѣломъ 48г, на тѣлѣ 81б;

небо: о не|беси 85а, на нбѣи 137в, на нбсѣ^х 109г, на нбсѣхъ 170г; но: творцю | нбу и земли 171а.

Р. ед. -е: с нбсе 63в, сходя|щимъ с нб^се 5в, с нб^се сн|де 62в, с нбсе 67а, с нб^се 115в, ѿ племени 128б, которогождо | време 58в.

-и: с нбси 141б, до нбси 162в, с нбси 67в, съ | нбси 103в, с нбси 80в, досажаше | до нбѣи 170в, ѿ телеси юго 109г; въ юдинъ | часъ времени 93в, имени | моего ради 93б, силою словеси 128а.

В **М. мн.** преобладает флексия по *о-склонению: нбсѣ^х 108а, на нбсѣ^х 109г, на нбсѣхъ 170г, на | нбсѣхъ 66в, на телесѣхъ своихъ 85а (но: в дѣ|лѣхъ и словесехъ 122г).

Заслуживают внимания написания: има|немъ 121б, иманемъ 105в, имани | х^сву 108а, има|немъ 103б, иманемъ 103б. В тексте писца К эти примеры немногочисленны. Подобные примеры являлись, судя по всему, характерной чертой второго антиграфа Прологов Тип. 165, Тип. 167. Появление 'а на месте е в -ен-основах связано с влиянием исходной формы на -ма [см. Со-

болеватский 2004: 87—88; Дурново 2000: 271; Шахматов 1957: 349—351; Историческая грамматика, I: 140—141].

6.1.3. Выводы

Обобщение флексий твердой разновидности **a*- и **o*-склонения, несмотря на немногочисленность примеров для каждой из групп в отдельности (ж., м. и ср. р.), представлено в тексте Прологов вполне последовательно. При этом следует отметить, что обобщение флексий твердой разновидности склонений в Д. и М. ед. очередной раз свидетельствует о существовании фонемы *ъ*, так как только в этом случае флексия *-ъ* могла распространяться по аналогии на новые формы.

В ж. р. среди примеров с инновационными флексиями преобладают словоформы с основой на *-ц-* и *-j-*. Однако связывать это следует в первую очередь с тем, что группа лексем с основой на *-ц-* (суф. *-иц-*) значительно превышает все остальные. Группа имен существительных женского морфологического рода с основой на *j* также многочисленна, при этом надо учитывать и тот факт, что в Прологе она может быть расширена за счет имен собственных. Интересно также то, что инновационная флексия Р. ед. *-и* активно появляется в церковнославянском тексте и в системе писцов *B* и *K* определенно является частью книжного узуса. Она значительно чаще других проникает в книжный текст, что обусловлено прежде всего большей частотностью форм Р. п. [см. Именное склонение: 174—218]. Отметим также, что обобщение форм твердой разновидности склонения в Р. ед. представлено (единственным примером) и в адъективном склонении: ѿ паплющиа [так!] кро|ве помазасѧ *B* Тип. 165, 45г.

Только лексема *дѣнь* в Р. ед. устойчиво сохраняет флексию консонантного склонения, что очевидно обусловлено ее ударностью (здесь, правда, мы не можем точно сказать, с чем эта устойчивость связана: последовательным противопоставлением и сохранением книжной формы или особенностью жи-

вых говоров писцов, ср. пример писца *K*: єдино|го же дѣи Тип. 166, 89а). Остальные формы соответствуют **i*-склонению.

В системе, отраженной в Прологах, слова консонантного склонения на *-ес-* последовательно сохраняют исконную основу во множественном числе, в единственном представлены формы как с *-ес-*, так и с **o*-основой, при этом в Т. ед. возможна только последняя [см. Иорданиди 1995: 238].

В целом система субстантивного словоизменения, представленная в тексте Прологов, отчасти отражает распад исконной древнерусской системы склонений: утрату **i*-склонения, переход слов м. р. на *-ен-* и ж. р. на *-ѣ-* в другие склонения, унификацию мягких и твердых разновидностей **a*- и **o*-склонения.

6.2. Прилагательные и местоимения

6.2.1. Прилагательные

Система адъективного склонения в Прологах Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166 стандартна для церковнославянского языка позднерусского периода и характеризуется преобладанием в Р. ед. флексий *-аго*, *-ыа*, в Д. ед. *-ому*, *-ѣи*, в М. ед. *-ѣмь*, *-ѣи*. Отклонения от данной системы связаны с распространением местоименных флексий (единожды представлена также членная древнерусская форма Р. ед. ж. р.).

Р. и В.=Р. ед. -ого:

Писец *B*: ѿ скуфьскаго | града Тип. 165, 56а, крѣти слу|гу идольскаго Тип. 165, 61б, тыся|щкаго дщи Тип. 165, 37б, великаго рима Тип. 165, 41б, вели|каго константина Тип. 165, 43в, бѣсь|твеннаго юноха Тип. 165, 47б, величавога Тип. 167, 15в, 15г — дважды;

писец *K*: ѿ поганы|скаго князѧ 99в, ѿ града никии|скаго 100б, ѿ | града римскаго 105б, ѿ епѣпа | ефесьскаго 101г, свѣти|льника свѣтлаго 133г.

Р. ед. ж. р.:

В тексте писца *B* встретилась древнерусская членная форма: сѣтыѣ софы Тип. 167, 12в;

писец *L*: не оувѣща сѣоѣ 44г. Также у писца *L* следует отметить пример: прп^л|нѣя меланѣ *римь^сѣ* 45г (-*ыѣ* либо -*оѣ*; за этим написанием также может стоять именная форма Д. ед.).

Д. ед. -ои:

писец *B*: научена же бѣвше | врачевной хитрости Тип. 165, 36а.

(Членная стяженная флексия м. р. -*уму* встретилась трижды у других писцов Прологов Тип. 165, Тип. 167: по бѣжтве|ному *C* Тип. 165, 82б, сему кальному тѣ|лу и смердашему *C* Тип. 165, 72в, сѣтующую|му *A* Тип. 167, 99а. В тексте основных писцов таких примеров нет.)

Писец *K*: освитаючи сѣои не|дѣли 72в.

М. ед. -омь:

писец *B*: ѿ сѣомь иѿ|анѣ. златооустомь Тип. 165, 42в, в меле|тии градѣ армень|скомь Тип. 165, 45б.

Писец *K*: прі | федосѣ вели|комь 71б, на | блюдѣ щѣнѣномь 72в.

М. ед. ж. р. -ои:

Писец *L*: ни прилежати стра|дѣ монастырьской 16а.

Употребление форм компаратива в целом также стандартно. Здесь заслуживает внимания образование: он же неповиньно и | неизмѣнньно стояше. | *силнишии* мѣди и | желѣза *B* Тип. 165, 60в. Пример отражает одновременно унификацию основ в нечленных формах [см. Историческая грамматика, III: 419—420] и процесс «деградации» суффикса -*ъиш-* [Там же: 357]. В связи с этим также следует обратить внимание на пример писца *K*: обрѣте сице стари|шины села дщерь Тип. 166, 96в.

Уникальной является контаминированная форма: меншѣ|ишую *A* Т165, 24в, — в которой представлено одновременно два суффикса сравн. ст. — *-*jъs-* и *-*ějъs-*. В работе [Историческая грамматика, III: 380] аналогичные образования зафиксированы от основы *бол-*. Появление этих форм, очевидно, обусловлено тем, что супплетивные формы компаратива осмысливались писцами как положительная степень.

6.2.2. Местоимения

В системе местоимений заслуживает внимания то, каким образом представлена форма И.—В. ед. м. р. указательных местоимений *тъ* и *сь*, а также соотношение местоименных основ *тоб-/соб-* и *теб-/себ-*.

6.2.2.1. Судьба И. и В. ед. местоимений *тъ* и *сь*

Помимо широко употребляющихся в тексте основных писцов форм И. ед. м. р. *тъ/то* (в тексте писца *L* встречается только вариант *тъ*, что соответствует представленным в его тексте принципам употребления еров, см. 4.3.2; в тексте остальных писцов возможны оба варианта, при этом использование написаний *тъ*, как мы полагаем, свидетельствует о том, что в живой речи форма И. ед. *то* уже не употреблялась — см. 4.2.2, 4.3.2) в тексте Прологов встречаются также варианты *тоть*: бѣа|ше тотъ *B* Тип. 165, 40а, тотъ да ли||тургисають *B* Тип. 167, 9б—в, тотъ да литу|ргисають *K* Тип. 166, 72в — и *тои* (только у писца *K*): тои же прорекъ | о солومانѣ Тип. 166, 74а, и югда | служаше тои Тип. 166, 65в, Тои бѣ ѿ потиганъ Тип. 166, 181в.

Как альтернатива форме *се* в Прологах встречается только вариант *сии* (*сеи*):

писец *B*: сии же | слезами глѣше. Тип. 165, 44г, сии же пррчьсь|твова Тип. 167, 9г, сии же члвкъ Тип. 167, 10г, в сии ча|сь Тип. 165, 55г.

Писец *L*: Сии прп^дбныи ѿць на|шь 43г.

Писец *K*: Сии оубо моисии 85в, Сеи бѣ ѿ ююпта 71г, сии ве|ртепъ бо- жии И.ед.179а, не кр^стль | бо сии мене 65в, страшъ|ныи сии попь внѣ | стояше 65в, на сии столпъ | въшедъ 70в, сии | члвкъ татьми окра|день бысть 75б, сии пррч^ствовавъ | оумре 4в, сии рече 7г.

Форма *тои* отражает естественное развитие членной формы местоимения *тъ* (как и *сии/сеи*) и представляет собой общевосточнославянское явление. *Тоть* (результат удвоения *тъ*) чаще рассматривается как диалектизм, утвердившийся впоследствии в языке великорусской народности. Г. А. Хабургаев на этом основании полагал, что появление такой формы сле-

дует связывать с северо-востоком великорусской территории, так как диалекты именно этого региона стали основой великорусского языка [Хабургаев 1990: 251]. Однако наиболее древние примеры употребления удвоенной формы *тоть* Т. А. Сумникова отметила в северо-западных памятниках [Сумникова 1995: 347—348]. Так или иначе изначально форма *тои* имела повсеместное распространение и не дает оснований делать какие-либо выводы о диалектной принадлежности писцов, в то время как *тоть* позволяет связывать рукописи с северными территориями Древней Руси. В нашем случае очевидно, что два из трех примеров употребления формы *тоть* не могут считаться надежными, следовательно, в тексте писца *К* как формы, отражающие особенности говора писца, могут рассматриваться только написания *тои* (у писца *В*, однако, таких примеров нет). Судить определенно, представлена ли форма *тоть* в диалекте кого-либо из переписчиков кодексов, в этой ситуации нельзя.

6.2.2.2. Склонение личного местоимения *ты* и возвратного

Соотношение основ *теб-/себ-* и *тоб-/соб-* в тексте основных писцов Прологов выглядит следующим образом.

В тексте **писца В** основы с *тоб-/соб-* абсолютно доминируют. Наибольший интерес представляет тот факт, что основа с *о* распространилась и на формы Р. ед. (и В.=Р.): много паче то|бе прелщають Тип. 167, 9а, яко | и тебе возмутъ англі Тип. 167, 11в, оу тебе Тип. 167, 13б, тебе ради Тип. 167, 21в, оу тебе Тип. 167, 21г, ѿставихъ тебе Тип. 167, 6в, не видѣхъ члвѣа | разви и тебе Тип. 165, 37в, ждуть | тебе Тип. 165, 44а, и кр^стыана собе | исповѣда Тип. 165, 44а, разгордѣ|въ мнѣвъ собе ба Тип. 165, 46г, кр^стыана собе || исповѣда Тип. 165, 52а, хо|таще собе зарѣзати Тип. 165, 65г, и предасть со|бе во афины Тип. 165, 54г, не дайте собе во | ѿбласть сотонѣ Тип. 167, 7г, вдасть собе Тип. 167, 16а, ѿчаемъ собе Тип. 167, 18г, томаше бо собе Тип. 167, 19б, исправи собе Тип. 167, 19в, собе проразумѣ|и в житьи Тип. 167, 19г, не хо|та собе проявити Тип. 167, 21в, собе велать погresti Тип. 167, 23а, застоюще

собе Тип. 167, 3а, стра^с | и недуги на собе [на себе Тип. 166, 67г; ПрЮр, 213г] | въсприимъ Тип. 167, 3в, недалече собе о|брѣтохомъ вертепъ Тип. 167, 5б, разно собе хо|даща. зелье собирающе Тип. 167, 5в.

Основы с *теб-/себ-* представлены лишь в трех примерах: о тебѣ Тип. 165, 44а, сволкъше съ себе ри|зу Тип. 165, 37в, мадохса помыслы | себе [паче Тип. 166, 70а] ѿного прелоганья [предь|лагаю Тип. 166, 70а] Тип. 167, 5г.

Писец L

В Р. ед. (и В.=Р.) только *теб-/себ-*: ѿ те|бе 24б, тебе ради распать бы^с 40г, тебе ради распать бы^с 40г, да не | изьѣдуть тебе мысле|нии звѣрье 23б, ѿ себе 13в, хужьша се|бе 16б, вмѣтають | себе 17в, затвори се|бе въ цркѣи 17в, не вѣдѣ себе 18б, кр^сть|яна себе исповѣдавъ 20в, ѿ тебе 13г, при|шедъ в себе братъ ѿ ви|дѣнїа 36б.

В Д. ед. преобладают основы *теб-*, *соб-*: приду бо | к тебѣ 9в, придетъ к тебѣ анѣль 9в, дасть тебѣ 11а, дасть тебѣ 11в, дающа тебѣ 20а, не|видимо тебѣ подасть 11а, азъ дамъ те|бѣ пшеницю 19г; но: к тобѣ 26в, выпрашаховѣ к тобѣ 26в; прича|стники собѣ створа|ють 38г, силны | дома собѣ сградити 19г, собѣ же вѣ|чную муку 43г, сами собѣ 43а, ѿ|битель собѣ створивъ 43г, хотя | оуготовити собѣ 14а, силны | дома собѣ сградити 19г, на|има собѣ жита 20б, хотяща ны прича|стники собѣ створи|ти 38в, собѣ же вѣ|чную муку 43г; но: жи|лице себѣ 14а, избра себѣ люди новы 29в, Внимаимы себѣ 31б.

В М. ед. — только *соб-*: в собѣ 36а, в собѣ 36, ѿ собѣ 9в, ѿ собѣ 9г, в собѣ 10г, в собѣ 11б, в собѣ 17а, имѣаше | на собѣ 20г.

Писец K

В Р. ед. (и В.=Р. ед.) преобладают основы *теб-/себ-*:

теб-/тоб-: тебе ради 54а, ѣда горь|ши тебе юсмь 63б, и тебе и кна|за твоего 134г, ѿ тебе 133а, ѿ тебе 156а, ненавидаща | тебе 155б, тебе же | своима рукама при|иметь 150а, оу тебе 179в — дважды, прошу оу те|бе 177б, ѿ тебе 111в, вышей тебе юсть 70б, не оставихъ | тебе 70г, да тебе | не прельстить вра|гъ 73б, много паче | тебе прелщаютъ 73б, да и тебе возму|тъ анѣли

76а, не ѿступать тебе 182г; но: не и|мать тебе приати зло 107б, ищущ|е тебе 108а, не оубива|ю тебе 102в, мы тебе не боимса 121а;

себ-/соб-: о десну|ю себе 114г, лю|баци ба всѣмъ ср^дце|мъ своимъ. и бли|жнаго аки себе 125в, ѿсецѣте | ѿ себе неподобны|а мѣсли [так!] 125б, сами себе 165б, пощадѣти | юму себе 154б, повелѣвающа же | кр^стити себе 67б, недугы на|ша на себе въспри|имъ 67г, и недалече себе | обрѣте вертепъ 69в, токмо питающе | себе 69в, по пусь|тыни разно себе | ходаща 69в, кр^сто-обра|зно себе въоружи|вше 69г, матохъса помысли | себе паче оного предь|лагаю 70а, не дадите || себе во власть сотонѣ 72б, застоюща се|бе 67б; но: исповѣда себе | кр^стыана 105г, истажайте себе 106в, сами себе [не] за-зи|раемъ 121а, не ѿчай себе 118г, блюдемъ себе 111в, шедше исповѣда | себе кр^стыану 108а, себе Р. ед. 122б, грѣшника себе и|мѣти 112а, повѣдавъ себе ближнему си | другу 97б.

В Д. ед. также преобладают *теб-* и *соб-*:

теб-/тоб-: к тебѣ прибѣ|гохъ 133а, въздасть тебѣ мзду 155г, при|дутъ тебѣ ютери 162а, подати тебѣ мною и|збавление 150б, нынѣ же тебѣ тебе юсть 144г, дахъ те|бѣ 177в, к тебѣ 55б, азъ же при|дохъ к тебѣ 65в, посла ма г^сь | служити тебѣ и с^ты|ни твоюи 75а, бл^го съ|творихъ тебѣ 76г, горе тебѣ | лишене 76г, хотаху|тъ бѣси тебѣ створи|ти 76в; но: створимъ мл^сть тобѣ 125в, лютѣ тобѣ | чл^вче 150в, к тобѣ бы | прежде пришелъ 63б;

себ-/соб-: оуга|жають собѣ 138в, приять собѣ оучѣнка 136б, са|мъ собѣ работаи 132б, разделита ра|вно собѣ 175в, избра|ти собѣ юдино 157а, избра собѣ софью 157а, исписахъ | собѣ 99г, созь|даста собѣ и та гроба 161г, пре-твориса собѣ | има въ м^рьи мѣ|сто маринь 152а, не оставихъ собѣ | ни юдиногo злать|ника 70а; но: себѣ и сущи|мъ 55г, въ|нимаи себѣ 90г, к себѣ 7г, грѣ|хъ себѣ ясть 68б, не | можетъ оустроити | себѣ добра 70а, да | внемлемъ себѣ 76в, въ|зати к себѣ 142г, сбери себѣ 179б.

В М. ед.

теб-/тоб-: о тобѣ 119б, о тебѣ 138в;

себ-/соб-: в *собѣ* 72г, в *собѣ* | *пришедь* 90в, и нача|ть слышати ѿ бра-
 тиа роптанья о *собѣ* 159в, в *собѣ* 159б, о *собѣ* | *молити ба* 171г, *молиса* | о
собѣ 171г, *гліше* в *собѣ* 153г, о *собѣ* сказа|въ юму 154б; но: в *себѣ* 159в, на
себѣ 171г.

Как видно из приведенных выше примеров, в узусе писца *B* в субпара-
 диме ед. ч. обобщение получили основы *тоб-*, *соб-*. У других же книжников
 (*K* и *L*) закономерности иные: в *P.* ед. абсолютно преобладают основы с глас-
 ным *e* (у писца *L* формы *тобе*, *собе* не встретились), в *D.* и *M.* ед. преоблада-
 ют формы *тебѣ*, но *собѣ*.

Основы *тоб-* и *соб-* в *D.* и *M.* ед. являются исконными древнерусскими
 и в церковнославянских текстах рассматриваются как специфические вос-
 точнославянизмы. Вероятно, в отдельных диалектах языка великорусской
 народности основы этих местоимений были обобщены по *P.* (*V.=P.*) ед., такая
 система стала нормой русского литературного языка (нельзя в данном случае
 исключать и влияния церковнославянского узуса, см. [Гадолина 1963: 81]).
 Тем не менее распространение основ с *o* на формы *P.* ед. отражено в ряде
 древнерусских памятников (в том числе и в наших рукописях). Это явление
 получило различные толкования. Так, Г. А. Хабургаев считал, что формы *P.*
 ед. *тобе* и *собе* — явление книжное и обусловлено гиперкоррекцией [Хабур-
 гаев 1990: 239—240] (в этом случае необходимо предположить, что в говорах
 уже произошло обобщение основ с *e* и формы *тебѣ* и *собѣ*, регулярно встре-
 чающиеся в книжных памятниках, воспринимались писцами как явление
 книжное). Т. А. Сумникова, наоборот, полагает, что формы *P.* ед. *тобе* и *собе*
 в памятниках XIV в. (прежде всего в Лавр. лет.) отражают живое диалектное
 явление обобщения основ в парадигмах местоимения 2 л. ед. и возвратного в
 позднерусский период на северо-востоке⁶⁸.

⁶⁸ Здесь мы вынуждены сослаться на рукопись монографии, посвященной морфологии местоимений, выпол-
 ненной в рамках проекта «Историческая грамматика древнерусского языка».

Интересно то, что системы основных писцов Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166 не представляют единообразия. В условиях, когда одно и то же явление может соответствовать исконной грамматической норме и отражать некоторые тенденции в развитии восточнославянских диалектов, дать однозначную интерпретацию данному явлению сложно. Не исключено, что в рамках одного диалектного объединения сосуществовали говоры, обобщавшие рассматриваемые местоименные основы как по Р. ед., так и по Д. и М. ед. Заслуживают внимания следующие факты: 1) Р. ед. *тобе, собе* абсолютно доминирует у писца *B*, а именно у этого книжника в орфографической системе присутствуют несомненные диалектизмы и сама орфография во многом опирается не на живое произношение (в то время как орфография писца *L* наиболее архаична и консервативна); 2) такие формы Р. ед. встречаются также у писца *K*; 3) в М. ед. у всех писцов преобладают основы *тоб-, соб-*.

6.2.2.3. Формы Д. и М. ед. *тебе* и *себе*

Д. ед.: писец *L*: *внемл | себе* 24б; Писец *K*: *к себе* 7г,

М. ед.: писец *K*: *не имѣемъ стра||ха в себе* 120—121, *в себе | помышлѣше* 171в.

В тексте писца *B* аналогичных примеров нет, однако они встретились в тексте других переписчиков Прологов Тип. 165 и Тип. 167: *ѿкры | тебе тайну* С Тип. 165, 78а; *к тебе* А Тип. 165, 18г.

Такие формы хорошо известны в церковнославянских памятниках древнерусского извода. Существуют различные объяснения этому явлению. Так, А. И. Соболевский полагал, что изначально формы *себе, тебе* появились в М. ед. под влиянием консонантного склонения существительных, «но очень рано получили значение также и дат. п.». А. А. Шахматов связывал такие формы с книжным произношением [Шахматов 1885: 214; 1957: 159]. Н. Н. Дурново объяснял это явление их тем, что «формы *тѣбѣ, себѣ* для русского писца могли быть чуждыми, а потому и заменялись обычными для

писца формами род.-вин. тебе, себе...» [Дурново 1924/2000: 476].
Т. А. Сумникова полагает, что «в основе взаимной мены словоформ ДП=МП с основами *теб-*, *себ-* и РП лежат особенности падежных отношений в древних языках, проявившиеся при переводе с греческого на славянский» [Сумникова 2003: 125].

6.2.2.4. Другие явления морфологии местоимений

Заслуживает внимания единственный пример, демонстрирующий развитие местоименной флексии Р. ед. *-ого (-его)→-ово (-ево)*: *спсѣнѣа наше|во* *В* Тип.167, 2б [Соболевский 1907/2004: 126; Толкачев 1960; Хабургаев 1990: 203—207].

Определенный интерес представляет употребление местоимения *нашъ* с адъективной флексией в Р. ед. ж. р.: *преподо|бнѣа мѣри нашиа* *В* Тип. 167, 7а. Однако появление этой формы, мы полагаем, обусловлено аналогией с предшествующей формой *преподобнѣа*.

6.3. Глаголы

Текст Прологов характеризуется устойчивой грамотностью в употреблении форм претеритов. Интерес представляют некоторые отклонения от нормы в системе презенса.

6.3.1. Отсутствие *-ть* в форме 3 ед. наст.

В тексте писца *В* встречается такая диалектная особенность, как отсутствие *-ть* в формах 3 ед. глаголов наст. вр.: *нарицаеся* Тип. 165, 48г, *стварае|ся нынѣ* Тип. 165, 55б, *яже гѣ пода|е всѣмъ* Тип. 165, 66г, *вѣдае бо оѣвъ вашъ* Тип. 165, 63а, *почитае | книги* Тип. 165, 59а, *бы|вае бѣсомъ радость* Тип. 167, 15г, *ѿ похотии | падае члѣкъ* Тип. 167, 8а, *югда | не знае ихъ влѣка* Тип. 167, 17а, *проповѣдае тщесла|вѣе* Тип. 167, 15в, *ангѣль далече сто|а пе-*

чалую ѿ погѣбе|ли юго Тип. 167, 6г. Это явление хорошо известно как в древнерусских [Соболевский 1907/2004: 49; Шахматов 1903: 117; Обнорский 1953: 132; Зализняк 2004: 136—138], так и старославянских памятниках [Мейе 1951: 256; Вайан 1952: 249; Селищев 1952: 155]⁶⁹. Представляет интерес то обстоятельство, что *-ть* в в 3 ед. может отсутствовать и при наличии энклитик (если написание *ствараю|са* могло возникнуть в результате ошибки, когда писец, переходя со строки на строку просто не дописал флексию, то пример *нарицаю|са* является вполне надежным) [ср.: Зализняк 2004: 138].

6.3.2. Отклонения от исходной системы форм императива

Кроме того, заслуживает внимания представленное в Прологах смешение форм 1 мн. пов. и наст. и инновационные флексии 2 мн. пов. *-ите*, появление которых рассматривается как реализация развития агглютинативного принципа [Белоусов 1982: 145—146] либо как обобщение флексий мягких основ [Зализняк 2004: 153].

Писец В

1 мн. пов. в м. наст.: да внемлѣмъ собѣ. и | всѣмъ храненъемъ | блюдемъ свою срдѣе | и не приѣмлемъ и Тип. 167, 12б.

1 мн. наст. в м. пов.: тѣм же мо|лю вы не до конца пре|будите в томъ злѣ. но въспранемъ аки ѿ | сѣна Тип. 167, 4а.

Формы **2 мн. пов.** на *-ите*: буди|те оубо щедри якоже | оцѣ вашъ Тип. 165, 54б, всегда | готови будите Тип. 167, 3а, тѣмже мо|лю вы не до конца пре|будите в томъ злѣ. Тип. 167, 4а.

В специальном рассмотрении нуждается пример: ищѣ|те преже цр^ствиа бѣ|а Тип. 165, 63а. Поскольку это единственная словоформа с мягкой основой и флексией *-ите* (см. также ниже примеры писца К), не может быть уверенности в том, что эти примеры следует рассматривать как гиперкорректные. Вероятно, эта форма является результатом присоединения флексии им-

⁶⁹ Предполагается, что отсутствие *-ть/-ть* в 3 л. наст. вр. имело место уже в праславянский период, см. [Соболевский 1881: 83; Кузнецов 1953: 208; 1955: 137—139; 1956: 181; Топоров 1961: 66—67; Крысько 1994б: 24—25]; ср. иное мнение: [Мейе 1951: 256; Ломтев 1954: 141—142].

ператива твердых основ (в соответствии со спряжением *искати* — *искоу* [Вайан 1952: 341—342]) к основе наст. вр. на *-j-* (*ищю*).

Писец *L*

2 мн. пов.: ре^ч гъ будите | мл^стви 14г, и ре^ч прине|сите ми ссудъ избра|нныи в пустыни 18в.

Писец *K*

1 мн. наст. вм. пов.: аще бо на обыадань|е влечеть ны. посто|мъ противу боремъ|са 164б, аще на ярость ны го|товають кротость | приимемъ 164б, а|ще на ч^сть пострѣче|ть ны оуничуже|ниа покажемъ 164б, а|ще на славу подвижеть ны истлѣнь|е въсприимемъ 164б, аще на завсить || пострѣчеть ны поразумѣемъ 164б—в, (в греч. представлены формы конъюнктива: *πολεμήσωμεν, ἀναλάβωμεν, ἐπιδειξώμεθα, ἀναλάβωμεν, ἐννοήσωμεν*, — в соответствии с правилом, сформулированным в [Крысько 2005: 665] в слав. должно быть пов. накл.; рядом стандартные формы: а|ще величанье вы|сить ны г^сне смире|ние въсприимѣмъ 164б, аще | на пьянство въспрановениа трезвѣнь|а въсприимѣмъ 164в), тѣмже братье не ча|емъ согрѣшени на|шихъ. но исповѣда|вшеса оцѣмъ покае|мса ихъ ббв, тѣмже мо|лю вы не до конца пре|будемъ въ томъ злѣ. | но въспранемъ 68а.

В некоторых случаях в списках наблюдается вариативность в употреблении форм 2 мн. наст. и пов. См. примеры: въспом|нание творимъ с^ты|хъ бо|явлении пра|зднуемъ [Пр|Юр: праздноимъ 113б] 67б, М^сца тогоже въ ·з· днѣ | сборъ ст^го и велика|го прр^ка и кр^стла іѡа | празнуемъ [Пр|Юр: праздноимъ 114б; Тип. 167: празнуимъ 4б] 68в, Ч^снаго пр^дтча пра|зднуемъ [Пр|Юр: праздно|имъ 114б; Тип. 167: пра|зднуимъ 4б] сборъ 68в. При этом примеры Тип. 166 нельзя рассматривать как употребление наст. вм. пов., поскольку такая вариативность представлена уже в древнейших списках Пролога, при том что в греч. оригиналах использовано наст. вр.

Формы **2 мн. пов.** на *-ите*: при|иимите [*так!*] 101в, не изнесите вы 3г, теците 92г, будите | мл^стви 125в, скоро ѿверзите врата 92г.

А также: ищѣте 182б, ищѣ|те 182б.

Таким образом, обобщая изложенный выше морфологический материал, можно сказать следующее. В тексте Прологов отсутствуют специфические северо-западные и южные диалектные особенности. Представленные языковые инновации отражают общевеликорусские тенденции морфологического развития, а также черты, свойственные прежде всего говорам северо-востока, что полностью соответствует нашим выводам о локализации кодексов, сделанным в предыдущей главе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Палеографический анализ Прологов Тип. 165, Тип. 167 позволил прийти к следующим выводам: над созданием кодексов работал коллектив, состоящий из писцов разного уровня квалификации. Профессиональным книжником можно считать только писца *B*, поскольку его каллиграфические и орфографические навыки самостоятельны, устойчивы и последовательны. Роль остальных может быть как фрагментарной, так и весьма значительной, когда писец переписывал большие по объему фрагменты текста (*A*, *C*, *E*, *H*).

Скрипторий располагал по меньшей мере двумя списками Пролога пространной редакции на сентябрьскую половину года (причем работа с этими списками шла параллельно, т. е. разные писцы одновременно списывали различные фрагменты текста), а также списком краткой редакции на мартовскую половину года. Сопоставление различных фрагментов текста, переписанных одним писцом, позволило выявить некоторые особенности орфографии оригиналов. Так, антиграф мартовских чтений характеризовался смешением *ъ* и *ѣ*, *ц* и *ч*, что очевидно позволяет делать выводы о месте его создания (северо-западный регион — возможно, Новгородская земля). При этом оригиналы текста на сентябрьскую половину года, несмотря на то, что отражают несколько отличающиеся орфографические традиции, вероятно, были лишены ярких региональных особенностей.

К числу ярких орфографических особенностей Прологов следует отнести смешение графем *ъ* и *ь* с *о* и *ѣ*, регулярное в тексте писцов *C* и *H*, а также строго упорядоченную орфографическую технику употребления еров в идиосистеме писца *B*.

В 20—30-е годы XV в. Прологи были отреставрированы во Пскове профессиональным книжником-каллиграфом дьяконом Даниилом. Причиной

реставрации послужили исходная дефектность кодекса Тип. 165 и ущерб, нанесенный Прологу Тип. 167.

Специальный анализ орфографических и фонетических особенностей Прологов Тип. 165 и Тип. 167 не подтвердил предположения В. В. Калугина о псковском происхождении этих рукописных книг. Наиболее яркой фонетической особенностью говоров писцов была редукция безударных гласных, при этом, несмотря на наличие в тексте примеров смешения *ц* и *ч*, нет оснований полагать, что кто-либо из книжников был носителем говора с неразличением аффрикат.

Пролог Тип. 166, весьма вероятно, был создан в том же скриптории, однако другим коллективом писцов. При этом принцип взаимодействия книжников принципиально иной. Если переписчики Тип. 165 и Тип. 167, работали коллективно для того, чтобы по крайней мере отчасти ускорить процесс написания книг (большинство из них работало со значительными фрагментами текста), то в Тип. 166 распределение работ иное. Писец *К* являлся основным переписчиком чтений на январь и февраль, *Л* — на декабрь, в то время как другие книжники, работавшие над этими чтениями, переписывали небольшие по объему фрагменты, периодически сменяя основных писцов. Распределение почерков дает основания предполагать, что большинство были учениками (подмастерьями), выполнявшими каллиграфические уроки.

Кодекс Тип. 166 лишен ярких региональных орфографических особенностей. Общей чертой орфографии Тип. 165 и Тип. 167, с одной стороны, и Тип. 166 — с другой являются редкие примеры написания *и* на месте *е* в безударной позиции и свидетельство отвердения шипящих.

Поскольку отсутствие ярких диалектных особенностей типично для текстов, созданных на территории распространения ростово-суздальских говоров древнерусского языка, а также поскольку в Прологах Тип. 165 и Тип. 167 встречаются примеры изменений, известные только по памятникам этого региона (примеры типа *зооуци*), мы полагаем, что данные рукописные

книги были созданы в северо-восточном диалектном регионе. При этом (что важно) в рукописях Тип. 165 и Тип. 167 присутствуют примеры, свидетельствующие об аканье; следовательно, надо предполагать, что кодексы создавались на территории, говоры которой испытывали влияние акающих говоров. Во второй половине XIV в. к таким территориям относилась московская земля, так что именно Москву можно рассматривать в качестве предполагаемого места создания исследуемых книжных памятников.

То обстоятельство, что писцы *B* и *K* последовательно (в отличие от писца *L*) пишут *o* и *e* на месте прояснившихся редуцированных, позволило нам рассмотреть некоторые нетипичные случаи вокализации (слабых) *ь* и *ь*, среди них: появление *e* во флексии И. ед. м. р. действ. прич. прош. вр. *i*-глаголов (формы типа *оставле*, *створе*) — что вызвано, как мы полагаем, морфологическим выравниванием под влиянием форм типа *оставлеше*, в которых вокализация редуцированного после плавного в межконсонантной позиции (так же как в *сльза*, *тръвога*) типична для великорусских говоров; а также свойственное, вероятно, прежде всего книжному языку появление *o* на месте этимологически слабого *ь* в предлогах/префиксах в позиции перед начальным неприкрытым гласным и перед некоторыми преимущественно книжными словоформами с минусовой акцентной маркировкой корня.

Употребление неэтимологических еров (прежде всего в конце строки) в тексте писца *B* свидетельствует о том, что процесс ассимилятивного смягчения согласных в некоторых диалектах северо-востока Руси был широко представлен уже в XIV в. На основании материалов Прологов Тип. 165 и Тип. 167 можно с уверенностью говорить о том, что: в говоре писца *B* зубные согласные смягчались перед мягкими зубными (пось|тиса Тип. 165, 63г, ань|тиѡхиа Тип. 165, 60б—в, сь | нѣкоюю Тип. 165, 49б, оувазь|неть Тип. 167, 16г), передненебным *p'* (пать|риарха Тип. 165, 43в, разь|рѣшаютъ оузы Тип. 165, 54а), мягкими губными (оусь|пѣюши Тип. 165, 50а, сь|ватыа Тип. 165, 50в), мягкими задненебными (перьсь|киа Тип. 165, 38а, идольсь|киа 56в:

ср. александрьсь|каго Тип. 165, 53б). Можно также говорить о том, что перед мягкими зубными смягчаются губные (вь|ниде Тип. 165, 37а, бь|людеть Тип. 167, 19в) и задненебные (къ | требищю Тип. 165, 60в [к'т'р'], хь|лѣба Тип. 167, 1г), губные также смягчаются перед мягким *p'* (пь|репразньство Тип. 165, 65в, вь|рема Тип. 165, 66г). Перед *j*, вероятно, смягчались все согласные.

Анализ морфологических особенностей текста рукописных книг вполне согласуется с нашими выводами о месте их создания. Системы основных писцов не содержат маркированных диалектных явлений, свойственных западным говорам, а представленные морфологические инновации отражают тенденции, определившие специфику языка великорусской народности (народную основу которого составляли как раз говоры северо-востока).

Решение проблемы локализации памятников позволяет нам снова коснуться вопроса о времени их создания. Так как графико-орфографические инновации, связанные со вторым южнославянским влиянием, раньше всего появляются именно в книжных центрах ростово-суздальских земель (в конце XIV в.), датировка кодексов именно второй половиной (не концом) XIV в. кажется наиболее вероятной.

Таким образом, судьба исследуемых пергаменных кодексов представляется следующим образом. Прологи Тип. 165, Тип. 167, а также Тип. 166 были созданы на территории северо-восточной Руси (возможно, в Московской земле) во второй половине XIV века. В 20—30-е годы XV века рукописи Тип. 165 и Тип. 167 реставрировались уже во Пскове. Соответственно, на московский Печатный двор кодексы поступили, скорее всего, из Пскова. Время, когда Пролог Тип. 166 поступил во Псков, определенно установить невозможно, однако весьма вероятно, что созданные в одной скриптории книги также одновременно попадали во Псков. В связи с проблемой истории и бытования текста любопытным может оказаться следующее обстоятельство: писцы скриптория располагали по меньшей мере двумя списками пространной редакции древнерусского Пролога на первую половину года, тогда как на

вторую половину года у них был весьма архаичный список краткой редакции с тропарями и литургическими замечаниями. Реставратор (пскович — дьякон Даниил) также, восполняя утраты, использовал список краткой редакции.

Отметим, наши выводы полностью согласуются с наблюдениями О. В. Лосевой о том, что древнейшие сохранившиеся списки пространной редакции древнерусского Пролога лишены каких-либо особенностей текстов псковско-новгородских земель и, соответственно, скорее всего, не новгородского происхождения (см. 1.3).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1955 — Аванесов Р. И. Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 79—102.

Аванесов 1970 — Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *I* и *Y* // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 278—299.

Белоусов 1982 — Белоусов В. Н. История форм повелительного наклонения // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 132—153.

Бернштейн 1961 — Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Введение. Фонетика. М., 1961.

Богородицкий 1935 — Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.-Л, 1935.

Бодуэн де Куртенэ 1963 — Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 362—373.

Борковский 1936 — Борковский В. И. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды Комиссии по русскому языку. Л., 1936. Т. 1. С. 1—91.

Борковский 1958 — Борковский В. И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.) // Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). — М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 87—155.

Борковский, Кузнецов 1963 — Борковский В.И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Бубнов 1973 — Бубнов Н. Ю. Славяно-русские Прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274—296.

Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Васильев 1905 — Васильев Л. Л. Богдановский Златоуст XVI в. // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 3. С. 295—338.

Васильев 1907 — Васильев Л. Л. Вологодское Евангелие XVI в. // РФВ. 1905. Т. 57. С. 241—255.

Васильев 1908 — Васильев Л. Л. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий слог // Изв. ОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 3. С. 181—255.

Васильев 1910 — Васильев Л. Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквою е в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слоге под ударением по-древнему при замене в слоге без ударения буквы ѣ буквою е // Известия ОРЯС. 1910. Т. XV. Кн. 3.

Васильев 1913 — Васильев Л. Л. Два явления др. ц.-слав. памятников в освещении древнерусских текстов // РФВ. Т. 70. 1913. 373—379.

Виноградов 1923 — Виноградов В. В. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Вып. I: Очерки из истории звука ѣ в северно-русском наречии. Пг., 1923.

Виноградов 1977 — Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 12—34.

Гадолина 1963 — История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

Гальченко 2001a — Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности. (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная

культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 325—382.

Гальченко 2001б — Гальченко М. Г. Сводная таблица графико-орфографических данных из 165 датированных древнерусских рукописей конца XIV—XV в. // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., СПб., 2001. С. 383—442.

Гарднер 2004 — Гарднер И. А. Богослужбное пение русской православной церкви. Т. I—II. М., 2004.

Гиппиус 1989 — Гиппиус А. А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // ВЯ. 1989. № 2. С. 93—110.

Гиппиус 1996 — Гиппиус А. А. «*НОУГОРОДЦЫ*»: об одной орфографической аномалии в старовеликорусских текстах // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 152—168.

Глускина 1968 — Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке // Псковские говоры. Т. 2. Труды второй псковской диалектологической конференции. Псков, 1968. С. 35—41.

Голышенко 1997 — Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997.

Горская 2002 (дис.) — Горская Е. В. Из истории языка северо-западной Руси начала XIV в. (по рукописям псковского скриптория Андрея Микулинского и Козьмы Поповича). Дис. ... канд. филол. наук. М. 2002.

Горская 2002б — Горская Е. В. Фонетические и графико-орфографические особенности псковского Шестоднева служебного около 1312 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002. С. 71—84.

Горшкова 1968 — Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). — М., 1968.

Горшкова 1972 — Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

Давыдова 1990 — Давыдова С. А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. — Л.: Наука, 1990. — Т. XLIII. — С. 263—281.

Давыдова 1999 — Давыдова С. А. Византийский синаксарь и его судьба на Руси // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. LI. С. 58—79.

Давыдова 2010 — Давыдова С. А. Пролог или Синаксарь? (Об изучении древнерусского Пролога) // Русская литература. 2010. № 1. С. 227—238.

Дружинин 1923 — Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Пг., 1923. Вып. XXXI. С. 1—66.

Дурново 1917/1967 — Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1967.

Дурново 1924/2000 — Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1—337.

Дурново 1924—1926/2000 — Дурново Н. Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 391—494.

Дурново 1933/2000 — Дурново Н. Н. Славянское правописание X—XII вв. // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 644—683.

Живов 1984/2006 — Живов В. М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века // RL. 1984. Vol. 8. № 3. С. 251—293 (переиздано в [Живов 2006: 76—130]).

Живов 1986/2006 — Живов В. М. Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древних новгородских рукописях // RL. 1986. Vol. 10. № 3. С. 291—306 (переиздано в [Живов 2006: 131—150]).

Живов 1999/2006 — Живов В. М. Въ плѣну у ангеловъ, на дикомъ брегѣ — ахъ! // История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 777—791 (переиздано в [Живов 2006: 178—199]).

Живов 2006 — Живов В. М. Восточнославянское правописание XI—XIII вв. М., 2006.

Живов, Успенский 1984 — Живов В. М., Успенский Б. А. Оппозиция рефлексов *е и *ё в книжном произношении и историческая диалектология // Собрание по вопросам диалектологии к истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка) (Ужгород, 18—20 сентября 1984 г.): Тезисы докладов и сообщений. Т. 2. М., 1984. С. 17—18.

Жуковская 1957 — Жуковская Л. П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика Галичского евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания. Т. VIII. М., 1957. С. 5—106.

Жуковская 1959 — Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. — М., Л., 1959.

Жуковская 1960 — Жуковская Л. П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (По материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 59—117.

Жуковская 1963 — Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963.

Жуковская 1983 — Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 110—120.

Жуковская 1987 — Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация письма 2-й пол. XV — 1 пол. XVI вв. (Об ошибочности понятия «второй южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к церковнославянскому. М., 1987. С. 144—176.

Жуковская 1997 — Жуковская Л. П. Палеография // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Глав. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. С. 317—320.

Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 89—214.

Зализняк 1989 — Зализняк А. А. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 116—134.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.

Зализняк 2002 — Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением *ь—о* и *ь—е*. // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 577—612.

Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2005 — Зализняк А. А. Подпись Анны Ярославны и вопрос о некнижном письме в древней Руси // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2005.

Ильина 1978 — Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978.

Именное склонение — Именное склонение в славянских языках XI—XIV вв. / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л., 1974.

Иорданиди 1995 — Иорданиди С. И. Существительное // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1995. С. 170—294.

Историческая грамматика, I — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. I: Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения. М., 2000.

Историческая грамматика, II — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. II: Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число. М., 2001.

Историческая грамматика, III — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. III: Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Прилагательные. М., 2006.

Калугин 1992 — Калугин В. В. Скрипторий XIV в. // Герменевтика древнерусской литературы X—XIV вв. М., 1992. С. 273—287.

Калугин 2005 — Калугин В. В. Язык и письменность Древней Руси. Лекции по истории русского литературного языка XI—XVII веков. — М., 2005.

Кандаурова 1957 — Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды института языкознания. М., 1957. С. 178—286.

Каринский 1896 — Каринский Н. М. Погодинский Апостол 1391 г. // Русский филологический вестник. 1896. Т. 36. С. 183—192.

Каринский 1909 — Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. — СПб., 1909.

Каринский 1916 — Каринский Н. М. Очерки из истории псковской письменности. Т. 1. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. СПб., 1916.

Карский 1928/1979 — Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Каталог ЦГАДА — Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 2. М., 1988.

Кипарский 1972 — Кипарский В. О судьбе -ь- в -ьск и -ьство // ВЯ. 1972. № 2. С. 77—82.

Князевская 1957а — Князевская О. А. К истории русского языка северо-восточной Руси в середине XIV века. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.) // Труды института языкознания. М., 1957. С. 107—177.

Князевская 1957б — Князевская О. А. К истории московского говора // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1957. Т. 42. Вып. 4. С. 269—303.

Князевская 1970 — Князевская О. А. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров (На материале ростово-суздальских рукописей XIII в.) // Кузнецовские чтения. 1970. М., 1970. С. 36—37.

Князевская 1971а — Князевская О. А. О судьбе редуцированных гласных ъ, ь в ростовских рукописях первой трети XIII в. // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1971. С. 202—208.

Князевская 1971б — Князевская О. А. О ростовской рукописи XIII в. из научной библиотеки Московского университета // *Studia palaeoslovenica*. Praha, 1971. С. 169—174.

Князевская 1971в — Князевская О. А. О ростовских рукописях начала XIII века // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971. С. 145—153.

Князевская 1972 — Князевская О. А. Об одной графической особенности ростовских рукописей начала XIII в. // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 124—130.

Князевская 1973 — Князевская О. А. Рукопись Евангелия XIII в. из собрания Московского университета // Рукописная и печатная книга в фондах научной библиотеки Московского университета. М., 1973. Вып. 1. С. 5—18.

Князевская 1984 — Князевская О. А. Фрагменты одной древнерусской рукописи XII в. // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 154—188.

Князевская 1993 — Князевская О. А. Древнерусская рукопись паремийника XII—XIII вв. // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 30—34.

Колесов 1975 — Колесов В. В. Positionное смещение букв *o*, *e* ~ *ь*, *ь* в древнерусских рукописях XII—XIII // Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории: Межвузовский сборник. Вып. 1. Горький, 1975. С. 3—12.

Колесов 1980 — Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Колесов 2008 — Колесов В. В. Русская историческая фонология. СПб., 2008.

Крысько 1998 — Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // ВЯ. 1998. № 3. С. 74—93.

Крысько 2003 — Крысько В. Б. Русско-церковнославянские рукописи XI—XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 2003. С. 339—355.

Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.

Крысько 2006 — Крысько В. Б. Комментарии // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Статьи и рецензии. М., 2006. С. 565—647.

Кузнецов 1948 — Кузнецов П. С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров // Доклады и сообщения Института русского языка. М.; Л., 1948. Вып. 2. 130—158.

Кузнецов 1953 — Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов 1955 — Кузнецов П. С. Письмо в редакцию. Ответ на рецензию Т. П. Ломтева // ВЯ. 1955. № 3. С. 135—139.

Кузнецов 1956 — Кузнецов П. С. К истории форм 3-го лица настоящего времени глаголов в русском языке // *Slavia*. 1956. Ročník XXV. С. 175—183.

Кузнецов 1959 — Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кузнецов 1961 — Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Лавров 1916 — Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма // *Энциклопедия славянской филологии*. Вып. 4.1. Пг., 1915.

Ломтев 1954 — Ломтев Т. П. [Рец.] Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. — Изд-во Московского ун-та, 1953. 307 стр. // *ВЯ*. 1954. № 5. С. 137—146.

Лосева 2004 — Лосева О.В. Особенности состава древнерусского Пролога 1313 г. (ГИМ. Син. 239) // *Древняя Русь*. 2004. № 2 (16).

Лосева 2005 — Лосева О.В. К вопросу о формировании проложных редакций // *Вестник РГНФ*. 2005. № 3 (40).

Лосева 2009 — Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009.

Ляпунов 1899 — Ляпунов Б. М. Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. СПб., 1899.

Малкова 1973 — Малкова О. В. К уточнению времени написания Типографского евангелия № 6 (7) // *Восточнославянские языки. Источники для их изучения*. М., 1973. С. 147—171.

Малкова 1981 — Малкова О. В. О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках // *ВЯ*. 1981. № 1. С. 98—111.

Малкова 1987 — Малкова О. В. Древнерусское литургическое произношение в Южной Руси в XII—XIII вв. // *Древнерусский литературный язык в его отношении к церковнославянскому*. М., 1987. С. 129—143.

Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Мельников 1959 — Мельников Е. И. К вопросу о звуковом значении буквы ъ в древнерусской подписи 1063 года // *Slavia. Ročník XXVIII*. 1959. С. 507—515.

Милов 1963 — Милов Л. В. Из истории древнерусской книжной письменности XIV века (палеографические наблюдения) // *Вестник Московского университета. Серия IX, История*. 1963. № 3. С. 23—33.

Молдован 2000 — Молдован А. М. Пять новонайденных украинских грамот конца XIV — начала XV в. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2000>*. М., 2000. С. 261—276.

Мошин 2002 — Мошин В. В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // *Из истории русской культуры. Т II., кн.1. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры*. М., 2002. С. 805—887.

Новый завет — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси. Фототип. изд. Леонтия, митрополита Московского. М., 1892.

Обнорский 1912 — Обнорский С. П. О языке Ефремовской Кормчей XII века // *Исследования по русскому языку. Т. 3. Вып. 1*. Спб., 1912. С. I—II, 1—85.

Обнорский 1924 — Обнорский С. П. Исследования о языке Минеи за ноябрь 1097 года // *Изв. ОРЯС*. 1924. Т. 29. Л., 1925. С. 167—226.

Обнорский 1953 — Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Образование севернорусского наречия — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970.

Орлова 1959 — Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

Осипов 1990 — Осипов Б. И. История русского письма: Графика. Орфография. Пунктуация. Омск, 1990.

Осипов 1992 — Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.

Панов 1990 — Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Петухов 1894 — Петухов Е. В. К исследованию древнерусского Пролога // Петухов В. Е. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности. Киев, 1894. С. 1—31.

Покровский 1916 — Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1916. Т. 2. С. 215—494.

Попов 1982 — Попов М. Б. Морфонологический этап падения редуцированных гласных в древнерусском языке (на материале рукописей XIV—XV веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

Попов 2004 — Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.

Потебня 1876 — Потебня А. А. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.

Прокопенко 2008а — Прокопенко Л. В. Источники Пролога за сентябрьскую половину года (краткой и пространной редакций) по четырем спискам XII—XIV вв. // Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Том VIII (пре — пробежение). Приложение. М., 2008. С. 701—762.

Прокопенко 2008б — Прокопенко Л. В. О славянском переводе византийского Синаксаря // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. М., 2008. Т. 67, № 6. С. 38—45.

Прокопенко 2010а — Прокопенко Л. В. Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2010. С. 158—312.

Прокопенко 2010б — Прокопенко Л. В. Механизмы редактирования в рукописном Прологе XII—XIV вв. (к вопросу о соотношении редакций) // Die Welt der Slaven. LV, 2. 2010. С. 265—289.

Селищев 1952 — Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. II: Морфология. М., 1952.

Селищев 1968 — Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 548—604.

Сергий 1997 — Сергий (Спасский И. А.), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т.1—3.

Соболевский 1881 — Соболевский А. И. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881.

Соболевский 1884/2004 — Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004. С. 1—247.

Соболевский 1887/2006 — Соболевский А. И. [Рец.] А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886 // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 468—474.

Соболевский 1888/2006 — Соболевский А. И. Псковский Трефолой 1446 года // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 145—147.

Соболевский 1894/2006 — Соболевский А. И. Из истории русского языка // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 184—193.

Соболевский 1900а/2006 — Соболевский А. И. [Рец.:] Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова. Выпуск I. Введение. Часть I. Очерки из истории иррациональных гласных в русском языке. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1899 // Соболевский А. И.

Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 501—507.

Соболевский 1900б/2006 — Соболевский А. И. Ответ на ответ Б. М. Ляпунова // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 507—509.

Соболевский 1901—1902/2005 — Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. М., 2005.

Соболевский 1903/1980 — Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. // Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 147—158.

Соболевский 1905/2006 — К истории русского языка // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 245—247.

Соболевский 1907/2004 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.

Соболевский 1908 — Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908.

Соболевский 1909/2006 — Соболевский А. И. Важная особенность старого псковского говора // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 256—259.

Соболевский 1910/1980 — Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147.

Соболевский 1910/2006 — Соболевский А. И. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 266—290.

Соболевский 1911/2006 — Соболевский А. И. К хронологии одной особенности псковского говора // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 318—319.

Соболевский 1916/2006 — Соболевский А. И. Два слова о псковском говоре // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 398—399.

Соколова 1930 — Соколова М. А. К истории русского языка (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т. III. 1930. С. 75—135.

Сперанский 1960 — Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7—54.

Срезневский 1885 — Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885.

Страхов 2001 — Страхов А. Б. Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования // *Paleoslavica*. IX. 2001. P. 5—71.

Сумникова 1960 — Сумникова Т. А. Чудовский сборник XVI века (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 118—176.

Сумникова 1995 — Сумникова Т. А. Местоимение // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов М., 1995. С. 326—374.

Сумникова 2003 — Сумникова Т. А. Из истории древнерусских местоимений // *RL*. 2003. V. 27. № 2. С. 117—126.

Тихомиров, Муравьев 1982 — Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1982.

Толкачев 1960 — Толкачев А. И. Об изменении *-ого > -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка // Исследования и материалы по истории русского языка. М., 1960. С. 235—267.

Топоров 1961 — Топоров В. Н. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы слав. языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 35—70.

Турилов 1998 — Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 321—337.

Турилов 2001 — Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах: 2000. М., 2001. С. 247—285.

Успенский 1967 — Успенский Б. А. Одна архаическая система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев) // ВЯ. 1967. № 6. С. 62—79.

Успенский 1997а — Успенский Б. А. Русское книжное произношение XI—XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Успенский Б. А. Избранные труды: Общее и славянское языкознание. М., 1997. Т. 3. С. 143—208.

Успенский 1997б — Успенский Б. А. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3: Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 209—245.

Успенский 1997в — Успенский Б. А. Одна архаическая система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3: Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 289—319.

Успенский 2002 — Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Ушаков 1982 — Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века. М., 1982.

Фет 1977 — Фет Е. А. О Софийском Прологе конца XI — начала XIII в. // Источниковедение и историография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 78—92.

Фет 1980 — Фет Е. А. Новые факты к истории псковского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53—70.

Фет 1987 — Фет Е. А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 376—381.

Хабургаев 1990 — Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Черепнин 1956 — Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.

Чернышев 1902 — Чернышев В. И. Как произошла мена ц и ч в русских говорах // Русский филологический вестник. 1902. Т. 47. С. 117—118.

Шахматов 1885 — Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот // Исследования по русскому языку Т. 1. СПб., 1885—1895.

Шахматов 1903 — Шахматов А. А. Исследование о Двинских грамотах XV в. // Исследования по русскому языку. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1903.

Шахматов 1909 — Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в. (По поводу книги «Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке» СПб., 1909. VII+207.8°) // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 7. С. 105—177.

Шахматов 1915/2002 — Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода русского языка. М., 2002.

Шахматов 1957 — Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шевчук 2002 — Шевчук О.П. Пролог XIII в. (РГАДА. Тип. 156) — древнейшая псковская рукопись // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3.

Шевчук 2003 — Шевчук О. П. Фонетические и морфологические особенности псковского говора XIII века (на материале сентябрьского пролога, РГАДА, Тип. 156) // RL. 2003. V. 27. С. 127—140.

Шульга 1978 — Шульга М. В. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978. С. 3—40.

Шульга 2003 — Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Щепкин 1889 — Щепкин В. Н. Описание сборника № 20 Московского Чудова монастыря // Чтения ОИДР. 1889. Кн. 3. С. I—XXXI.

Issatschenko 1979 — Issatschenko A. V. Secondary vocalization of the jers // RL. 1979. Vol. 4. № 2. P. 169—174.

Lunt 1949 — Lunt H. G. The orthography of eleventh century Russian manuscripts. PhD, Columbia University, 1949.

Lunt 1984 — Lunt H. G. On writing the history of the language of Old Rus // Semiosis. Semiotics and the History of Culture: In Honorem Georgii Lotman. [Ann Arbor], 1984. P. 303—318.

Lunt 2001 — Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. Berlin; New York, 2001.

Nuorluoto 2007 — Nuorluoto J. The Interchangeability of the Graphemes <o> and <ь> in Old Russian Birchbark Documents: A Graphical Effect or a Reflection of Sound Change in Progress? // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia; 32).

Piccard, IV — Piccard G. Wasserzeichen Buchstabe P. Stuttgart, 1977. V. 4. T. 1—3.

Shevelov 1964 — Shevelov G. Y. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.

Shevelov 1976 — Shevelov G. Y. On the problem of the participation of *y* and *i* in the loss of *jers* // Јужнославенски филолог. 32. 1976.

Shevelov 1978 — Shevelov G. Y. On the so-called signature of queen Ann of France (1063) // Linguistic and literary studies in honor of Archibald A. Hill. The Hague; Paris; New York, 1978. P. 249—255.

Shevelov 1979 — Shevelov G. Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ПрСоф — Пролог (Софийский), сентябрь—февраль, XII—XIII вв., ГПБ, Соф. 1324, 317 л.

ПрЮр — Пролог (Юрьевский), сентябрь—февраль, XIV₂. РГАДА, Тип. 153, 299 л.

СбТр XII/XIII — Сборник слов и поучений, РГБ, Тр. 12, 202 л.

Син. 248 — Пролог, сентябрь—февраль, нач. XV в. (1406 г. ?). ГИМ, Син. 248, 231 л.

Син. 839 — Пролог, сентябрь—февраль, 1425 г, ГИМ, Син. 839, 171 л.

Тип. 164 — Пролог, октябрь—декабрь, XIV₁, РГАДА, Тип. 164, 189 л.

Тип. 165 — Пролог, октябрь—декабрь. XIV₂, РГАДА, Тип. 165, 97 л.

Тип. 166 — Пролог, декабрь—февраль. XIV₂, РГАДА, Тип. 166, 182 л.

Тип. 167 — Пролог, январь—февраль. XIV₂, РГАДА, Тип. 167, 108 л.

Тип. 174 — Пролог, март—август. XIV₁, РГАДА, Тип. 174, 139 л.

СОСТАВ ЧТЕНИЙ ПРОЛОГОВ ТИП. 165, ТИП. 167, ТИП. 166

Комментарии к таблице

Порядок чтений дается в соответствии с Тип. 165 и Тип. 167, поэтому номера столбцов Тип. 166 могут идти не по порядку. Помета *заг.* означает, что память (заголовки к памяти) не сопровождается сказанием. Полужирным шрифтом выделяются те памяти, которые характеризуют редакции Пролога (в чтениях на первую половину года — пространную [по: Прокопенко 2008а], в мартовских — краткую [по: Бубнов 1973]). Курсивом указываются номера столбцов с заголовками чтений, переписанных реставратором Тип. 165 и Тип. 167.

	Чтения	Тип. 165 и Тип. 167	Тип. 166
5. X	Св. муч. Харитины	начало на утра- ченном листе	
	Св. Дионисия Алек- сандрийского	1а	
6. X	Св. ап. Фомы	1б	
	Слово о житии свв. Ан- дрея и Епифана	1в	
	Слово о некоем попе, который крестил жен и соблазнялся	2а—б	
7. X	Свв. мучч. Сергия и Вакха	2в	
	Св. муч. Пелагии	3а	
	Слово о пьянстве	3б	
8. X	Св. Пелагии Блудницы	4а	
	Другой Пелагии в Ан- тиохии	4б	
	О милостивом схола-	4в	

	стике		
9. X	Св. ап. Иакова Алфеева	5б	
	Св. Поплии служительницы	5в	
	Слово о Аврааме (в земле халдейской)	5г	
	Слово о добродетели	6в	
10. X	Свв. мучч. Евлампия и Евлампии	7а	
	Пр. о. н. Иакова Постника	7б	
	Слово от Патерика о брани любодеяния	7в	
	Слово о поставлении епископов и попов	7г	
11. X	Св. ап. Филиппа (диакона)	8а	
	Память 7-го вселенского собора (о иконах)	8в	
	Слово о иконах	8г	
12. X	Свв. мучч. Прова, Таракха и Андроника	9г	
	Св. муч. Анастасии девы	10а	
	Слово святого Андрея Юродивого о милостыни	10б	
13. X	Свв. мучч. Карпа и Папила и Агафодора и Агафоника (Агафоникия)	10в	
	Св. муч. Флорентия	10г	
	Слово о мздоимце и о резоемце, и о сребролюбии	11а	
14. X	Свв. мучч. Назария, Гервасия, Протасия, Кельсия	11г	

	Слово святого Антиоха о чаянии будущих благ	12а	
15. X	Св. муч. Лукиана	12г	
	Преп. Савина еписк.	13б	
	Слово о лицемерном чернце	13б	
16. X	Св. муч. Лонгина, бывшего при Христо- ве распятии	13г	
	Слово о святом Андрее	14а	
17. X	Св. прор. Осии	15а	
	Свв. мучч. Космы и Да- миана, Анфима, Леон- тия и Евпрепия	15б	
	Слово о дерзости яро- сти	15в	
18. X	Св. ап. и ев. Луки	16б	
	Слово о жене, при- шедшей к Неофиту исповедаться	16в	
19. X	Св. муч. Уара и с ним семи учителей христи- анских	18а	
	Слово о некоем игумене	18в	
	Слово от Лимониса о плясавшем бесе	19б	
20. X	Св. муч. Артемия чудо- творца	19в	
	Св. Корнилия сотника	20б	
	Слово о некоем игумене	20в	
21. X	Преп. Илариона пус- тынника	21б	
	Свв. мучч. Дасия, Гаия и Зотика	21в	
	Поучение Илариона о пользе душе	22а	
22. X	Св. Аверкия, епископа Фригийского	23а	

	Свв. Александра епископа и Ираклия	23в	
	Слово о клеветаньи	23г	
23. X	Св. ап. Иакова (брата господня)	24б	
	Свв. отроков в Ефесе	24г	
	Св. Игнатия, патриарха Царьграда	25б	
	Слово святого Максима о любви	25в	
24. X	Св. муч. Арефы и дружины его	25г	
	Св. Прокла	26а	
	Слово Иоанна Златоуста	26б	
25. X	Свв. мучч. Маркиана и Мартирия нотариев	26г	
	Слово о послушании	27б (часть текста утрачена)	
	Слово св. Андрея о некоем блуднике	27в	
26. X	Св. муч. Димитрия	28б	
	Слово св. муч. Димитрия	28в	
	Чудо святого Димитрия (о двух девицах)	29б	
27. X	Св. муч. Нестора	30а	
	Свв. мучч. Капетолины и Еротиды рабыни ее	30в	
	Слово Иоанна Златоуста о молитве	30г	
28. X	Св. муч. Кириака епископа Иерусалимского	31а	
	Св. муч. Параскевы	31в	
	Св. о. н. Иоанна Хозевита	32а	
29.	Св. муч. Анастасии	32б	

X	римской	
	Св. о. н. Аврамия За- творника	32г
	Свв. мучч. Клавдия, Ас- терия, Неона и Неонил- лы	33б
	Слово о исходе и о вос- ходе на небеса	33в
30. X	Св. муч. Епимаха	34а
	Св. о. н. Павла Фивей- ского	34б
	Слово о святой старице	34б
31. X	Св. муч. Зиновия и Зи- новии сестры его	34г
	Свв. апп. Стахия и Ур- вана и дружины	35а
	Слово (Петра черно- ризца) на богатых и на убогих	35б
1. XI	Свв. бессребр. Космы и Дамиана	36а
	Свв. девиц Кириены и Улианы	36в
	Чудо свв. Космы и Дамиана	36г
	Чудо о жене постнице	37б
2. XI	Свв. мучч. Акиндина, Пигасия, Аффония, Анемподиста, Елпиди- фора и иных 27 муче- ников	38в
	Слово о св. Серапионе	38б
	Слово Евагрия о лжи- вых	38г
3. XI	Свв. мучч. Акепсимы епископа, Аифала диа- кона и Иосифа пресви- тера	39б

	Праведной жены Снандулии	39в	
	Слово св. Василия о послушании	39г	
	Слово о том, что полез- но по умерших память творить	40в	
4. XI	Преп. о. н. Иоанникия Чудотворца	40б	
	Св. муч. Порфирия	40г	
	Слово от патерика о терпении и о послуша- нии	41в	
5. XI	Свв. мучч. Галактиона и Епистимы	41г	
	Свв. мучч. Домнина, Феотима, Тимофея, Фи- лофея, Дорофея, Карте- рия, Сильвана	42б	
	О св. Иоанне Златоусте	42в	
6. XI	Св. муч. Павла испо- ведника	43в	
	Св. муч. Виктора	43г	
	Семи девиц: Текуси- сы, Александры и др.	44в	
7. XI	Св. муч. Иерона и с ним 33 мучеников	45б	
	Свв. мучч. Антонина и родителей его Меласи- па и Касинии	45в	
	Слово Иоанна Златоус- та о муже исцелившем- ся	45г	
	Слово о наказанье ка- ждому человеку	46б	
8. XI	Собор святого Арханге- ла Михаила	46г	
	Сказание-чудо Велико-	47а	

	го Архангела Михаила	
	Слово о Иоанне огороднике	48г
9.	Преп. Матроны	49б
XI	Св. муч. Александра Селунского	49в
	Св. муч. Антония	49г
	Слово святых апостолов о умерших	50а
10.	Святых апостолов от 70: Олимпа, Родиона и др.	50б
XI	Свв. мучч. Тимофея и Мавры	50в
	Чудо святого Иоанна Златоуста о Археле и о покаянии	50г
11.	Свв. мучч. Мины, Виктора, Викентия, Стефаниды	51в—г
XI	Преп. о. н. Феодора, игумена Студийского	52а
	Слово Иоанна Златоуста о милостыни	52в
12.	Преп. о. н. Иоанна Милостивого	53б
XI	Преп. о. н. Нила (Синайского) игумена	53в
	Слово Иоанна Златоуста о милостыни (другое)	54а
13.	Св. Иоанна Златоуста	54в
XI	Свв. мучч. Милия епископа, Евория попа и Севой диакона	55б—в
	Свв. мучч. Антония, Никифора и Германа	55—56
14.	Св. ап. Филиппа	56б

XI	Преп. о. н. Ипатия	56г
	Свв. Иустиниана и Феодоры	57б
	Слово «честнаго по-ставления» Иоанна Златоуста попом	57г
15. XI	Свв. мучч. Гурия, Самона и Авива	58г
	Св. муч. Димитрия в Даоде	59б
	Слово Иоанна Златоуста	59в
16. XI	Св. ап. и ев. Матфея	60а
	Св. муч. Варлаама	60б
	Святого ап. Иакова, брата Иоанна Богослова	60г
17. XI	Св. о. н. Григория Чудотворца, епископа Новой Кесарии	61а
	О. н. Варлаама пустычника	61б
	Слово о Евхасте пастухе	61г
	Поучение Варлаама	62в
18. XI	Св. муч. Платона	63в
	Св. муч. Романа и с ним младенца	63г
	Слово о смирении	64б
19. XI	Св. пр. Авдия	64в
	Св. муч. Азы	64г
	Свв. мучч. Иоанна, Савирия, Исакия и др.	65а
20. XI	Св. о. н. Григория Декаполита и предпразднство введения пресв. Богородицы	65в
	Святого мученика Да-	65г

	сия		
		Утрата	
	Слово св. Антиоха о милостыне и нищелюбии	утраченный лист	
	Поучение Феодора, Студийскаго игумена	66б	
21. XI	Вход в церковь Божией матери	67а—б	
	Слово о судьбах Божиих	67в	
	Слово Иоанна Златоуста	68г	
22. XI	Свв. апп. Архиппа, Филимона и Апфии	69а	
	Слово на богатых и на убогих	69в	
	Поучение св. Варлаама о житии и о смерти	70а	
23. XI	Преп. о. н. Амфилохия	71б	
	Св. муч. Сисиния, еп. Кизического	71г	
	Слово Евагрия о умилении души в страхе будущих мук и о покаянии	72а	
24. XI	Св. о. н. Григория, еп. Акрагантского	73г	
	Преп. Матридии девицы	74б	
	Притча святого Варлаама о еретиках и о идолослужении	75а	
25. XI	Св. муч. Климента, епископа Римского	75г	
	Принесение мощей святого Климента из глубины моря в Кор-	76а	

	сунь		
	Святых отцов, со- жженных заживо Аве- нисом царем	76в	
26.	Преп. о. н. Алипия	77б	
XI	Св. муч. Меркурия	77в	
	Освещение церкви Св. Георгия в Киеве	78а	
	Слово о сарацине, кре- стившемся от видения в церкви св. Георгия	78б—в	
27.	Св. муч. Иакова Перса	79б	
XI	Св. о. н. Акакия	79в—г	
	Слово о неосуждении мнихов	80б	
28.	Св. муч. Иринарха	80в	
XI	Св. Стефана Нового и с ним Петра и Андрея	80г	
	Притча святого Вар- лаама о богатых и убо- гих	81а	
		Утрата	
29.	Св. муч. Филумена	утраченный лист	
XI	Слово Иоанна Дамаскина о усопших	82а	
30.	Св. ап. Андрея	82в	
XI	Притча святого Ефрема о праведных и о греш- ных и о Божии долго- терпении	83а	
	Св. Стефана Нового, с ним Петра и Андрея	83г	
		Утрата	
1.	Св. пр. Наума (« иже речеся послушание »)	84а	2 (бумажные листы)
XII	Св. муч. Анании	84б	
	Преп. Филарета Мило- стивого	84в	

	Слово о черноризце Иоре	84в	
	Слово о покаянии	85б	
2.	Св. прор. Аввакума	86а	3г
XII	Преп. о. н. Феодула	86б (заг.)	—
	Слово о чародеянии	86в (без названия статьи, начинается прямо с самого начала столбца)	—
	Слово св. прор. Аввакума	—	4а
		Утрата	
3.	Св. прор. Софония		4в
XII	Св. муч. Феодора, еп. Александрийского		4г
	Слово преп. о. н. Арсения о человеческих делах	утраченный лист	—
4.	Св. муч. Варвары	87а	5б
XII	Преп. о. н. Иоанна Варсонофия	87в	5в
	Слово о странноприимстве	88а	—
	Слово о черноризце	—	6а
5.	Преп. о. н. Саввы	88б—в	8а
XII	Преп. о. н. Кариона мниха и сына его Захарии	89а	8б
	Слово от Лимониса об отходящих к церквам латинским, жидовским и иноверным	89—90	9б
6.	Св. о. н. Николая (Мирликийского)	90в	9г
XII	Слово о милостыни	91б	10в
7.	Св. о. н. Амвросия	92в	11в
XII			
	Св. муч. Афинодора	Утрата	11г

	мниха		
	Преп. о. н. Иоанна Постника («иже в Лавре св. Саввы»)		12б
	Слово Иоанна Златоуста		12б—в
8.	Преп. о. н. Потапия		12г
XII	Свв. апп. Сосфена, Аполлоса, Кифы, Тихика, Епафродита, Кесаря и Онисифора		13а
	Слово о некоем попе, оболганном перед епископом	один из утраченных листов	13б
9.	Зачатие св. Анны (зачатие Богородицы Анною)	93а	14а
XII	Преп. о. н. Софрония (архиеп. Кипрского)	93б	14а
	Преп. о. н. Иоанна	—	14в (заг.)
	Поучение на зачатие пресв. Богородицы	93в	14в
	Слово о нерадивом мнихе	94б	15б
10.	Свв. мучч. Мины, Гермогена и Евграфа	94г	15в
XII	Св. муч. Гемелла	95а	15г
	Слово от Пандекта	95б	—
	Слово Козьмы пресвитера о мнихах	—	16а
	Преп. о. н. Даниила Столпника	Утрата	16г
11.	Преп. о. н. Луки Столпника		17г
XII	Преп. о. н. Феостирикта и свв. мучч. Терентия, Викентия, Емилиана и Вевеи		18а (заг.)

	Слово об успении Си- сося		18а
	Слово от жития Епи- фанова		18в
12. XII	Преп. о. н. Спиридона, еп. Тримифунтского		19а
	Св. муч. Разумника		19б
	Слово (чудо) св. Спи- ридона о житопродав- це		19в
13. XII	Свв. мучч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ареста		20б
	Св. муч. Лукии		20г
	Слово от Патерика о первых мнихах		21а
14. XII	Свв. мучч. Фирса и Левкия		21б
	Обретение мощей Ар- риана		21г
	Слово от Патерика о прозорливых		22а
15. XII	Св. муч. Елевферия		22б
	Св. муч. Сосанны		22г (заг.)
	Св. муч. Вакха Нового		22г
	Поучение от слов о. Моисея		22г
16. XII	Св. прор. Аггея		22а
	Св. муч. Марина		23в
	Св. блаж. Феофании ца- рицы		23—24
	Слово о том, что не по- добает никого осуждать		24а
17. XII	Свв. отроков Анании, Азарии и Мисаила		24г
	Св. прор. Даниила		25а
	Слово Даниила прор.		25б
18.	Свв. мучч. Севастиана и		27б

XII	с ним Терентия, Никострата, Клавдия, Кастора, Тивуртия, Макелина, Марка, Зои	
	Преп. о. н. Флора (Фрoла)	27в
	Слово от Пандекта о благоречии	27г
19. XII	Свв. мучч. Прома, Арея и Илии	28в
	Св. муч. Тимофея	28г
	Св. муч. Полиевкта	29а
	Мучение и похвала свв. трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила	29б
20. XII	Св. муч. Игнатия Богоносца, архиеп. Антиохийского	30б
	Свв. мучч. Евгения и Макария	30в
	Слово от Патерика о бежавших славы человеческой	30г
	Слово о узком пути, ведущем в Царство небесное	31б
21. XII	Св. муч. Иулиании	31в
	Св. муч. Фемистокля	31в
	Слово о чернеце, пришедшем в Антонию	32а
	Поучение Иоанна Златоуста о покаянии	32б
22. XII	Св. муч. Анастасии	
	Св. муч. Феодотии и чад ее	33в
	Слово о временном житии и Царстве Небес-	33г

	НОМ		
23.	Свв. мучч. в Крите		34б
XII	Слово о мнихе, впавшем в любодеяние		34г
24.	Св. муч. Евгении		35б
XII	Слово от Патерика о некоем мнихе, впавшем в тяжкий грех		35в
	Поучение на предпразднство Рождества Христова		36б
25.	Рождество Господа нашего Иисуса Христа		37а—б
XII	Поучение на Рождество Христово		37в
	Поучение о тайнах причастия		38в
26.	Собор св. Богородицы		39а
XII	Преп. о. н. Евфимия Исповедника; преп. о. н. Петра, еп. Александрийского; преп. о. н. Ареста		39б (заг.)
	Слово о том, что не подобает верить клевете		39б
	Слово Иоанна Златоуста о причастии и о милостыне		40г
27.	Св. первомуч. Стефана архидиакона		41в
XII	Преп. о. н. Феодора, архиеп. Константинопольского		41г
	Слово св. Василия о суете и о унынии		42а
28.	Свв. «2 тму» мучч. в Никомидии		42б

	Слово от Патерика о Иоанне Колове		42в
	Слово Иоанна Златоуста о алчбе		42г
29. XII	Свв. младенцев, убитых за Христа		43б
	Преп. о. н. Маркелла		43г
	Слово св. Нифонта	лист, предшествовавший 96	44а
30. XII	Св. муч. Анисии	96г	44г
	Св. ап. Тимона	—	45а
	Преп. Феодоры	97а	45а
	Слово о празднословии	97б	
31. XII	Преп. Мелании	—	45г
	Св. ап. Тимофея	—	46б (заг.)
	Слово от Патерика о некой старице и постнице	—	46б
1. I	Обрезание Господне; преп. о. н. Василия, архиеп. Кесарийского	Утрата	48в
	Преп. о. н. Василия, архиеп. Кесарийского		48г
	Св. муч. Василия Анкирского		49г
	Чудо св. Василия		50а
	Слово св. Василия		50в
2. I	Предпразднство Богоявления		51г (заг.)
	Преп. о. н. Силивестра, папы римского		51г
	Чудо св. Силивестра		52а
	Преп. о. н. Петра Знаменосца		52г (заг.)
	Слово св. Василия о прельщенном отроке		52г
3. I	Предпразднство Богоявления и память св.		56в

	прор. Малахии		
	Свв. мучч. Гордия и Епимаха		56г
	Преп. Синклитикии		57а
	Собор 70 учеников Христовых		57г
	Поучение св. Василия и блаженного Ефрема		59а
	Сказание Христова прихода к морю		59г
4. I	Предпразднство Богоявления		60в (заг.)
	Св. муч. Аполлинарии		60в (заг.)
	Св. муч. Феогена (Нагена), еп. Парийского		50в
	Св. муч. Ферапонта		61а
	Свв. мучч. Зосимы мниха и Афанасия коментарисия		61в
	Слово от Лимониса, сказание о чуде		62а
	Сказание Иоанна Златоуста о приходе Христове от моря		63
	Предпразднство Богоявления и св. прор. Михея		63г
5. I	Преп. о. н. Феоктиста Постника, друга Великого Евфимия		64а
	Преп. о. н. Мины мниха		64в
	Преп. о. н. Григория Акритского		65а (заг.)
	Слово «еже не осудити никомуже...»	1а (часть названия на предшествующем несохранившемся листе)	65а
	Поучение перед Бого-	2а	66б

	явлением		
6. I	Богоявление Господа нашего Иисуса Христа. Крещение Господа нашего Иисуса Христа	3а	67б
	Поучение на крещение Иисуса Христа	3б	67в
7. I	Собор св. прор. Иоанна Крестителя и принесение честной его руки	4б	68в
	Слово св. Феодора о столпнике	5а	69а
8. I	Преп. Домники	7а	71б
	Свв. мучч. Феофила диакона и Елладия	7б	71в
	Преп. о. н. Илии Пустынника	7в	71г
	Свв. мучч. Картерия, Иулиана и Василиссы	8а (заг.)	72б (заг.)
	Слово о епископе обогланном папе римскому	8а	72б
	Слово св. Василия о пустошных	8г	73б
9. I	Св. муч. Полиевкта	9б	73г
	Св. прор. Захарии	9в	74а
	Преп. о. н. Евстратия	9г (заг.)	
	Слово о некоем мнихе, прельщенном в вертепе дьяволом...	10а	74б
10. I	Преп. о. н. Григория Нисийского	12в	76г
	Преп. о. н. Маркиана пресвитера	12в	77а
	Слово о житии святого Маркиана	13а	77б
11. I	Преп. о. н. Феодосия	14а—б	78в
	Св. муч. Петра и преп. Евпраксии	14в (заг.)	78—79 (заг.)

	Слово от жития св. Феодосия	14в	79а
	Слово св. Евагрия о величании	15в	80а
12. I	Св. муч. Татьяны	16а	80в
	Преп. о. н. Дометиана	16б	80г
	Св. муч. Меортия (Амертья)	16в	81а
	Слово св. Афанасия о преступлении закона	16г	81б
	Слово св. Евагрия о смирении	17а—б	81в
13. I	Св. муч. Ермила	17г	82б
	Св. муч. Петра	18а	82в
	Преп. о. н. Стефана	18б	82—83
	Преп. о. н. Иакова Знаменоносца	19а (заг.)	
	Слово о трудах и о Царстве Небесном	19а	83в
	Слово Иоанна Златоуста	19б	84а
14. I	Свв. о. н. избивенных на Синайской горе	19г	84в
	Свв. черноризцев на той же горе избивенных «от глазатых при Диокле-тиане»	20а	84г
	Свв. 33 отцов избивенных	20б	85а
	Св. о. Моисея черно-ризца	20в	85в
	Преп. о. н. Феодула	21а	85г
	Преп. о. н. Иосифа	21б	86а
	Слово о погребающихся в церквах...	21г	86г
15. I	Преп. о. н. Павла Фивейского	22а	87а
	Преп. о. н. Иоанна	22б	87б

	Кущника		
	Слово о погребаяющихся в церквах	22г	87в
	Слово о Царствии Божиим и о муке вечной	23б	88б
		Утрата	
16. I	Поклонение честным веригам св. ап. Петра	24а	89б
	Св. муч. Пансофия	24а	89г
	Св. муч. Данакта	24б (заг.)	89в
	Слово о некоем мнихе, хотевшем взять жену	24б	90а
	Слово Иоанна Экзарха, «да не погребатися в церквах»	—	91а
17. I	Преп. о. н. Антония Великого	24г	91б
	Свв. мучч. Спевсиппа, Велесиппа, Еласиппа и св. Неонилы	25а	92а
	Слово о Мартирии	25б	92б—в
	Поучение о Небесном Царстве	—	93а
18. I	Преп. о. н. Афанасия и Кирилла (перенесение мощей св. Афанасия)	25г	93г
	Преп. Евсевии, «претворенныя Ксены» (Ксении)	25г	—
	Св. муч. Феодулии	26а	94в
	Слово от патерика о том, что хорошо страдать	26б	94г
	Поучение блаженного Илариона	—	95а
19. I	Преп. о. н. Макария и другого Макария Римского	26в	96а

	Св. муч. Феодота еп. Киринейского	26г	97а
	Великого чуда в Никее	27а	
	Слово о спасшемся от болезни	27а	97б
	Поучение св. Макария		97г
20. I	Преп. о. н. Евфимия	27в	98а
	Слово от жития св. Евфимия	—	98б
	Свв. Васса, Евсевия, Евтихия, Василида	27г	99а
	Свв. мучч. Валериана, Евгения, Акилы, Кандида и др.	28а (заг.)	98г
	Свв. мучч. Риммы, Пинны, Инны	—	99б—в
	Поучение св. Евфимия	28а	
	Слово от патерика	28б	99в—г
21. I	Преп. о. н. Максима Исповедника и св. муч. Неофита	28в	99г
	Слово св. Неофита	—	100б
	Преп. о. н. Зосимы	28г	100в
	Поучение св. Василия	29а	100г
	Слово Козьмы пресвитера к епископам и попам	—	101б
22. I	Св. ап. Тимофея	29б	101г
	Св. муч. Анастасия (персянина)	29в	
	Перенесение мощей св. Анастасия	—	102а
	Св. муч. Викентия	—	102б
	Свв. мучч. Мануила, Георгия, Льва и др. от безбожных болгар избитых	29г (заг.)	102г
	Слово от патерика о	29г	103а

	старце, изгнавшем беса		
23. I	Св. муч. Климента, епископа Анкирского	30а	103б
	Св. муч. Агафангела и др.	30б	103в
	Слово Козьмы пресвитера к епископам и попам	30г	—
	Слово Павлина епископа	—	103г
24. I	Преп. Ксении	31б	105б
	Свв. мучч. Павла, Павсирия и Феодотиона	31в	105в
	Слово Иоанна Златоуста о милостыни	32а	106а
	Слово о Иове и о нищелюбии	—	106г
25. I	Св. Григория Богослова	32г	107в
	Св. муч. Фелицаты и семи сыновей ее	—	107г
	Преп. о. н. Поплия	33а	108в
	Слово св. Григория, папы римского, о странноприимстве	—	109а
	Слово св. Григория о смерти праведных	33в	109в
26. I	Преп. о. н. Ксенофонта, жены его Марии и чад его Аркадия и Иоанна	34а—б	110а
	Перенесение святых мощей преп. о. н. Феодора, игумена Студийского, и брата его Иосифа	34в	110в
	Память великого «труса» (землетрясения)	35а	111а
	Слово от Патерика	35в	111а
	Слово о наказании св.	—	111в

	Василия ко всякому человеку		
27. I	Перенесение мощей св. Иоанна Златоуста	35г	113а
	Слово о исцелившемся муже у гроба св. Иоанна Златоуста	36б	113в
	Слово св. Григория о странноприимстве	37а	—
	Слово Иоанна Златоуста о милостыне	—	114б
28. I	Преп. о. н. Ефрема Сирина	37в	115а
	Св. муч. Филицаты и семи сыновей ее	38б	
	Преп. о. н. Вендимиана	38г	
	Повесть Ефрема (о Ефреме и) о преп. Василии	—	115г
	Слово св. Ефрема о покаянии	—	117в
29. I	Возвращение мощей св. муч. Игнатия	39б	118г
	Сказание Григория об умершем мнихе	39в	
	Слово Иоанна Златоуста о том, что подобает молиться за врагов	40г	119а
30. I	Св. муч. Ипполита, папы римского	41а—б	119в
	Св. муч. Варсимея	—	119г
	Св. муч. Феофила	—	120а (заг.)
	Слово об осуждении	41в	
	Слово Иоанна Златоуста о лжи и клевете	—	120а
31. I	Свв. чудотворцев Кира и Иоанна	41г	121а
	Св. муч. Викторина и	42а	121б

	«иже с ним шести свя- тых»		
	Св. муч. Трифены	42б (заг.)	121в
	Слово от Пандекта	42б	
	Слово Иоанна Злато- уста о покаянии	—	121—122
	Слово «иже не осудити никогоже о всяком де- ле»	—	123а
	Слово св. Феофила вое- воды	—	123в
1. II	Св. муч. Трифона	43а	123г
	Преп. о. н. Вендимиана	43б	124а
	Слово о милостыне	43в	124в
	Поучение на пред- празднство Сретения Иисуса Христа	44а	124—125
2. II	Сретение Господа на- шего Иисуса Христа	45а	125в
	Свв. мучч. Перпетуи, Сауката, Саторнила	45в	126а
	Слово св. Григория о исходе души от тела	45в	126б
	Поучение на Сретение Господне	46в	127а
3. II	Свв. Симеона Богопри- имца и Анны Пророчи- цы	47а	128б
	Свв. мучч. Адриана и Еввула	47б	128г
	Св. муч. Феодулии	47г	129а
	Слово о разбойнике	48б	129г
4. II	Св. о. н. Исидора	49а	130б
	Провожается праздник Сретение	49а (заг.)	130б (заг.)
	Свв. мучч. Папия, Дио- дора, Клавдиана	49б	130г
	Преп. о. н. Николая,	49в	131а

	игумена Студийского монастыря		
	Преп. Иоанна Иринопольского	50б (заг.)	131г (заг.)
	Слово о молчании и о смирении	50б	131г
5. II	Св. муч. Агафии	52а	133г
	Св. муч. Авраамия	52б	134б
	Мучение Авраамия, епископа Рувийского	52в	134в
	Св. муч. Иулиана Тарсийского	53а	135г
	Преп. о. н. Полиевкта	53б—в (заг.)	135а (заг.)
	Слово святого Ефрема	53в	135а
6. II	Преп. о. н. Вукола	54б	136б
	Свв. мучч. Фавсты, Евиласия и Максима	54в	136в
	Свв. мучч. Марфы, Марии и Ликариона	—	137а
	Слово о Павле епископе	54г	137г
7. II	Преп. о. н. Парфения Лампсакийского	55г	138г
	Свв. мучч. 3000 в Никомидии	—	139в
	Преп. о. н. Феодосия Антиохийского	—	139г
	Свв. мучч. Силуана, Луки и Мокия	56а	
	Слово от Лимониса о черноризице, бежавшей в пустыню	56б	140а—б
	Слово Иоанна Златоуста, как подобает в церкви стоять на молитве	—	140—141
8. II	Св. прор. Захарии	57а	142а
	Св. муч. Феодора Стратилата	57б	142в

	Свв. мучч. 18 тыс. в Никомидии иссеченных	—	142г
	Слово от Патерика о Зиноне	57г	143—144
	Слово св. Ефрема к богатым о милостыни	58а	144б
9. II	Св. муч. Никифора	59а	145б
	Свв. мучч. Маркиана (Маркелла), Панкратия и Филагрия (епп.)	59б	145в
	Слово от Патерика о некоем мнихе	59г	145г
	Наказание св. Иоанна Златоуста	61а	147а
10. II	Свв. мучч. Харлампия, Порфирия, «Лаукта» (Ваптоса) и трех жен	61г	147г
	Слово от Патерика о Марке мнихе	62а	148а
11. II	Св. муч. Власия и семи жен	63б	149а
	Св. муч. Феодоры	63в	149а
	Слово о «возгребавшем мертвых»	63г	149г
12. II	Преп. о. н. Мелетия, архиеп. Антиохийского	65б	151а
	Св. о. н. Антония, архиеп. Константинопольского	65—66	151в
	Преп. Марии, претворенной Марином	66б	152а
	Слово св. Григория Богослова о мнихе	—	152в
13. II	Преп. о. н. Мартиниана (Мартина)	66г	153в
	Слово от жития св.	67в	154б

	Мартина Милостивого		
	Свв. мучч. Акиллы и Прискиллы, жены его	—	154г
	Св. Евлогия, архиеп. Александрийского	—	155а
	Слово Иоанна Златоуста о напастях и бедах	68а	155а
	Слово о покорении всякого человека	—	155б
14. II	Преп. о. н. Авксентия и Кирилла философа	68б	156в
	Св. Евлогия, епископа Иерусалимского	68в	156г
	Преп. о. н. Кирилла философа	—	157а
	Слово от патерика о Пимене мнихе	69а	157г
15. II	Св. муч. Онисима	69в	158б
	Святого мученика Маиора	69г	158г
	Слово о некоем мнихе, исходившем из монастыря в монастырь не терпя досады от братии	70г	159а—б
	Слово Евагрия мниха	—	160а
		Утрата	
16. II	Свв. мучч. Памфила, Валента, Павла, Порфирия, Селевка, Феодула, Иулиана		161а
	Свв. мучч. Порфирия, Иулиана и Феодула		161б
	Слово от Патерика о плаканье	на утраченном листе	161в
	Притча от патерика душеполезная	71б	162б
17. II	Св. Мариамны, сестры святого Филиппа	71в	162в

	Св. муч. Феодора Тирона	71г	163а
	Преп. о. н. Авксивия, еп. Кипрского	72б	163а—б
	Слово о творящих знамения черноризцах	—	163в
	Слово св. Ефрема о подвиге	—	164а
18. II	Преп. о. н. Льва, папы римского	72в	165б
	Преп. о. н. Агапита чудотворца	72г	165в
	Слово о женах добрых и злых	73а	166б—в
	Слово св. Ефрема о наказании	—	166г
19. II	Свв. мучч. Максима и Феодота	73в	168а
	Св. Александра мниха	73г	168в
	Слово св. Геннадия о страхе Божии	74б	169а
20. II	Св. о. н. Льва, еп. Катанского	75б	170а
	Св. муч. Садофа еп. и с ним попов и диаконов 128	—	170б
	Слово от Лимониса о брани бесовской с мнихами	75г	171в
	Слово Антиоха об очищении грехов	76а	171г
21. II	Преп. о. н. Тимофея	76в	172а
	Св. муч. Пофия (Помплия) мниха	76г	172г
	Слово от Патерика об Иоанне Колове	77б	173б
22. II	Обретение мощей свв. мучч. в Евгении граде	78а	174а

	Св. о. н. Афанасия Исповедника	78б	174б
	Св. о. н. Петра мниха	78в	174г
	Слово о скоморохе, спасшемся с двумя женами своими	79а	175б
	Свв. мучч. Андроника и Иунии	—	175г (заг.)
23. II	Св. муч. Поликарпа, еп. Смирнского	79в	175г
	Слово от Лимониса о Дельфе епископе	79г	176а—б
	Слово о Ефросине мнихе	80б	176в
24. II	Обретение честной главы Иоанна Предтечи	81в	178а
	Св. муч. Ригина	82а	178б
	Слово от Лимониса об Иоанне мнихе	—	178в
	Слово от апостольских уставов, как подобает жить христианам	82б	179б
25. II	Св. о. Тарасия, архиеп. Константинопольского	83а	181а
	Св. муч. Александра	83б	181в
	Слово от Пандекта о звании Божии	83в	181г
	Слово Евагрия мниха	—	182в
26. II	Св. о. н. Порфирия, епископа Газского	84б	Утрата
	Слово св. Антиоха о снах	84в	
	Слово св. Василия о гордости	85г	
27. II	Преп. о. н. Власия (Василия) и Прокопия	86в	
	Св. о. н. Фаддея Чудо-	86г	

	творца		
		Утрата	
	Слово об Анастасии пресвитере	на утраченном листе	
28.	Св. муч. Нестора	88б	
II	Свв. Марины и Киры	88в	
	Преп. Домнины	89а	
	Слово от Лимониса об Ульяне мнихе	89б	
	Поучение Петра Черноризца	90а	
29.	Св. муч. Феостирикта и св. о. Иоанна Варсонофия	91в	
II	Слово от Лимониса о Льве мнихе	92б	
	Слово Евагрия мниха о послушанье	93б	
1.	Преп. Евдокии	94а	
III	Свв. мучч. Нестора и Тривимия	94в	
	Св. муч. Антонины	94г	
	Свв. мучч. Маркелла, Антонина, Силивестра и Софрония	95б (заг.)	
	Слово о святом Иоанне, архиепископе Иерусалимском	95б	
2.	Св. муч. Феодота Киринейского	96в (заг.)	
III	Успение ап. Пармены	96в	
	Свв. мучч. Коинта чудотворца, Троадия и Евфалии; успение свв. Андроника и Афанасия	96г (без сказаний)	
	Слово святого Афанасия, иже не осужати всякого сгрешающа	96г	

3. Ш	Свв. мучч. Клеоника и Василиска	97б	
	Слово от Лимониса о Феодоре наемнике	97г	
4. Ш	Преп. о. н. Герасима	98а	
	Свв. мучч. Сатира и Перпетуи; св. муч. Ириады; свв. мучч. Архелая, Кирилла, Фотия; преп. о. н. Иакова	99а—б (без сказаний)	
	Слово от Лимониса	99б	
5. Ш	Преп. о. н. Исихия, великого постника	99б (заг.)	
	Преп. о. н. Марка мниха	99б	
	Слово о видении ангела, пишущего входящих в церковь	99г	
6. Ш	Св. муч. Конона Градаря	100а	
	Св. муч. Конона (Исаврийского)	100б	
	Свв. 42 мучч. в Амории: Феодора, Константина, Феофила, Васоя и дружины их	101а—б	
	Слово св. Ефрема о пользе душе	101б	
	Слово о милостыни	101г	
7. Ш	Свв. 7 мучч. херсонских: Василия, Евгения, Агафодора, Капитона, Елпидия, Еферия и Ефрема.	101—102	
	Преп. о. н. Павла исповедника	102б	
	Преп. о. н. Аркадия, еп. Тримифунтского; свв. Евлампия (Еввула) и	102в (без сказаний)	

	Ульяна врача		
	Слово о затворнике	102в	
8. Ш	Преп. о. н. Феофилакта, еп. Никомидийского	103в	
	Слово святого Ефрема о том, что не подобает черноризцу иметь мно- го риз	104а	
9. Ш	Свв. мучч. в Севастии	104в	
	Св. муч. Дионисия	105б	
	Слово о Пафнутии	105в	
10. Ш	Свв. Кодрата и Киприа- на	106в	
	Слово от патерика о Марке мнихе	106г	
11. Ш	Св. муч. Пиония	107б	
	Преп. о. н. Григория, папы римского	107в—г	
	Преп. о. н. Софрония, архиепископа Иеруса- лимского	108а	
	Преп. о. н. Кирилла, ар- хиепископа Иерусалим- ского	108б	
	Преп. о. н. Георгия, но- вооявленного чудотвор- ца; преп. о. н. Венедик- та	108в (без сказа- ний)	
	Слово св. Григория о милостыне	108в	

ИЛЛЮСТРАЦИИ

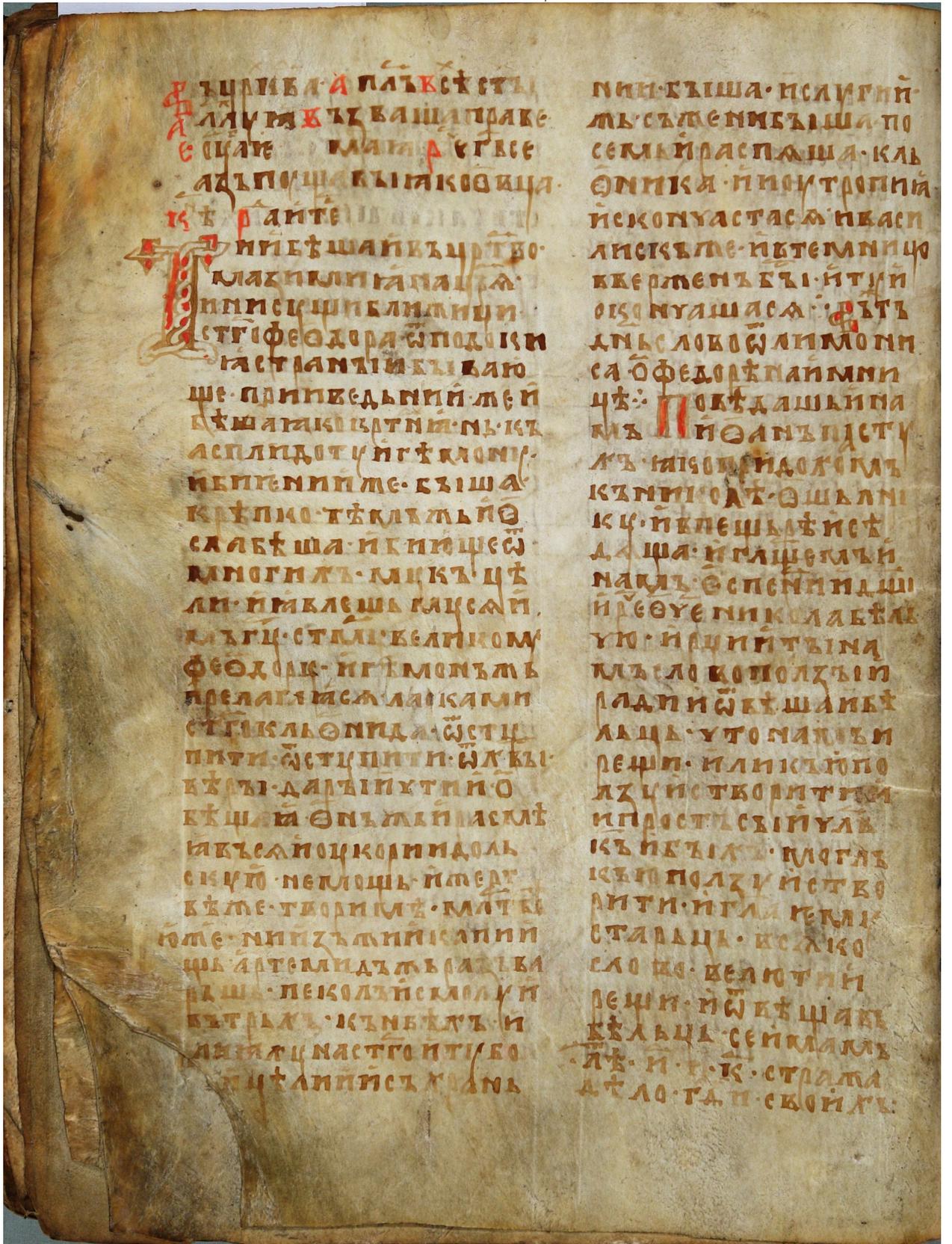

Иллюстрация 1. Тип. 167, 97 об.

ре въи въицип тыпо
 вѣд иишио працда
 ния приймаиши
 оправданиа моа
 приймаиши за вѣтъ
 мин оустыскон ми
 тѣи въз не авиде
 безаконие изверже
 слобеса мой спатъ и
 добръ бгулькѣ ре тѣо
 добрагоскроуиша сд
 ца бо его спатъ благо
 дѣт годла изпоси
 тѣ благо олѣиѣ

Ица тѣгоме оиднь
 устгоя прома арп
 иа илиѣ

Ипикалиѣ юптап
 уродомъ китѣи не и
 де вностии мцъ би
 ю додалци вте мн
 ци ипосѣ шалунст
 алушиль полесты
 мункѣ иещѣлали
 тѣи ѡрапъ подоша
 леи въ станици или
 кискую илота шей
 ти въ аколовѣ гдлп
 ити въ ша ѡстрамъ
 мцль поганылъ и
 дикныл ѡмлали
 тѣ бо арай съупики
 скше преда мнъ вшаи

ступнику кмаз пофла
 рийанц ике предѣста
 шале мц и въ прешми
 бѣша и кѣтъ и несла
 и повѣд аша и мцъ
 никъ шакаѣ пко и
 арѣи ме првоиѣ ке
 иу нельны мимцъ
 ми мцъ нѣи въ по
 слѣд и мѣи огнемъ
 въ мѣмъ къ и стѣ
 мѣ прѣмъ и тѣи ста
 замъ въ ила не ѡверѣ
 са и мнго мцъ нѣ
 бѣи мѣу емъ главиѣ
 го ѡсѣкоша рѣтъ дѣ
 стго мѣа ти мофѣи

Ипмофѣи стѣи къ
 иеѣ ала маориѣ
 тани станиѣ поста
 вленъ бѣи ѡушаго
 ѣипа и тѣи стра
 ны де акономаъ
 и въ скорнѣи цркви
 итѣмъ мѣ мнго ии
 кѣти и елпнъскии
 асть и пролаю ѡбли
 уаше и гатѣ въ кпа
 земъ тѣи станы
 пдолъ и цмъ тѣлѣи
 ша и мнго мцъ нѣ
 бѣи и вте мнпци и за
 теоръ пѣ и гла дѣи ма

Ицатговъ, 21, поклоенне
 ѿтныиъ веригъ стоапла пе
 тра. аже носнѡ продацра да
 тра. и въ брженъ въ телни
 коныднн. и родъ. црь а тѣи
 такова брань а. а словца
 и мле уемь лосъ уей. и видѣа
 оугодностъ бѣише. и родъ
 и мле. и а тѣсто петра. и сва
 злѣ оу жемладѣи ма. и въ
 бержен телемницю. и а нгъ
 бнн пришеды и телмницю
 ра дрѣши оу оулю. и въ берзено
 шы годвер телемницныи а н
 прстнн. и тако и бѣ ма оу р
 кк и родоу. и бѣ цнн жѣ оу брнн
 оу же оу брѣтше. и утѣ шесто ра
 по при а тнн оу дра ниша. и по
 слѣ дн утнныи цри. и ко ста
 нтнн гравн есенъ бѣ ста
 въ црь и сто петра блнзъ кше
 мцстѣи софнн. и оу то бн
 до се годнн. у то мѣ оу ста и по
 кланяемъ въ утѣ сто ала пер
 ѿ тѣ днѣ сто мункапа софнн
 а софнн мкѣ ба ше оу алекса
 ндрнн. снѣ нн ала нтѣ пат
 при лѣ ма ше кель оу цнн а оу
 унѣ а ко кцн писаннн. по оу
 мртѣи н мѣ оу ца. все бѣ тѣ ево
 сво сла вѣ нн шн мѣ и девц
 стѣи нн. и стѣ ворнѣ пцстѣи нн

аѣ. и к. мѣ а са бѣ цнѣ цннѣ же
 оу а цра дн улкѣ. оу клеветаше
 нн кѣи нн кѣ. алекса ндрейско
 мц. а вгѣ оу сталинн. посланц
 декнн мѣ на оу цнн стѣ оу крѣ
 та на мѣ. и пославъ а вгѣ ста
 лнн нѣ а са вѣ нн при ве де пре
 са. и по нц днн оу брѣ шнн е а да
 и по кло нн тнн а н до ло мѣ
 тнн а ко не оу бѣ ша. бнн го мѣ
 злнн мѣ крѣ пкѣ. на мнн оу зѣ
 бѣ мѣ е а год а р а ше бѣ. и ло
 ла ше а н до лы жѣ про к лнн а
 та. глше а ко нн у то жѣ сѣ тѣ
 тнн а ко вѣ мѣ нн мѣ мѣ ко нн а
 ѿ тѣ днѣ тра сто мѣ ка. да нн ктѣ
 у етѣ ца ѿ тѣ днѣ сло мѣ нѣ ко сѣ мѣ
 мнн нѣ. и жѣ оу тѣ по а тнн жѣ мѣ
 ѿ ратѣ бранѣ бѣи а оу бодѣи а нн
 и. при к лѣ оу нн жѣ сѣ мѣ мѣ.
 и тнн въ вѣ сѣ е гѣ пѣ тѣ кѣ кѣ. и
 вн дѣ дшѣ рѣ жѣ рѣ а н до лы кѣ
 нѣ злѣ оу бнн. и рѣ оу цнн оу ста да
 нн мѣ мнн жѣ нѣ. оу нн жѣ оу бѣ
 ша вѣ рѣ мѣ. не мо гѣ тнн да
 тнн е мѣ а ше не въ спрѣ шнн бѣ мѣ оу
 и ше дѣ кѣ. мѣ оу цнн рѣ мѣ. се
 гѣ тѣ рѣ мнн. нн хѣ при де хѣ та
 по. а тнн дшѣ рѣ мѣ оу. да мнн
 злнн. оу бѣ ша вѣ дѣ мѣ оу нн рѣ
 а ше оу бѣ рѣ жѣ тѣ а бѣ сво го нн
 крѣ шнннн. и оу бѣ то ва нннн а

не сетидла бѣ даръ видни
 праведныи и грѣшныи
 живѣтѣ обратѣ твои. въ ѿ
 помль въ цѣсѣ вѣокъ пиши
 сасни мль да ѿтолѣви жю
 англы. и ѿгоню дѣла кѣ
 быи. аще ви жю праведь
 ныи ѿ ба полыскѣта
 нглы свѣтлий. бѣ си же
 далече стоиатъ. не смѣюш
 приближити сѣмъ
 аще ли бѣтѣ илюкѣ бо гѣ ве
 лиа на немъ блгѣтѣ. аще
 ли грѣшникъ минцѣтѣ
 ма. ви жю ста да бѣ совѣ
 ѿ немль а стий англы далече
 уестоиатъ пе уалцѣ ютѣ ѿ по
 гѣ белнѣ улькѣ того. аще ли
 бѣ си хотѣтѣ погубити его.
 не да стѣ и мль англь ѿ рѣжѣ
 и нагонмѣи вѣ рѣкѣ ѿ гонѣ
 тыи. си же ви да ацѣ ѿ пра
 бедныхѣ радцѣю сѣ. а ѿ грѣ
 шныхѣ жерѣ да юи молю бѣ
 да ѿ братѣтѣ ѿ грѣхѣ. но цѣ
 ньши не да цѣтѣ покаяннѣ
 мль ѿ жидѣтѣ бѣ блгѣтѣ и
 бѣ ѿ брашеннѣ грѣшникѣ
 и покаяннѣ. и да ютѣ бѣ
 предложениа жизни до нѣ
 де же сконца ютѣ ко мѣждо

оуставно е лѣ. си то кѣ бо
 дше полезнаго слова
 урестѣ вѣстоношь бѣ еѣ до
 вѣстѣ стѣ и юппѣ. и пре
 пѣныи столпникѣ. и
 ѿндерадцѣи сѣ ѿ старцѣ
 полцѣни въ тако вѣстѣ м
 цѣтговѣ. и стѣ мѣ
 Фѣ ѿ Фила дѣи ко на ие
 ладѣи уетца **Т** а стѣи
 Фѣ ѿ Филѣ и геладнѣи да
 же и сповѣдающе бѣи си
 нь на гонѣ творца вѣстѣ
 и долѣи же оцѣ карающѣи
 утѣшаи. и покланѣющѣ
 и сѣи мѣи та вѣста анѣ
 Фѣпѣ томъ. не бѣ на вѣ
 ста. и строга на крѣпко
 не вѣдѣша и марцѣ бѣно
 цѣ и жгоша и мала дѣи
 и ѿгнемль. и урѣпѣ ѿ стѣ
 мнѣ строга шаи. и ины
 мѣкѣи то мленнѣи мно
 га при терпѣша. и цѣднѣи
 по еднѣи мѣ ѿ вѣрѣши сѣ
 да. и по жретѣи не утѣи мѣ
 бѣ сомъ. но не повнѣи цѣ
 шѣ сѣи слово мѣ при ло
 житѣ сѣ. ѿ цѣ уеннѣи
 любѣи дѣи. вѣла уи мѣ
 не бѣ ма по пира гѣ мѣ